

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ,
ФИНАНСОВ, ПРАВА И ТЕХНОЛОГИЙ**

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НОВЕЛЛЫ ПРАВА И ПОЛИТИКИ 2016

*Материалы
Международной научно-практической конференции*

23 ноября 2016 года

Том 1

**ГАТЧИНА
2016**

УДК (34+32)(063)

ББК (67+66)я5

Н 72

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Государственного института экономики,
финансов, права и технологий

Н 72 Новеллы права и политики 2016: в 2 т.: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции (г. Гатчина, 23 ноября 2016 г.). – Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ, 2016. – Т. 1. – 268 с.

ISBN 978-5-94895-105-8

Редакционная коллегия

Бозиев Таулан Османович

кандидат юридических наук, доцент

Голубева Лада Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент

В данном сборнике представлены материалы научных статей и докладов, посвященные изменениям в законодательстве и политике, произошедшим в 2016 году. Редакционная коллегия включила в сборник наиболее актуальные и научно-обоснованные исследования по тематике конференции.

Настоящее издание может быть рекомендовано студентам юридических вузов и факультетов, а также всем, кто интересуется проблемами современной юридической науки и практики.

Авторы опубликованных материалов несут персональную ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических и иных данных.

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов.

УДК (34+32)(063)

ББК (67+66)я5

ISBN 978-5-94895-105-8

© ГИЭФПТ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Секция 1. НОВЕЛЛЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА

<i>О.А. Аксенович.</i> К вопросу о применении института делегированного законодательства при конструировании инклюзивной образовательной среды	6
<i>Д.В. Белянцева.</i> Мегарегиональные партнерства как модель региона	14
<i>С.А. Бурьянов.</i> Международное право как основа глобального права и управления	18
<i>Л.А. Голубева.</i> Организационно-правовые аспекты конституционной реформы Туркменистана 2016 года	23
<i>Е.Ю.Калинина.</i> Парламентские выборы-2016: Испания в поисках альтернативы, Россия в поисках стабильности?	29
<i>О.В. Налиткина.</i> К проблеме учета исходного уровня языковой подготовки в формировании иноязычной профессионально-ориентированной компетентности у студентов юридических специальностей	35
<i>Г.А. Норкин.</i> Повышение качества юридического образования как фактор оптимизации законотворческой деятельности	42
<i>Д.Н. Скютте.</i> Выборы в палату представителей национального собрания Республики Беларусь 2016 г.: женское представительство	48
<i>В.В. Фостийчук.</i> О необходимости совершенствования отдельных элементов системы государственного управления	51
<i>А.Э. Черноков.</i> Теоретическая юриспруденция: новации и перспективы (обзор новейшей литературы за 2016)	56
<i>В.Ю. Чернышова.</i> Эволюция полномочий и изменение структуры Министерства финансов Российской Федерации в 2016 году	62
<i>И.Л. Честнов.</i> Юриспруденция в ситуации неопределенности	67

Секция 2. НОВЕЛЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

<i>Ю.В. Айрапетян.</i> Видео-протокол судебного заседания как процессуальная гарантия доступности правосудия в гражданском процессе Республики Армения	72
<i>Е.В. Гаврилов.</i> Умаление деловой репутации юридического лица при распространении порочащих сведений о его руководителе, и наоборот, в контексте обзора практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утвержденного президиумом верховного суда российской федерации 16 марта 2016 года	77
<i>Л.М. Ганцева.</i> Новое в Гражданском процессуальном кодексе РФ в свете нового закона об арбитраже	82

<i>В.С.Голец.</i> Актуальные вопросы подготовки дела к судебному разбирательству в гражданском процессе	87
<i>Ю.С. Гречушникова.</i> Практика применения законодательства в сфере банкротства физических лиц	92
<i>В.А. Драбенко, Д.В. Драбенко.</i> Отдельные аспекты нормативно-правового регулирования транспортно-экспедиторской деятельности	97
<i>Д.В. Жиденко.</i> Основные причины и условия совершения судебных ошибок в рамках цивилистического процесса	103
<i>М.Ю. Козлова.</i> Запрет на недобросовестную конкуренцию с использованием исключительного права на товарный знак	108
<i>Л.А. Красикова.</i> Некоторые проблемы применения трудового законодательства в свете разъяснений Верховного суда РФ 2016 года	114
<i>М.Н. Кузбагаров, Е.В. Кузбагарова.</i> Анализ судебной практики, как форма выявления новых видов нарушений прав граждан (на примере сферы защиты прав потребителей)	118
<i>Е.А. Кузнецова.</i> Актуальные проблемы по уплате страховых взносов в Пенсионный фонд РФ	124
<i>Н.С. Кузьмина.</i> О балансе интересов работника и работодателя	128
<i>Н.Е. Ладенков.</i> Новеллы трудового законодательства в области защиты права на оплату труда	133
<i>И.В. Лопухова.</i> Некоторые вопросы призвания к наследованию коммориентов	139
<i>В.В. Матюк.</i> Обязательное подтверждение соответствия продукции субъектами хозяйствования государств-членов Таможенного союза	143
<i>Т.В. Северцова.</i> О введении новой меры дисциплинарного взыскания и порядке её наложения по законодательству Республики Беларусь	147
<i>Е.В. Тресцова.</i> Новеллы законодательства об обороте недвижимого имущества 2016 (на примере машино-места)	152
<i>Л.А. Чернышева.</i> Частное агентство занятости как новый вид работодателя	157

Секция 3. НОВЕЛЛЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>О.А. Антонова.</i> Введение апелляционного производства в уголовном процессе республики Беларусь как средство обеспечения реализации права граждан на судебную защиту	163
<i>М.Р. Арпентьева.</i> Новеллы уголовного права: справедливость и жертвоприношение	168
<i>А.А. Беженцев.</i> Применение подзаконных нормативных правовых актов в деятельности по профилактике правонарушений несовершеннолетних	177
<i>Н.Н. Бухаров.</i> Тенденции и перспективы развития преступности в сферах высоких технологий	182

А.С. Виноградов. К вопросу о реформировании стадии возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве России ...	186
Т.И. Егорова. Диалектика уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков	190
Е.С. Иванова, А.В. Бачиева. Отдельные проблемы получения образцов для сравнительного исследования	195
А.Е. Козлов. Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей в новеллах уголовного законодательства 2016 года	199
Л.Ю. Ларина. Обратная сторона новелл УК РФ (на примере уголовной ответственности адвокатов)	204
А.Л. Лебедь. Новеллы норм уголовной ответственности за кражу в России	209
В.В. Николаев. Механизм внесудебного ограничения доступа к запрещенной информации в сети «Интернет: изменения и тенденции	215
Я.М. Плошкина. Новеллы федерального законодательства в сфере установления административной ответственности за невыплату заработной платы	220
М.Л. Родичев, Т.О. Бозиев. К вопросу о привлечении к уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности	226
Ю.С. Рубцова. Понятие существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства в составе преступной халатности, совершаемой сотрудником органа дознания	231
С.А. Серебряков, Л.А. Голубева. Соблюдение принципа независимости судей при рассмотрении дел об административных правонарушениях в суде	235
М.Н. Сипягина. Терминология института множественности преступлений и ее уголовно-правовое значение в современном уголовном законодательстве	238
А.А. Сливний. К вопросу о противодействии организации незаконной миграции	242
Ф.С. Сосенков. Вопросы противодействия сепаратизму в новой стратегии национальной безопасности России	247
З.И. Тагиров. Новеллы российского антитеррористического права и политики 2016 года: террологические основы формирования отечественной сетевой модели правоохранительной деятельности	252
А.В. Тимофеев. Коррупция и кредитно-банковская сфера	256
И.М. Усманов. Анализ изменений и дополнений законодательства Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности в условиях реализации Федерального закона от 6 июня 2016 г. №374-ФЗ (закона И.А. Яровой)	264

Секция 1 НОВЕЛЛЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА

О.А. Аксенович

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ИНСТИТУТА ДЕЛЕГИРОВАННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ КОНСТРУИРОВАНИИ ИНКЛЮЗИВНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Ольга Александровна Аксенович – старший преподаватель кафедры теории права и гражданско-правового образования, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург;
e-mail: aksenowicholga@mail.ru.

В статье рассмотрены основные подходы к понятию инклюзивной образовательной среды, оценены перспективы её конструирования посредством применения институтов делегированного законодательства и делегированных полномочий.

***Ключевые слова:** инклюзивная образовательная среда; инклюзивное образование; инклюзия; делегированное законодательство; делегированные полномочия; специальная образовательная среда.*

В современной науке термины «интегрированное обучение», «инклюзивное обучение», «совместное обучение» используются как синонимы. Они не равнозначны, каждый обладает собственным смыслом и находятся между собой в отношении соподчинения. Наиболее общим является термин «совместное обучение», включающий в себя остальные два.

Ситуация совместного обучения достигается, когда в школе или классе объединяются учащиеся, разные по своим психофизическим, речевым, сенсорным, интеллектуальным возможностям (да и в отношении обычного класса вряд ли можно говорить об абсолютно однородном составе). Совместное обучение имеет место и в случае, когда при определённых социокультурных условиях в одной школе или классе в учебном процессе объединены дети, различающиеся по языковому, национальному, расовому, конфессиональному, половому, сословному, возрастному или

другим признакам. Обучение детей с ограниченными психофизическими возможностями вместе с детьми, имеющими нормативное развитие, является одним из вариантов совместного обучения.

Интегрированное обучение исторически связано с проблемой совместного обучения обычных детей и детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). В.Ю. Сморгунова и Е.Ю. Калинина приводят удручающие статистические данные: по сведениям международной неправительственной организации Humanium, около 2% детей-инвалидов не имеют доступа к образованию, а по данным ЮНЕСКО 90% таких детей в развивающихся странах лишены возможности посещать школу [9. С. 43].

Имеются организационные варианты совместного обучения:

а) отдельная (специализированная) группа в массовом дошкольном образовательном учреждении (ДОУ) или отдельный (специализированный) класс в структуре массовой общеобразовательной школы, где занимаются только дети с ограничениями (одной нозологической группы, например, дети с нарушениями слуха);

б) специальные (коррекционные) образовательные учреждения (СКОУ), где обычные дети учатся и воспитываются вместе с детьми, имеющими ограничения здоровья. Программы обучения для детей с ОВЗ в этом случае имеют редуцированный характер и реализуются в пролонгированные сроки (обучение осуществляется по адаптированным образовательным программам). Т.Г. Богданова понимает интегрированное обучение, как «совместное обучение и воспитание детей с ОВЗ и детей с нормативным развитием, предполагающее организационные формы, отличающиеся по месту, времени, продолжительности, характеру присутствия, по возможностям и качеству контактов между обучаемыми» [2. С. 28].

Под инклюзивным (включённым) обучением понимается такая организация интегрированного обучения, при которой дети с ОВЗ по одному или малой группой непосредственно включаются вместе с обычными детьми в учебный процесс класса (группы ДОУ) на равных с ними условиях участия [2. С. 29)]. Учебный

процесс должен быть трансформирован таким образом, чтобы одновременно советовать образовательным потребностям каждого ученика. Важными элементами трансформации являются обучение учащихся с ОВЗ по разработанным для них адаптированным образовательным программам и создание специальной образовательной среды в инклюзивном классе.

Устоявшееся определение инклюзии является узким и не соответствует современным условиям. Ю.В. Багинская отмечает, что инклюзия «служит удовлетворению индивидуальных образовательных потребностей всех детей независимо от их материальных, интеллектуальных, социальных, эмоциональных или иных условий и должна создаваться как для детей-инвалидов, так и одарённых, беспризорных, детей из отдаленных районов, относящихся к языковым, этническим или культурным меньшинствам, а также для детей из других, находящихся в неблагоприятном положении или маргинальных групп населения» [3. С. 47–51]. К.Ж. Матиева также выделяет широкое понятие коррекционно-развивающей среды, которая обеспечивает «соответствующие условия и равные с обычными детьми возможности для получения образования в пределах специальных образовательных стандартов, оздоровление, лечение, воспитание, обучение, коррекцию нарушений развития и социальную адаптацию» [7. С. 291–293]. Соглашаясь с широкой трактовкой авторов, отметим: инклюзию необходимо создавать не только для детей, но и для взрослых.

Современная форма интегрированного инклюзивного образования появилась во второй половине XX века, в 1960–1990-е годы. Как отмечает Т.Г. Богданова, «новый этап развития инклюзивного образования можно обозначить как социально-правовой» [2. С. 16]. Распространение совместного обучения обычных детей и детей с ограниченными возможностями происходило на фоне восприятия мировым сообществом глобальной гуманистической парадигмы о правах человека, сформировавшейся в Европе под влиянием последствий Второй мировой войны. Юридической базой модернизации инклюзивной образовательной среды стала Всеобщая декларация прав человека 1948 года, а социальным катализатором – процесс борьбы за расовое равноправие против

сегрегации и дискриминации в США.

Под влиянием идей инклюзивной образовательной среды созданы первые модели образовательных учреждений. Революционные изменения в науке, технике, информационном пространстве в сочетании с либерально-демократическими реформами 1970-х годов способствовали формированию и развитию в педагогике инновационных теорий, технологий, связанных с внедрением интерактивного, экологического подходов к образовательному процессу. Е.Ю. Калинина справедливо отмечает: «В современном мире, переживающем состояние кризиса, возникает необходимость глубоко продумать цели образования, обновить его методы» [5. С. 77].

В 1990-х годах ряд образовательных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Челябинска, Екатеринбурга принимал участие в совместных проектах с Бельгией, Нидерландами, Францией, США, в рамках которых приступили к работе в режиме интеграции, но системного внедрения инклюзивного образования в РФ не состоялось. Примечательна разработка концепции образовательной интеграции (инклюзии) и Положения о координационном совете по интеграции (инклюзии), осуществлённые коллективом авторов во главе с М.С. Старовой [10. С. 134–146]. Такой Совет создаётся на общественных началах, является коллегиальным, а его решения носят рекомендательный характер, что нам кажется неудачным регулированием. Е.Н. Приступа выделяет ювенальное обоснование процессов инклюзии для молодёжи: «отклонение в физическом и психическом развитии приводит к нарушению познавательных функций, эмоционально-волевой, личностной сферы, накладывает негативный отпечаток на социальную идентичность» [8. С. 40]. Л.Г. Астаховой и Е.Н. Буслаевой затронут аспект психологической безопасности инклюзивной среды. Одной из главных проблем авторы обозначают буллинг как агрессию по отношению к детям-инвалидам в инклюзивных школах и детских садах. Авторы приводят пример: в 2012 г. эксперты ВОЗ опубликовали обзор, включающий результаты 17 исследований, проведенных в странах с высоким уровнем дохода – США, Великобритании, Испании, Франции,

Финляндии, Швеции и Израиле. В обследовании приняло участие 18 тыс. 374 ребенка-инвалида. Полученные ВОЗ результаты свидетельствуют о том, что уровень насилия по отношению к детям-инвалидам в 3,7 раза превышает аналогичный показатель среди здоровых детей. Дети с умственными расстройствами или психическим заболеванием подвергаются сексуальному насилию в 4,6 раза чаще, чем их сверстники, не имеющие инвалидности» [1. С. 116–121]. Актуален вопрос формирования толерантности в инклюзивной среде. «Это не столь просто, – отмечает Е.Ю. Калинина, – поскольку кризисное состояние нравственности современного общества, размытость его духовных ориентиров являются следствием долговременного отсутствия в государстве обоснованной системы чётко выраженных ценностных приоритетов и идеалов» [6. С. 99].

Среди новейших теоретических разработок отечественных специалистов А.Н. Ходусов выделяет аксиологический подход в инклюзии, в котором «доминирует идея о развитии ребёнка с ограниченными возможностями здоровья как его личностном смысле, связанном с активностью субъекта, отражающим непрерывное изменение, развитие личности» [12. С. 177]. М.А. Галагузова, связывая процессы инклюзии с социальной работой, отмечает, что наблюдается «перенесение фокуса внимания от физического состояния детей с ОВЗ на состояние общества и прежде всего системы образования» [4. С. 194]. И.Л. Федотенко отмечает: «В России ситуация с инклюзией парадоксальна: с одной стороны, незначительное число формально инклюзивных образовательных учреждений, с другой стороны, почти каждая школа на практике интегрирует (успешно или нет) в свое образовательное пространство детей с особыми потребностями. При этом, как правило, имеет место лишь номинальная интеграция детей в школьную среду. Наиболее острой проблемой остается подготовка учителей к деятельности в инклюзивных образовательных учреждениях» [12. С. 216–221].

Отметим, что в динамично развивающихся образовательных отношениях для эффективного построения инклюзии необходима подвижная компетенция вузов. Инклюзия в высшем образовании

сегодня встречает активное организационное и бюрократическое сопротивление, закрывая доступ инвалидам, лицам в иных трудных жизненных ситуациях доступ к образованию. Мы предлагаем на уровне Правительства РФ и Минобрнауки РФ закрепить делегацию полномочий, а также внедрить практику принятия делегированных нормативных актов, регламентирующих инклюзивное образование.

Мы выделяем делегированное законодательство в инклюзивной образовательной сфере на следующих уровнях:

1) международная делегация полномочий (от государственных участников органам – ООН, ЮНЭСКО, ЮНИСЕФ и др.);

2) внутригосударственное делегированное законодательство (передача полномочий министерствам и ведомствам);

3) региональное делегированное законодательство – регламентирует построение инклюзивной образовательной среды в субъектах РФ);

4) локальная делегация – охватывает перераспределение компетенции образовательным учреждениям ВПО, СПО, школам.

Мы выделяем следующие негативные новеллы права и политики 2016 года:

а) Новая редакция ФЗ «Об образовании» от 03.07.2016 г. (вступила в силу с 01.09.2016 г.) – в ч. 8 и 10 ст. 36 делегирует ответственность за формирование стипендиального фонда социальных стипендий для инвалидов без субсидиарной ответственности федерального бюджета. Новелла в перспективе может привести к снижению социальной защищённости учащихся-инвалидов.

б) Мы отмечаем фундаментальную проблему социализации и трудоустройства инвалидов в условиях острой социальной конкуренции. В социальной практике выделим опыт благотворительной организации «Дети Павловска» (Валентина Вьюгина) и РОО «Право ребёнка» (Борис Альтшулер), которые реализовали в 2016 г. проект по социализации выпускников школы-интерната № 4 г. Павловска. Благодаря подвижнической и волонтерской деятельности ряд воспитанников по достижению 18 лет смогли покинуть интернат и жить самостоятельно, избежав участи попа-

дания во взрослый интернат. По сообщению ИА «Росбалт», получить «путевку в жизнь» в этом году смогла 18-летняя Соня. Несмотря на диагноз «спинномозговая грыжа», она получила статус дееспособного человека. И при поддержке волонтеров Соня смогла получить положенное ей по закону социальное жилье – однокомнатную квартиру в новостройке на окраине Петербурга, где нет ни поликлиники, ни больницы, ни школы. Вот уже месяц она осваивает уроки самостоятельной жизни – изучает правила оплаты коммунальных платежей, хождения в магазин, оплаты покупок, перемещения по мегаполису на инвалидном кресле. Параллельно Соня ищет работу. Ежемесячно она получает примерно 17 тыс. рублей – в эту сумму входит пенсия и монетизированные льготы. Но это лишь минимум, который необходим для поддержания жизни. «Сейчас смотрю вакансии для инвалидов. Я очень хочу закончить вечернюю школу, чтобы у меня был выбор профессии. Хочу посетить другие страны», – говорит девушка. Соня планирует отправиться в отдел образования Красногвардейского района, рассказать о себе и получить право на обучение в вечерней школе. Для этого ей надо будет пройти медико-психологическую педагогическую комиссию. Эксперты должны принять решение, в какой именно класс можно зачислить Соню.

Таким образом, основной тенденцией в политико-правовом регулировании статуса инвалидов в 2016 году в РФ стало сужение делегированной компетенции местным органам власти, в целом, снижение уровня социальной защищённости и обеспеченности прав лиц с ограниченными возможностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астахова Л.Г., Буслаева Е.Н. Формирование готовности студентов и педагогов к созданию психологически безопасной инклюзивной среды // Педагогическое образование в России. 2016. № 1. С. 116–121.

2. Богданова Т.Г., Гусейнова А.М., Назарова Н.М. Педагогика инклюзивного образования: учебник / под ред. Н.М. Назаровой. М.: ИНФРА-М, 2017. 300 с.

3. Богинская Ю.В. Инклюзивная образовательная среда дошкольного образовательного учреждения и начальной школы: комплексный подход // Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 47–51.

4. Галагузова М.А., Беляева М.А., Галагузова Ю.Н., Дорохова Т.С., Ла-

рионова И.А., Молчанова Н.В. Социальная педагогика. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2016. 400 с.

5. Калинина Е.Ю. Современное состояние образования в Европе: вызовы и проблемы // *Universum: Вестник Герценовского университета*. 2012. № 2. С. 71–77.

6. Калинина Е.Ю. Кризисное правосознание молодёжи в период общественных трансформаций // Семейная медиация в ювенальной политике Сборник статей международной научно-практической конференции. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. С. 95–100.

7. Матиева К.Ж. Значение инклюзивного образования в современном дошкольном образовании // Научное сообщество студентов: сб. материалов IX Международной студенческой научно-практической конференции. В 2-х т. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. С. 291–293.

8. Приступа Е.Н. Социальная работа с лицами с ограниченными возможностями здоровья: учеб. пособие. М.: Форум: ИНФРА-М, 2015. 200 с.

9. Сморгунова В.Ю., Калинина Е.Ю., Пристанскова Н.И. Основы политико-правового регулирования положения семей, воспитывающих детей-инвалидов // *Вестник Орловского государственного университета*. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2014. № 4 (39). С. 43–46.

10. Староверова М.С., Ковалев Е.В., Захарова А.В., Рыжикова Е.И. Инклюзивное образование. Настольная книга педагога, работающего с детьми с ОВЗ: методич. пособие. М.: ВЛАДОС, 2011. С. 134–146.

11. Федотенко И.Л., Захарук Т.И. Подготовка студентов к профессионально-педагогической деятельности в инклюзивной образовательной среде // *Известия Тульского государственного университета*. Педагогика. 2014. № 1. С. 216–221.

12. Ходусов А.Н. Педагогика воспитания: теория, методология, технология, методика: учебник. М.: ИНФРА-М, 2016. 300 с.

МЕГАРЕГИОНАЛЬНЫЕ ПАРТНЕРСТВА КАК МОДЕЛЬ РЕГИОНА

Дина Владимировна Белявцева – доцент кафедры политологии, учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», кандидат политических наук, доцент, г. Минск, Беларусь; **e-mail: belyavtseva@mail.ru.**

В статье рассматривается новая модель политического региона – мегарегиональные партнерства. Автор анализирует проявление основных признаков политического региона. На основании проведенной работы делается вывод о том, что географическая близость территории теряет свою актуальность, возрастает значение общности интересов, проявление политической субъектности в значительной степени зависит от элит или стран-лидеров.

Ключевые слова: мегарегиональные партнерства; регионализм; регион; мегарегион; особая модель региона; ответ на внешние вызовы.

Регионализм всегда был характерной чертой развития политического пространства. Он проявлялся в разнообразных формах. Во второй половине XX века появляется квазиконтинентальная форма [8. Р. 293–342], которая трансформируется в мегарегиональную. Появление мегарегионов есть, в первую очередь, результат модификаций хозяйственного пространства глобальной экономической системы (GES) [1. С. 160]. Попробуем концептуализировать их как особую модель региона. Это предполагает выявление факторов развития и роли региона. Среди факторов формирования чаще всего называются: территория, представляющая общность с географической точки зрения, определенные общие ценности, общий интерес, политическая субъектность.

В условиях сжатия пространства и времени, развития «нового» регионализма, усиления «проникающей», «контактной» функции границ значение общности территории с географической точки зрения перестает иметь значение. Об этом свидетельствуют подписание Соглашения о Тихоокеанском партнерстве (ТТП) в феврале 2016 г., обсуждение проектов ЕС – Канада, ЕС –

Япония, Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТАТИП), Регионального всестороннего экономического партнерства (РВЭП). Эти и другие соглашения охватят почти 90% ВВП. Таким образом, можно говорить об актуализации значения общего интереса и общих ценностей. Еще, например, представители неофункционализма (К. Дойч, Э. Хаас) отмечали, что в рамках интеграционных процессов важно учитывать не только интересы национальных государств, но и народов, и обществ. По их мнению, интеграционные объединения, партнерства должны основываться на «чувстве сообщества». Оно возникает в результате коммуникации, а основной целью интеграционного партнерства является создание общества безопасности [5. Р. 121–143].

Общие ценности, социально-психологическая близость сохраняют свою значимость до сих пор. Например, Г. Ваккерман, изучая процессы создания трансграничных объединений в Европе, отмечал неприязнь между французами и немцами, но при этом подчеркивал, что чувство общности из-за их периферийного положения по отношению к центру оказывается важнее, чем неприязнь [7. Р. 182–191]. Об общности ценностей говорил также и Ф. Фукуяма, подчеркивая, что одной из важнейших добродетелей, лежащих в основании прогресса сообществ, является доверие [2]. Неудивительным в связи с этим выглядит развитие концепции «Экономического пояса Шелкового пути» и особенности участия в ней стран, не являющихся геополитическими, глобальными акторами. Собственно, стремление к безопасности, сопряженное с доверием, во многом и толкает современные государства к созданию мегарегиональных партнерств. Таким образом, в XXI веке формируется новая модель политического региона – мегарегион, выходящая за географические рамки соседствующих стран, между которыми сложились активные взаимодействия, и складывающаяся на основе международных интеграционных объединений.

Мегарегиональные партнерства могут включать также пространства с модернизирующимися системами ценностей. Так, например, ТТП включает не только США, Канаду, но и такие госу-

дарства, как Вьетнам, Перу, а «Экономический пояс Шелкового Пути» – Китай, Иран, Ирак, Россию, Украину, Италию и другие. Представляется, что в условиях трансформации GES важнейшим фактором взаимодействия оказывается общий интерес, в значительной степени экономический. Среди причин формирования кросс- и трансграничных образований часто указывается общность и взаимодополняемость главных и совместно решаемых социально-экономических проблем. В контексте глобализации мегарегионализм может рассматриваться как попытка выживания в условиях усложнившихся социально-экономических и экологических проблем [4. Р. 9–10]. Общий интерес мегарегионального партнерства представляет собой синтез интересов сообществ, происходящий под воздействием сугубо региональных уникальных условий. Он опосредован «чувством» мегарегиона, и в его структуру могут входить мегарегиональные культурные, экономические интересы и даже политические требования. Возможность появления интереса мегарегионального партнерства определяется наличием кливажей в мире по культурному, экономическому, управленческому принципу. Например, выгода Вьетнама от членства в ТТП определяется обнулением таможенных пошлин на товары швейной промышленности, исключениями для сырья, используемого в указанной области, а также возможностями сотрудничества в военной сфере с учетом конфликтов в Южно-Китайском море.

Актуализация общего интереса зависит от его проводника и имеющихся у него инструментов. Иными словами, речь идет об элите или стране-лидере «мегарегионального» взаимодействия, их институализации на пространстве партнерства и каналах влияния на региональное сообщество. Элита должна приобрести способность обеспечить постоянное представительство интересов сообщества, их артикуляцию, стать актором мегарегионального пространства, закрепиться в политическом ландшафте. Большим потенциалом обладают элиты, имеющие ресурсы обновления. Мегарегиональный интерес чаще всего – это интерес элиты. В таком случае участие сообществ, входящих в него, может происходить в мобилизованных формах. Например, в рамках ТТП, с од-

ной стороны, отсутствует необходимость делегировать часть своего суверенитета на наднациональный уровень, с другой – существуют условия политического характера, предусматривающие развитие демократии, открытость власти и борьбу с коррупцией. В частности, речь идет о свободном обмене данными и размещении публичных компьютерных серверов, введение в законодательство стран-участников норм, предусматривающих уголовное наказание за хакерские атаки и кражу данных. В качестве попытки мобилизации и установления политической субъектности можно также рассматривать приглашение Китая и России присоединиться к ТТП. Напомним, что новые члены должны принять уже сложившиеся условия.

Создание новых мегарегиональных партнерств возможно и как ответ, реакция на внешние вызовы. Иными словами, они должны почувствовать угрозу. Например, Б. Обама прямо говорил, что в условиях, когда более 95% потребителей продукции США живут за их пределами, страна не может позволить Китаю определять правила мировой экономики [3]. В этой связи можно говорить не только об элитарной модели мегарегионального партнерства, которое создается странами-лидерами как политическая сеть для распространения и укрепления своего влияния, но и о реактивной модели актуализации мегарегионального интереса для защиты от «других». Но в целом, в регионализме в большей степени заинтересованы элиты. Таким образом, «мегарегиональное» партнерство, используя терминологию Р. Сака, может пониматься как особая модель поведения тех или иных политических субъектов (чаще всего стран-лидеров), целью которой является освоение пространства и контроль за этим пространством [6. Р. 19]. В этой связи мегарегиональные партнерства являются буферами при актуализации угроз устойчивости для основных акторов мировой системы. В экономическом плане они канализируют или аккумулируют избыточные или недостаточные ресурсы развития основных экономик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иншакова Е.И., Волошина Е.Ю. Функции мегарегионов и мегагоро-

дов в глобальной экономической системе // Вестник Волгоградского экономического университета. Сер. 3. Экономика. Экология. 2010. № 1(16). С. 159–166.

2. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. М.: АСТ: Ермак, 2004. 730 с.

3. Хейфиц Б. Новые экономические мегапартнерства и глобальная экономика // Interaffairs.ru: [сайт]. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1456> (дата обращения: 20.08.2016).

4. Bullmann U. The Politics of the Third Level // The Regional Dimension of the European Union. Ch. Jeffery (ed.). London: Cass, 1997. P. 9–10.

5. Deutsch K. Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience // The European Union: reading on the Theory and Practice of European Integration. 2003. P. 121–143.

6. Sack R. Human Territoriality: Its Theory and History. Cambridge: Cambridge University press, 1986. 272 p.

7. Wackermann G. Frontieres politiques et geographie culturelle – du trace, france-luxembourgeois a celui du Rhim Superieur depuis les annees vingt // RegioBasilensis. 1981. Vol. 22. № 2–3. P. 182–191.

8. Waever O. The Baltic Sea: A region after Postmodernity? // Neo-Nationalism or Regionality? The Re-Structuring of Political Space around the Baltic Rim / Ed. by P. Joenniemi. Nard REFO, Report. Stockholm, 1997/5. P. 293–342.

С.А. Бурьянов

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО КАК ОСНОВА ГЛОБАЛЬНОГО ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ

Сергей Анатольевич Бурьянов – доцент кафедры международного права и прав человека, Московский городской педагогический университет, кандидат юридических наук, доцент; г. Москва; **e-mail: burianov-msk@ya.ru.**

В статье рассмотрены перспективы развития международного права [в качестве основы для формирования глобального права и управления в целях устойчивого развития]. Автор приходит к выводу, что прогрессивное развитие международного права призвано сформировать правовую основу для перехода от стихийного развития нестабильности международных отношений к управляемости современными процессами и, соответственно, устойчивому развитию человеческой цивилизации.

Ключевые слова: международное право, глобализация общественных отношений, глобальные проблемы, глобальное управление, глобальное право, правовая глобалистика.

Формирование целостности современного мира неразрывно связано с процессом глобализации общественных отношений, под которым понимается интеграция социальных взаимодействий в единую планетарную систему [2. С. 25].

Процесс интеграции является отражением современного этапа смены состояний в развитии и усложнении общественных отношений от их усложнения и сближения до взаимопроникновения и, как следствие, взаимозависимости в планетарном масштабе. Иными словами, процесс глобализации общественных отношений ведет к их кардинальному изменению и развитию принципиально нового состояния, которое целесообразно назвать глобальностью упомянутых отношений.

Важнейшими проявлениями глобальности общественных отношений является формирование глобальных подсистем: финансовых, экономических, торговых, информационных, культурных и пр. Таким образом, глобальность охватывает совокупность параметров и характеристик в различных сферах общественных отношений (подсистем), из которых формируется планетарная система. Так как уровень развития общественных подсистем различен, то это приводит к дисбалансу и нарушениям устойчивости формирующейся планетарной системы.

Полагаю, что значительное отставание политической (и тесно с ней взаимосвязанной правовой и образовательной) подсистемы общества предопределяет глобальные проблемы, препятствующие устойчивому развитию и несущие угрозы существованию цивилизации [1. С. 63–64]. В частности, осознание важности проблем устойчивого развития нашло свое отражение в документах Организации Объединенных Наций, в т.ч. в Повестке дня на XXI век и Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию от 1992 г., Декларации тысячелетия от 2000 г. и др. В сентябре 2015 года на 70-й сессии Генеральной ассамблеи ООН, посвященной устойчивому развитию, была утверждена итоговая повестка глобального развития на период после 2015 года. Новая повестка предполагает достижение 17 целей и 169 задач.

И.И. Лукашук не без оснований отмечает, что «впервые в истории встал вопрос о выживании человечества. Особенность на-

званных проблем в том, что они являются глобальными и могут быть решены лишь совместными усилиями государств. Международное сообщество должно стать сообществом спасения человечества. Для этого необходим более высокий уровень управления социальными процессами как на национальном, так и на глобальном уровне. Существенное совершенствование управления выдвинулось на первый план» [4. С. 116].

В качестве одного из весомых факторов отставания политической подсистемы можно назвать отсутствие адекватных механизмов управления планетарной системой, которые должны быть сформированы в целях решения глобальных проблем и устойчивого развития цивилизации. Так как процесс создания и принятия норм формирующегося глобального общества является основополагающим в процессе формирования глобальной системы управления, то проблема глобального права [7. С. 90–146] выходит на первый план. Требуется опережающее формирование и принятие принципов и норм, соответствующих кардинально изменившимся (и продолжающих стремительно меняться) общественным отношениям.

Это значит, что в современных условиях ведущая роль должна принадлежать правовой глобалистике. Именно правовая глобалистика призвана создать концептуальную, теоретико-правовую и нормативную основу для формирования глобальной системы управления.

Следует согласиться с авторами, которые считают, что «процесс глобализации развивается благодаря существованию современного международного права и государств как первичных субъектов международного права и требует, чтобы обеспечение основных интересов государств и их экономическое развитие осуществлялось в соответствии с международным правом и основывалось на уважении прав человека» [5. С. 8].

Устав Организации Объединенных Наций, наряду с иными основополагающими принципами, призвал утвердить веру в основные права человека на основе терпимости, а также закрепил стремление государств осуществлять международное сотрудничество для решения мировых проблем на основе поощрения и

развития уважения к правам человека и основным свободам «без различия расы, пола, языка и религии».

Полагаю, что система глобального управления и права также должна формироваться на основе принципов, норм и институтов международного права во взаимодействии с внутригосударственными правовыми системами. Правда, для этого они должны претерпеть целый ряд эволюционных изменений. Прежде всего, необходимо дать современное определение понятия «международное право», которое соответствует современным общественным отношениям [6. С. 8–17]. Так как современное правопонимание неразрывно взаимосвязано с правами человека [3. С. 7], а современные общественные отношения взаимосвязаны с глобальными процессами и проблемами, то это должно найти свое отражение в определении понятия международного права.

В указанном контексте международное право – это система принципов и норм в сфере взаимодействий между государствами и другими субъектами, которые должны быть направлены на реализацию прав человека, что будет способствовать решению глобальных проблем и переходу к устойчивому развитию человеческой цивилизации.

В качестве основных перспектив прогрессивного развития международного права (подразумевающих развитие его теоретико-правовых, нормативных и институциональных основ) можно выделить следующие:

- повышение роли и приоритетное развитие механизмов реализации прав человека в качестве воплощения его свободы как объективного требования современных общественных отношений;
- реформирование и развитие новых принципов международного права как его основополагающих начал;
- повышение эффективности норм международного права как юридически обязательных правил поведения его субъектов на основе принципа правовой определенности;
- универсализация принципов и норм международного права, приведение в соответствии с ними региональных норм;
- развитие взаимодействия норм международного права и

внутригосударственных правовых систем;

- изменение системы международных отношений от однополярной к бесполярной;

- развитие основ управления мировыми процессами в направлении ограничения власти и отказа от «права силы», перехода к «силе права»;

- реформирование ООН в направлении постепенного отказа от иерархической системы управления на основе расширения представительства и повышения роли негосударственных международных организаций и акторов;

- правовое закрепление принципа толерантности как признания равноправия и уважения к индивидам вне зависимости от различий при условии правомерности поведения;

- правовое закрепление и реализация принципа мировоззренческого нейтралитета субъектов международного права как условия разграничения формирующейся глобальной системы управления и мировоззренческих институтов общества с целью разделения религии и политики, преодоления этно-конфессиональных барьеров, формирования глобального мышления.

Очевидно, что глобальное управление без правового обеспечения невозможно, но при этом развитие глобального права, в частности, его научно-образовательной составляющей, должно носить опережающий характер. Глобальное право должно включать в себя научное направление «Правовая глобалистика», учебную дисциплину «Глобальное правоведение», систему принципов и норм, в планетарном масштабе регулирующих общественные отношения, а также взаимодействия человека и природы.

Таким образом, в современных условиях ведущая роль принадлежит правовой глобалистике, которая должна создать теоретико-правовую и нормативную основу для формирования глобальной системы управления, в свою очередь, призванной создать условия для решения комплекса глобальных проблем и устойчивого развития планетарной системы.

В целом прогрессивное развитие международного права призвано сформировать правовую основу для перехода от стихийного развития нестабильности международных отношений к управ-

ляемости современными процессами и устойчивому развитию человеческой цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурьянов С.А. Будущее международного права в условиях глобализации общественных отношений через призму творческого наследия Игоря Ивановича Лукашука // Евразийский юридический журнал. 2016. № 7 (98). С. 63–67.

2. Бурьянов С.А. Значение и перспективы международно признанных прав человека, включая свободу мысли, совести и религии, в условиях глобализации общественных отношений // Евразийский юридический журнал. 2015. № 12 (91). С. 25–28.

3. Гражданские права человека в России: современные проблемы теории и практики / авт. коллектив П.В. Анисимов [и др.]; под ред. Ф.М. Рудинского. 3-е изд. М.: Изд-во МГПУ, 2010. 624 с.

4. Лукашук И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. 2002. № 3. С. 115–128.

5. Моисеев А.А. Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве (в контексте глобализации): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 46 с.

6. Права человека в условиях глобализации и их защита в международном частном праве (междисциплинарное исследование): колл. монография. В 2-х кн. Кн. I / под ред. А.И. Кривенького. М.: Изд-во МГПУ, 2016. 212 с.

7. Урсул А.Д. Глобальное измерение права // ВВ: Вопросы права и политики. 2012. № 5. С. 90–146.

Л.А. Голубева

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ ТУРКМЕНИСТАНА 2016 ГОДА

Лада Анатольевна Голубева – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат юридических наук, доцент, г. Гатчина; **e-mail:** golubeva.giefpt@yandex.ru.

В статье рассмотрена система высших органов государственной власти Туркменистана на основе анализа реформированных правовых норм, регулирующих порядок их формирования и осуществления полномочий.

Ключевые слова: Туркменистан; орган государственной власти; СНГ; президентская республика; конституционно-правовые институты.

Туркменистан является одним из государств Центральной Азии и признан международным сообществом в качестве суверенного государства. При этом можно согласиться с тем, что это самое необычное государство из бывшего социалистического блока на постсоветском пространстве: как в силу высокой степени инертности политической культуры [2. С. 181–198], так и по причине признанного постоянного нейтралитета в рамках международной политики [4. С. 67–70].

В результате конституционной реформы 2016 года, проведенной по инициативе Президента страны, произошли изменения в организационном аспекте системы высших органов государственной власти. Форма правления Туркменистана представляет собой яркий пример президентской республики. Система органов государственной власти Туркменистана установлена Конституцией Туркменистана и законами, действующими на ее основе.

В соответствии со ст. 66 Конституции Туркменистана [1] высшими органами государственной власти являются Президент Туркменистана, Меджлис Туркменистана, Кабинет Министров Туркменистана, Верховный суд Туркменистана. На местном уровне государственная власть осуществляется органами представительной власти (Халк Маслахатами) и исполнительной власти (хакимами) в соответствии со ст. 80 Конституции.

Статус Президента Туркменистана регулируется Разделом III Конституции Туркменистана, Законом Туркменистана «О Президенте Туркменистана» от 21 мая 2011 года № 192-IV и Законом Туркменистана «О выборах Президента Туркменистана» от 21 мая 2011 года № 193-IV.

В соответствии с нормами законодательства, кандидат на должность Президента Туркменистана должен преодолеть следующие избирательные цензы:

- гражданство Туркменистана по рождению;
- возраст от 40 лет;
- владение государственным языком;
- ценз оседлости не менее 15 лет.

Выборы назначаются высшим органом законодательной власти.

Срок полномочий Президента составляет 7 лет, во время срока полномочий и после их прекращения Президент обладает неприкосновенностью.

Основаниями для прекращения полномочий согласно ст. 75 Конституции Туркменистана, являются:

- истечение срока полномочий;
- досрочное прекращение по причине болезни на основании решения Меджлиса;
- досрочное прекращение по причине выраженного Меджлисом недоверия на основании решения, принятого на референдуме.

В случае невозможности исполнения Президентом принадлежащих ему полномочий на срок не более 60 дней (до момента выборов нового Президента) их исполняет Председатель Меджлиса Туркменистана.

Полномочия Президента можно сгруппировать по сфере осуществления:

- в сфере законодательной власти;
- в сфере внешней политики;
- в сфере внутренней политики;
- в сфере безопасности;
- классические полномочия главы государства (решение вопросов гражданства и т.д.);
- иные полномочия, определяемые Конституцией и законами Туркменистана.

В целях реализации государственно-властных полномочий Президент издает указы, постановления и распоряжения.

Президент Туркменистана в соответствии со ст. 91 Конституции возглавляет систему исполнительной власти и формирует в течение месяца с момента вступления в должность Кабинет Министров, являющийся органом исполнительной и распорядительной власти.

Кабинет Министров состоит из следующих элементов:

- Председатель Кабинета Министров (на основании ст. 91 Конституции им является Президент Туркменистана);
- заместители Председателя Кабинета Министров;

- министры;
- руководители других центральных органов государственного управления и должностных лиц, осуществляющих исполнительную власть на местах по назначению Президента.

В структуре Кабинета Министров могут быть образованы комитеты, главные управления и другие ведомства.

Полномочия Кабинета Министров, зафиксированные в ст. 94 Конституции, можно сгруппировать следующим образом:

- в сфере безопасности;
- в сфере внутренней и внешней экономики (разработка программ и направление их Меджлису);
- иные полномочия на основании Конституции Туркменистана и иных законов.

На местах исполнительную власть осуществляют хакимы, напрямую подотчетные Президенту Туркменистана, назначаемые на должность и освобождаемые от должности им же и являющиеся представителями Президента.

Высшим органом законодательной власти в соответствии со ст. 59 Конституции является Меджлис Туркменистана, действующий и формируемый на основании Главы III Конституции Туркменистана, Закона Туркменистана «О Меджлисе Туркменистана» от 09.01.2009 г. № 15-IV и Закона Туркменистана «О выборах депутатов Меджлиса Туркменистана» от 10.10.2008 г. № 210-III.

По своему составу Меджлис состоит из 125 депутатов, избираемых на 5 лет. В соответствии с нормами законодательства кандидаты должны преодолеть следующие избирательные цензы:

- гражданство Туркменистана;
- возраст от 25 лет;
- ценз оседлости не менее 10 лет.

По своей структуре Меджлис состоит из комитетов и комиссий, руководство Меджлисом осуществляет Председатель Меджлиса (избираемый тайным голосованием) и заместитель Председателя (избираемый открытым голосованием).

Полномочия Меджлиса могут быть прекращены досрочно по трем основаниям:

- на основании решения, принятого на референдуме;
- на основании самороспуска по решению не менее 2/3 депутатов;
- на основании решения Президента, если в течение 6 месяцев не сформирован руководящий состав Меджлиса.

Полномочия Меджлиса можно сгруппировать следующим образом:

- законотворчество (полномочия в этой сфере могут передаваться Президенту, за исключением вопросов изменения Конституции, уголовного и административного законодательства и вопросов судопроизводства), вопросы референдума, ратификация и денонсация международных договоров;

- вопросы внутренней политики (совместно с Кабинетом Министров);

- участие в формировании органов государственной власти;

- полномочия конституционного контроля;

- иные полномочия (изменение государственной границы и административно-территориального деления, государственной безопасности и т.д.).

На местном уровне представительные функции осуществляют халк маслахаты, избираемые на 4 года, они принимают решения по вопросам в рамках экономической, социальной и культурной сфер.

Судебную систему в Туркменистане возглавляет Верховный суд Туркменистана, состоящий по своей структуре из Пленума Верховного суда, Президиума Верховного суда и трех судебных коллегий: по гражданским, арбитражным, административным и уголовным делам. Деятельность судебных органов осуществляется на основании Раздела VI Конституции Туркменистана и Закона Туркменистана «О суде» от 15.08.2009 г. № 49-IV. Судьи назначаются Президентом Туркменистана.

В качестве иных правоохранительных органов Конституция называет прокуратуру, действующую на основании Закона Туркменистана «О прокуратуре» от 15.08.2009 г. № 50-IV. Прокуратура возглавляется Генеральным прокурором, назначаемым Президентом с согласия Меджлиса. Генеральному прокурору подчи-

няются все остальные прокуроры.

Систему органов внутренних дел регулируют Закон Туркменистана «Об органах внутренних дел Туркменистана» от 07.07.2001 г. № 72-II (по состоянию на 14.12.2007 г.) и Закон Туркменистана «О полиции Туркменистана» от 07.07.2001 г. № 73-II (по состоянию на 26.01.2007 г.).

Отличительными особенностями правового регулирования является разделение местного управления на государственную сферу и сферу самоуправления. Система муниципального управления тоже осталась прежней и осуществляется Генгешами, избирающимися из своего состава арчына. Порядок занятия должности Генгеша регулируется Законом Туркменистана «О Генгеше» от 15 января 2003 года № 175-II.

В результате реформирования конституционно-правовых институтов прекратил свое существование такой орган государственной власти, который на протяжении достаточно длительного времени в соответствии с Конституцией был провозглашен как «высший представительный орган народной власти» – Халк Маслахата. Полномочия данного органа были перераспределены между Президентом Туркменистана и Меджлисом.

В целом, реформированная система государственного управления Президента Гурбангулы Бердымухамедова не сильно отличается от системы Сапармурата Ниязова. Однако, несмотря на направленную деятельность на прекращение культа личности прежнего президента (отмена ежедневной клятвы верности Туркменбаши, изъятие «Рухнамы» из школьного курса обучения и т.п.), действия нового президента во время конституционной реформы и результат изменения Конституции в 2016 году ярко свидетельствуют о дальнейшем укреплении президентской власти, но теперь уже не только на эмоциональном, но и рациональном уровне – путем закрепления легальных возможностей Президента влиять на абсолютно все (включая право принятия законов) сферы государственного управления. При этом снятие верхнего возрастного предела кандидата в Президенты и некоторые другие аспекты наталкивают исследователей на мысли об очередном пожизненном правлении [3]. Современные реформы в ос-

новном направлены на экономическую, социальную и культурно-научную сферы, что, впрочем, тоже немало для столь традиционного государства, как Туркменистан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Туркменистана от 18.05.1992 г. URL: <http://www.chrono-tm.org/2016/03/konstitutsiya-turkmenistana-redaktsiya-2016-goda/> (дата обращения: 05.11.2016).
2. Горак С. Туркменистан в поисках стабильного институционального дизайна: перестройка властной вертикали после распада СССР // Политическая наука. 2014. № 1. С. 181–198.
3. Кадыров Ш. В Туркменистане готовятся законно увековечить институт авторитаризма // Независимая газета: [сайт]. URL: http://www.ng.ru/dipkurer/2016-03-14/11_turkmenia.html (дата обращения: 15.11.2016).
4. Троицкий Е.Ф. Внешняя политика Туркменистана в 1992–2006 гг.: от нейтралитета к самоизоляции // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 4 (30). С. 67–70.

Е.Ю. Калинина

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ-2016: ИСПАНИЯ В ПОИСКАХ АЛЬТЕРНАТИВЫ, РОССИЯ В ПОИСКАХ СТАБИЛЬНОСТИ?

Елена Юрьевна Калинина – доцент кафедры теории права и гражданско-правового образования, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, кандидат юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург; **e-mail: bellafior@mail.ru**.

В статье проводится анализ глобальных политико-правовых процессов в России и Испании в 2016 г. на примере выборов в Парламент. Сравнение обусловлено схожестью государственно-правовых механизмов, которое особенно ярко проявилось в период перехода от авторитарного режима.

Ключевые слова: *Испания; Россия; парламентские выборы-2016; предвыборная кампания; политико-правовые механизмы.*

В 2016 г. глобальные политические процессы продолжили развиваться, и их тенденции продемонстрированы прошедшими в России и в Испании парламентскими выборами. Сравнение политико-правовых процессов в двух странах представляется важным, поскольку в рамках исторического процесса они проходили не синхронно, но параллельно, что обеспечивалось схожими поли-

тико-правовыми механизмами. Особенно ярко это проявилось в последней четверти XX века в связи с переходными процессами в рамках Третьей волны демократизации. В тот момент испанская модель считалась единственно возможной для России [2; 16]. Российский путь демократизации был похож на испанский, что обуславливалось схожими цивилизационными тенденциями. С этой точки зрения, нам особенно интересен политико-правовой опыт развития пост-авторитарного парламентаризма в Испании, поскольку с большой степенью вероятности мы можем с некоторой задержкой оказаться в похожей политической ситуации. С другой стороны, необходимо учитывать, что, по всей видимости, Россия и Испания выбрали разные пути развития, хотя, на наш взгляд, нецелесообразно говорить о разных цивилизационных путях, поскольку шанс государства выйти из одной цивилизационной модели и избрать за десятилетие новую ничтожен. Правильнее говорить о разных ценностных политико-правовых парадигмах в рамках одной цивилизации. В этом случае нелишне обратить внимание на парламентские процессы в государстве, которое мы считаем близким нам.

Общий набросок политико-правовой траектории развития Испании после смены диктаторского режима демократическим выглядит следующим образом: мирный переход – попытка государственного военного переворота – установление стабильной двухпартийной системы – политический кризис, связанный с экономическим и социальным, – появление новых политических сил – провальные выборы в декабре 2015 г. (отсутствие большинства для формирования Правительства) – перевыборы в июне 2016 г. – формирование «слабой» коалиции осенью 2016 г. Легко заметить, что Россия последовательно идёт тем же путём. На стадии появления альтернативных политических сил произошёл откат к предыдущей стадии, что является нормальным развитием ситуации. На сегодняшний день ещё не ясно, насколько долговечен российский режим стабильности, столь блестяще подтверждённый выборами в сентябре 2016 г. В Испании повторное утверждение Мариано Рахоя премьер-министром, что может видаться как возврат к стабильности системы, ещё не свидетельствует о прекра-

щении политического кризиса.

В процессе нынешних выборов «испанская партийно-политическая система была полностью перевернута с ног на голову. В Испании закончился постфранкистский период» [3. С. 85] политической стабильности, который неизбежно наступает после потрясений, каковым, несомненно, являлся переходный период. Это пост-авторитарный период, когда ещё политически активно поколение, принимавшее непосредственное участие в процессе перехода и жаждавшее стабильной политической и экономической жизни. Однако период стабильности – особенно специально поддерживаемый властью и являющийся частью государственной политики – неизбежно приводит к кризису. В случае Испании мы наблюдаем усложнение в виде глобального экономического кризиса, которое повлияло на жизнь страны.

Перед исследователем встаёт важный вопрос: какой характер носит этот политико-правовой кризис как в Испании, так и в России, ярко проявившийся в 2016 г.? Это кризис пост-авторитарной стабильности или это кризис слабо консолидированной демократии (или демократии вообще)? Вопрос о кризисе демократии в 2013 г. поднял немецкий исследователь Вольфганг Меркель в своей статье «Is there a crisis of democracy», заметив, что, либо за последние десятилетия наметился упадок качества демократии, либо такой режим, долго считающийся на Западе идеальным способом решения всех проблем, тоже может находиться в состоянии кризиса [15]. На самом деле ничего ужасного в признании факта кризиса демократии нет, поскольку это – такой же процесс, как и остальные, который находится в процессе эволюции (благо, что исследователи отказались от понятия «конец истории» [5] в момент его появления). Как заметил классик теории демократизации Ф. Шмиттер, «нужно быть готовым к тому, что эйфория народных масс сменяется шоком понимания того, что падение тиранов не означает чудесного появления бесконечной гармонии и добрых чувств, что само по себе пришествие демократии не приносит заодно свободу и равенство, рост благоденствия и справедливость, безопасность и равные возможности, автономию и подотчетность властей» [6]. Но в исследованиях 2015–2016 г.

чувствуется паника европейских учёных, когда они утверждают, что вал подобных статей после публикации Меркеля – не что иное как алармизм или мейнстримовская тенденция [10. Р. 1].

Признаки кризиса проявились в Испании в течение последних 5–6 лет, а также и в России, хотя и не столь интенсивно, в связи с тем, что процесс этот находился в состоянии зарождения, а власти учли и скорректировали обстановку. В Испании в начале 80-х гг. установилась стабильная двухпартийная система, в которой Народная партия (Partido Popular – PP) и Испанская социалистическая рабочая партия (Partido Socialista Obrero Español – PSOE) последовательно сменяли друг друга. Хотя они позиционировались как правая и левая, между ними не было значимых различий (ср. ЛДПР или КПРФ в России, идеология и деятельность которых не отвечают наименованию), и на выборах одна из них побеждала, если действующий премьер-министр не устраивал население или политическую элиту. Это дало возможность новому испанскому политическому лидеру, Пабло Иглесиасу, заявить на страницах *El País*, в статье «Мы – альтернатива», что крах существующей европейской системы позволяет открыть дорогу «новой социал-демократии» [13].

Наиболее ярким явлением последних лет, проявившимся и на выборах 2016 г., стала партия «Podemos», возглавляемая П. Иглесиасом, резко отличающимся по имиджу представителем молодого поколения, который в своих ранних статьях уже говорил о гражданском неповиновении как альтернативном политико-правовом инструменте [14]. На выборах в декабре 2015 г. относительную победу одержала Народная партия, получившая 28,7% голосов избирателей, ИСРП заняла второе место с 22%. При демонстрации результатов по регионам явно видно, что голоса отдают либо за старые проверенные партии (НП или ИСРП), либо за привычные региональные партии, либо за «Podemos» [4. С. 99], которая оказалась на 3 месте – «возникшая в 2014 году левопопулистская партия Подемос («Мы сможем»)». Для неё характерна критика Евросоюза..., нежелание отдавать государственные долги, критика правящей элиты и капитализма в целом, а также желание изменить всё общество» [1]. Вторым политическим откры-

тием стала каталонская партия «Граждане», среди прочего выступающая против отделения Каталонии, что вызывает бурную реакцию со стороны каталонских националистов, которые обладают политической силой, хотя давно образуют привычный системный антагонизм официальной политике Мадрида. Это приводит лишь к консолидации политической системы. Ни одна из партий в декабре 2015 г. не набрала необходимого большинства, по закону нужно было создать коалицию. Она не сложилась, и королю не оставалось иного выхода, как распустить избранный парламент и назначить на лето 2016 г. перевыборы.

«Новая предвыборная кампания проходила весьма оживленно. Одним из важных её стимуляторов стало создание избирательного блока Унидос-Подемос. Унидос («Объединенные левые») представляет собой самую левую часть испанского политического спектра. В состав Унидос входит несколько организаций, включая Коммунистическую партию Испании» [1]. Присоединению к этой коалиции ИСРП смогло помешать только экстренное вмешательство Евросоюза, руководству которого крайне не выгодна политическая сила с евроскептической позицией. В результате политическая ситуация в Испании по результатам парламентских выборов следующая: НП получила больше голосов, ИСРП – меньше, а Подемос, объединённая с Объединёнными левыми, набрала на 3% меньше, чем в конце 2015 г. Ситуация была близка к новым перевыборам, пока 29 октября 2016 г., не набрав реального большинства (170 голосов за, 111 против и 68 воздержавшихся [11]), М. Рахой вновь не стал премьер-министром. Это свидетельствует о необходимости учитывать политико-правовую психологию населения, которое стремится к стабильности. Это стремление сильнее, чем привычное недоверие к Рахою и его партии (хотя Подемос смог вывести в Мадриде 6000 противников назначения Рахоя [7], а Иглесиас заявил, что он возглавляет организацию, которая находится «одной ногой в парламенте, а голова, руки и вторая нога – на улице» [8], имея в виду, что он по-прежнему собирается идти во главе народных протестов). Испанские аналитики отметили, что такой результат – показатель не силы традиционной элиты, а её слабости, поскольку двухпартий-

ная система оказалась «тяжело ранена» [9]. Здесь можно провести сравнение с Россией: общеизвестно, что отношение россиян к тотально победившей партии не самое радужное, но в силу *иных* обстоятельств избиратели сделали выбор. Не менее важно последнее утверждение Иглесиаса: несмотря на видимую стабильность и возвращение на Олимп «патриархов», страна переживает «новый переходный период», и это подтверждается наличием новой политической силы, которая имеет за спиной поддержку пяти миллионов граждан [12]. Такой политической силы в России пока нет и в ближайшее время не предвидится, если судить по результатам выборов в Государственную Думу. Тем не менее, параллельность политико-правовых процессов в России и Испании демонстрирует общественные потребности, которые могут возникнуть в ближайшее время, и которые власть в нынешних условиях пока не может обеспечить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Желтов М. Испания: крах двухпартийной системы или евроскептицизм по-пиренейски // Аналитический блог о выборах в мире ИнтерИзбирком: [сайт]. URL: <http://izbircom.com> (дата обращения: 05.07.2016).
2. Калинина Е.Ю. Эволюция формы государства в современной Испании: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.
3. Коларов Г. Парламентские выборы в Испании: больше вопросов, чем ответов. Португальский пример. Каталонский вызов // 21-й век. 2016. № 2 (39). С. 84–98.
4. Телин К.О., Полосин А.В. Кризисный гамбит пакта Монклоа // Сравнительная политика. 2016. № 2 (23). С. 96–105.
5. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2010. 588 с.
6. Шмиттер Ф. Угрозы и дилеммы демократии // Век XX и мир. 1994. № 7–8.
7. 6.000 manifestantes contra la investidura. Podemos e IU se manifiestan contra la investidura de Rajoy // El país. 30.10.2016.
8. Carvajal A. Pablo Iglesias combate las tesis de Errejón: "El debate es si Podemos tiene que seguir siendo populista" // El Mundo. 05.10.2016.
9. Errejón I. Mariano Rajoy es presidente: ¿fin de ciclo o salida en falso? // El Diario. 02.11.2016.
10. Gagnon J. P., Vasilev G. Opportunity in the Crisis of Democracy // Democratic Theory. Vol. 3. Issue 1. Summer 2016. P. 1–5.
11. Garea F. Rajoy gana y será presidente en minoría // El país. 30.10.2016.
12. Iglesias P. El orden reina en Madrid // Público.es. 23.10.2016.

13. Iglesias P. Somos la alternativa// El país. 03.06.2016.
14. Iglesias Turrión P. Desobediencia civil y movimiento antiglobalización. Una herramienta de intervención política // Revista telemática de filosofía del derecho (RTFD). 2002. №. 5. P. 213–250.
15. Merkel W. Is there a crisis of democracy? // Democratic Theory. 2014. T. 1. №. 2. P. 11–25.
16. Serrano Ju.P., Kalinina E. El paradigma español de la transición a la democracia como un modelo del cambio pacífico para Rusia // Россия и Ибероамерика в глобализирующемся мире: история и современность. М., 2015. С. 93–101.

О.В. Налиткина

К ПРОБЛЕМЕ УЧЕТА ИСХОДНОГО УРОВНЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ В ФОРМИРОВАНИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Ольга Викторовна Налиткина – зав. кафедрой иностранных языков, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий; кандидат педагогических наук, г. Гатчина; **email: olganalitkina@gmail.com**.

В статье рассматривается необходимость учета исходного уровня языковой подготовки студентов юридических специальностей для последующего эффективного формирования у них иноязычной профессионально-ориентированной компетентности.

***Ключевые слова:** компетенции; иноязычная профессионально-ориентированная компетентность; выравнивание;*

Современная тенденция в высшем образовании, связанная с пересмотром роли коммуникативных образовательных дисциплин, их выдвиганием в разряд истинно приоритетных, вызвана расширением объема контактов (в том числе профессиональных) с представителями иноязычных культур, растущей открытости внешнему миру, ориентации на международное сотрудничество. Умение грамотно и адекватно выстраивать профессиональное общение становится категорией, в значительной степени определяющей успех современного специалиста. Навыки профессионального иноязычного общения являются востребованными в любой сфере деятельности, связанной с взаимодействием с ино-

странными партнерами, и специалисты в области юриспруденции не являются исключением.

ФГОС ВО следующим образом характеризует профессиональную деятельность бакалавров по направлению «Юриспруденция»:

- *область профессиональной деятельности* выпускников включает в себя разработку и реализацию правовых норм; обеспечение законности и правопорядка;

- *объектами профессиональной деятельности* выпускников, освоивших программы бакалавриата, являются общественные отношения в сфере реализации правовых норм, обеспечения законности и правопорядка.

Выпускники, освоившие программы бакалавриата, должны быть готовы к осуществлению следующих видов профессиональной деятельности: *нормотворческой; правоприменительной; правоохранительной; экспертно-консультационной.*

Очевидно, что для успешной профессиональной реализации у выпускников должен быть сформирован целый ряд общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций. Некоторая доля данных компетенций формируется, в том числе, при изучении дисциплин «Иностранный язык» и «Иностранный язык в сфере юриспруденции». В частности, в соответствии с ФГОС ВО мы ожидаем, что выпускник, успешно освоивший программу специальности «Юриспруденция», будет обладать:

- способностью к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (ОК-5);

- способностью работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия (ОК-6);

- способностью к самоорганизации и самообразованию (ОК-7);

- способностью повышать уровень своей профессиональной компетентности (ОПК-6).

Насколько разделяют такое видение представители профес-

сионального сообщества? Нами было проведено анкетирование руководителей и специалистов юридических компаний и подразделений с целью выявления ключевых требований, в настоящее время определяющих профессиональную успешность выпускника. Обработка результатов опроса продемонстрировала следующие приоритетные компетенции специалиста в сфере юриспруденции:

- наличие глубоких профессиональных знаний и готовности не только принимать решение на их основе, но и нести ответственность за таковое;
- способность грамотно выстраивать профессиональное общение как в устной, так и в письменной формах;
- высокий уровень владения информационными технологиями, умение работать с информацией, осуществлять ее анализ и обработку;
- владение иностранным языком на уровне, позволяющем осуществлять профессиональное общение и работать с юридической документацией.

Итак, исследование стандартов высшего образования и ожиданий рынка труда в отношении уровня подготовки выпускников демонстрирует высокий уровень требований к владению иностранным языком студентами юридических специальностей. Но это только одна сторона вопроса, внешние факторы, определяющие задачи преподавателя, перед которым встает проблема достижения студентами данного уровня иноязычной подготовки на основе компетенций, в той или иной степени сформированных на предыдущих этапах обучения. Проблема формирования иноязычной профессионально-ориентированной коммуникативной компетентности студентов лингвистических специальностей, в том числе в сфере юриспруденции, не может быть решена без создания целостной системы языковой подготовки с учетом вопросов преемственности. Программа курсов иностранного языка и иностранного языка для специальных целей должна разрабатываться исключительно в контексте непрерывного образования и с обязательным принятием во внимание исходного лингвистического уровня студентов. Необходимость опираться на иноязыч-

ные знания, умения и навыки, приобретенные на предыдущих этапах, вызвана еще и особенностями реализации учебных программ по иностранному языку и иностранному языку для специальных целей в лингвистическом вузе. Среди последних хочется выделить краткосрочность данных курсов, крайне малое количество контактных часов, полное отсутствие или ограниченное количество специальных дисциплин, читаемых на иностранном языке.

С каким языковым уровнем приступают к учебе в высшей школе вчерашние выпускники? Стандарт основного общего образования по иностранному языку в средней школе предусматривает развитие у них иноязычной коммуникативной компетенции в совокупности таких ее составляющих, как речевая компетенция, языковая / лингвистическая компетенция, социокультурная компетенция, учебно-познавательная компетенция и компенсаторная компетенция, а также подразумевает развитие и воспитание у школьников понимания важности изучения иностранного языка в современном мире и потребности пользоваться им как средством общения, познания, самореализации и социальной адаптации; воспитание качеств гражданина, патриота; развитие национального самосознания, стремления к взаимопониманию между людьми разных сообществ, толерантного отношения к проявлениям иной культуры. Теоретически соблюдение требований стандарта создает надежную основу для последующего формирования иноязычной профессионально-ориентированной компетентности как готовности вступать в профессиональное общение с представителями иноязычной культуры. Однако практика преподавания показывает, что наши ожидания относительно приблизительно однородной языковой подготовки вчерашних школьников имеют мало общего с реальностью. Различные стартовые условия студентов, оказавшихся в одной и той же группе лингвистического вуза, вызваны различиями в школьных программах и применявшихся пособиях, наличием или отсутствием дополнительных занятий, и массой прочих факторов. Как правило, абитуриенты, выбирающие юридические специальности, не испытывают необходимости в сдаче ЕГЭ по иностранному языку,

что означает, что во время обучения в старших классах данный предмет не является для них приоритетным и внимание ему уделяется по остаточному принципу. К сожалению, наш опыт преподавания иностранного языка в лингвистическом вузе демонстрирует недостаточную сформированность набора компетенций, необходимых для продолжения языковой подготовки. Нам хотелось бы проиллюстрировать данный тезис, приведя результаты входного тестирования по иностранному языку студентов специальности «Юриспруденция». Для получения более объективных данных тестирование проводилось на протяжении трех лет с применением материалов для проверки сформированности лексико-грамматических и фонетических навыков, а также умений аудирования, чтения, говорения и письма.

В целом участие в тестировании приняли 85 студентов первого курса специальности «Юриспруденция», которые продемонстрировали следующие результаты (по 100-балльной шкале):

- менее 20% правильно выполненных заданий – 11 человек;
- от 20 до 35% – 26 студентов;
- от 36 до 55% – 22 студента;
- от 56 до 70% – 14 студентов;
- от 71 до 85% – 9 студентов;
- свыше 85% – 3 студента.

Результаты тестирования говорят сами за себя, отдельно хотелось бы прокомментировать недостаточную сформированность тех иноязычных умений и навыков, которые в перспективе могут стать определяющими в успешности профессиональной реализации будущих юристов. Так, студенты продемонстрировали низкий уровень понимания устного и письменного иноязычного текста, неспособность выделить главную мысль, правильно интерпретировать информацию. Тестирование выявило низкий уровень владения нормами иноязычного речевого этикета как в устной, так и в письменной речи.

Нельзя оставить без внимания и колоссальный разброс результатов: только 14% от общего числа тестируемых справились с предложенными заданиями на «хорошо» и «отлично», в то время как практически 70% первокурсников не обладают необходи-

мой для дальнейшего обучения базой. Проведенное параллельно с тестированием анкетирование выявило, что более половины студентов абсолютно уверены, что владение иностранным языком будет востребовано в той или иной степени в их будущей профессиональной деятельности, и лишь менее одной пятой не считают знание языка одним из условий, определяющих их профессиональную успешность. В то же время проведенный опрос демонстрирует значительную неуверенность будущих юристов в их лингвистической подготовке и высокую тревожность относительно готовности вступить в диалог с представителями иноязычной культуры.

Таким образом, мы наблюдаем довольно противоречивую ситуацию, характеризующуюся, с одной стороны, высокими ожиданиями потенциальных работодателей и растущей потребностью студента обладать необходимыми компетенциями для успешного осуществления профессионального общения, а с другой стороны, недостаточно высоким уровнем сформированности компетенций, обеспечивающих успешное усвоение большого объема профессионально-ориентированной информации.

Данные наблюдения приводят нас к выводу о необходимости разработки особой системы методических действий, направленных на разрешение сложившегося противоречия. Нам кажется нецелесообразным говорить о традиционном вводно-коррективном курсе, поскольку краткосрочность курса иностранного языка для студентов юридических специальностей делает его реализацию практически невозможной. Еще одним существенным недостатком данного рода курсов нам представляется их ориентированность на студентов с особенно невысоким уровнем языковой подготовки и недостаточное внимание к пробелам в знаниях у более подготовленных студентов. Мы видим необходимость в организации процесса выравнивания уровня языковой подготовки, реализуемого параллельно с развитием иноязычной коммуникативной компетентности и в соответствии с рядом общедидактических и частнометодических принципов, среди которых принцип профессиональной направленности, разноуровневости, индивидуализации и дифференциации обучения, коммуникатив-

ного партнерства, сознательности и активности студентов. В практическом аспекте организация методических мероприятий по выравниванию подразумевает разработку эффективной лингводидактической системы коммуникативных заданий, в том числе, проблемно-поискового характера как для работы под руководством преподавателя, так и для самостоятельной работы студентов.

Данный подход представляется нам адекватным способом разрешения сложившегося противоречия между социальным заказом общества, ожиданиями самих студентов, недостаточным исходным уровнем иноязычной подготовки и особенностями преподавания иностранного языка в неязыковом вузе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анпилова Л.В. Теория обучения профессиональному общению студентов университета // Вестник ОГУ. 2002. № 7.
2. Болотов В.А., Сериков В.В. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе // Педагогика. 2003. № 10.
3. Пассов Е.И. Коммуникативное иноязычное образование: готовимся к диалогу культур. Минск: Лексис, 2003. 184 с.
4. Поляков О.Г. Английский язык для специальных целей: теория и практика. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2003. 188 с.
5. Темкина В.Л., Галинская Т.Н. Особенности обучения иноязычному деловому общению в университете // Вестник ОГУ. 2005. № 12.

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ОПТИМИЗАЦИИ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Геннадий Алексеевич Норкин – доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат философских наук, г. Гатчина; **e-mail: mail@gief.ru.**

В статье рассмотрены основные проблемы законотворческой деятельности, а также необходимость повышения качества юридического образования как достаточного базиса для улучшения состояния российского законодательства в будущем.

Ключевые слова: *законотворчество; законодательная инициатива; юридическое образование; формулировки законодательства; социологическое исследование.*

Разговаривают уборщицы в Государственной Думе:

- Надо бы закон о тапочках через Думу провести.

- Не так это и сложно.

Зато как стало бы чисто.

Эта шутка, используемая нами в качестве эпиграфа, очень точно отражает ситуацию, сложившуюся в российском законотворчестве. Николай Кропачев, ректор СПбГУ, сообщает что, согласно исследованиям экспертов университета, только в Северо-Западном федеральном округе за последние годы было издано 35 тысяч нормативных актов общим объемом 185 млн. страниц текста. Тысячи нормативных актов могут ущемлять права граждан, создавать условия для проявления коррупции и могут быть признаны недействующими в случае обращения граждан или прокуратуры в суд. Социальные последствия множества нормативных актов оказываются совершенно неожиданными для законодателей. Приведем наиболее яркий пример. Некоторые категории жителей Крайнего Севера в соответствии с российским законодательством имеют право на компенсацию расходов на дорогу «к месту отдыха по территории России и обратно». В 2013 году пенсионер слетал из Новосибирска в Пекин и обратно и доказал в

суде, что имеет право на компенсации, так как летал на российском самолете, а это, согласно закону, территория Российской Федерации. Разумеется, законодатели совсем не планировали тратить бюджетные деньги на поддержку иностранного туризма. Все дело в том, что пенсионер оказался более компетентным в юридических тонкостях в сравнении с профессиональными юристами.

Серьезной проблемой в реализации нормативных актов является часто встречающийся полисемантизм. Так, руководство одного из таксопарков было оштрафовано Управлением федеральной антимонопольной службы г. Костромы за текст рекламы: «Если в слове «хлеб» допустить пять ошибок, то получится слово «такси». Основанием для применения штрафных санкций оказалось положение Закона о рекламе, запрещающее использование «бранимых слов и непристойных образов». ФАС решила, что слово «хлеб» является священным для русского народа, поэтому шутить по его поводу «непристойно». В то же время, не отягощенные избытком воспитания деятели шоу-бизнеса С. Шнуров и Ф. Киркоров исполняют песню с текстом, оскорбляющим достоинство полицейских, а полицейские, между прочим, представители государства. Видимо, нет соответствующего нормативного акта. Список юридических казусов, вызванных несовершенством нормативных актов можно продолжать практически до бесконечности. Знаменитое высказывание В. Черномырдина: «хотели как лучше, а получилось как всегда» – не теряет своей актуальности.

Появились даже правоведаы, утверждающие, что использование в законотворчестве древнего метода проб и ошибок вполне оправданно, как это не печально. Дело в том, что социальный мир изменчив, стохастичен, непредсказуем. Рациональные решения могут привести к иррациональным последствиям и наоборот. Действительно, метод проб и ошибок никто не отменял, хотя уже в XX веке в связи с появлением ядерного оружия этот метод становится методом проб и катастроф. Излишний пессимизм, вызванный постоянной изменчивостью мира, следует преодолевать, делая акцент на том, что развитие – это все-таки единство устойчивости и изменчивости. Современные гуманитарные и социаль-

ные науки способны предсказывать последствия законодательных инициатив, по крайней мере, на 10–20 лет.

Так, например, удалось предотвратить законодательную инициативу о повышении государственной пошлины за развод супругов с 400 рублей до 30 тысяч. Разумеется, данная инициатива официально декларировалась как забота об укреплении семьи, однако скептики разглядели в ней банальное стремление любой ценой пополнить государственный бюджет. Специалисты в области этики вспомнили глубокую идею К. Маркса о том, что если нравственной основой брака является любовь, то ее исчезновение превращает брак в проституцию. Другими словами, стремление удержать фактически распавшийся союз финансовым обручем не отвечает европейским этическим принципам. Социологи предсказали, что столь значительное удорожание процедуры развода не заставит супругов жить вместе, а приведет к отказу от регистрации развода.

Удалось предотвратить запрет школьникам покидать помещение, в котором проходит ЕГЭ. Объяснялась эта инициатива стремлением предотвратить возможность списывания. Врачам, физиологам и психологам удалось убедить чиновников, что этот запрет может принести вред здоровью школьника, а стрессовая ситуация, вызванная запретом, согласно психологическому закону Йеркса – Додсона приведет к блокированию интеллектуальной деятельности.

Однако в нашей стране предостережения и рекомендации ученых не имеют предписывающего характера, что иногда приводит к реальным катастрофам. Не было учтено мнение академика Д. Сахарова о необходимости строительства атомных электростанций в закрытых глубоких котлованах. В результате Чернобыльская катастрофа – это не только взрыв, но и выброс радиоактивных веществ на значительных территориях, сегодня атомные электростанции надежно защищены железобетонными куполами, способными выдержать падение самого большого самолета.

Вот уже несколько лет научная общественность обращает внимание не только на бестактность некоторых формулировок пенсионного законодательства, но и на их несоответствие совре-

менным геронтологическим представлениям. Пенсия 55-летним женщинам и 60-летним мужчинам назначается «по старости» (в связи с планами законодателей повысить пенсионный возраст, видимо, придется использовать формулировку «Пенсия по глубокой старости»).

В 2011 году автор с позиции психолингвистики указывал на необходимость отказаться в уголовном законодательстве от формулировки «убийство по неосторожности». Слово «неосторожность» позволяет осужденному по данной статье включать мощные механизмы психологической защиты и не приводит к раскаянию. Неосторожный поступок может случиться с любым человеком, в нем нет ничего криминального. Убийство «по неосторожности» – это просто нелепая случайность, невезение, от которого не застрахованы самые законопослушные граждане [2]. Какой-либо реакции на это предложение так же не последовало.

Так как окончательное решение о новациях в сфере законодательства принадлежит все-таки юристам, политикам, а не ученым, следует особое внимание обратить на общенаучную и культурологическую подготовку юристов. Юристы, в отличие, например, от экономистов, маркетологов, менеджеров сохранили в Федеральных государственных стандартах компетенции, действительно необходимые выпускнику. Среди них такие важные качества, как добросовестность, культура мышления, культура поведения, нетерпимость к коррупционному поведению, профессиональная этика, уважительное отношение к праву и закону. Однако нельзя не поддержать озабоченность Н. Кропачева тем, что нет требований к изучению государственного языка. Согласно исследованиям юридического факультета СПбГУ только пять процентов россиян признали, что они понимают язык, на котором пишутся законы. Автор указывает, что обнаружены в законах предложения, в которых шестьдесят шесть запятых (!).

Наверное, следовало бы обратить особое внимание на социальную ответственность будущего юриста, на его патриотизм. К сожалению, уже можно встретить публикации студентов, страдающих симптомом профессора Плейшнера из кинофильма «Семнадцать мгновений весны». Этот симптом проявляется в

опьянении свободой и потерей чувства ответственности. Приведу пример, надеюсь, не типичный, но симптоматичный. Магистранты Ф.А. Бобров и В.В. Шапка публикуют свой доклад, прочитанный на весьма авторитетной, активно поддерживающей молодых ученых Всероссийской конференции «Новеллы права и политики», ежегодно проводимой в ГИЭФПТ (г. Гатчина) [1].

Авторы утверждают, что «система нашего государства построена на принципах авторитаризма». Юрист в этом случае обязан привести ссылку на Конституцию или какие-либо другие законы, возможно, проведение репрезентативного социологического исследования с указанием на количество граждан, считающих, что они живут в авторитарном государстве. Наверное, следовало бы перед заявлением о характере режима заглянуть в энциклопедии, справочники, учебники. Можно было бы в этом случае обнаружить, что авторитаризм – это политический режим, при котором власть сконцентрирована в руках одного человека или в одном органе власти при снижении роли других, в основном, представительных органов власти. Историческими формами авторитарных государств являются азиатские деспотии, тиранические и абсолютистские формы правления древности, Средневековья и Нового времени, военно-полицейские и фашистские режимы, различные варианты «казарменного коммунизма» в Новейшее время.

Магистранты в подтверждение своих взглядов цитируют известного экономиста М. Делягина, который заявил: «В наше время человек скорее пойдет к вору в законе, чтобы решить свои проблемы по понятиям, чем обратится в суд». М. Делягин – человек, несомненно, талантливый, однако часто выступает не как ученый, а как публицист и «ради красного словца не жалеет мать, отца». Наше судопроизводство, действительно, подвергается справедливой критике, но тем не менее суды переполнены гражданами, которые ищут справедливости именно в суде, а не у криминальных «авторитетов».

В то же время среди работ студентов, представивших свои доклады на конференцию в Гатчине, мы можем встретить научные исследования, отвечающие самым строгим критериям науч-

ной добросовестности, эрудиции и ответственности. Так, в докладе «К вопросу о возможности неисполнения решений Европейского суда по правам человека» студент юридического факультета ГИЭФПТ С.С. Рудомётов [3] трактует весьма актуальную проблему разграничения компетенции Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ, соединяя сугубо юридический подход с позицией гражданина, равнодушно относящегося к национальным интересам Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобров Ф.А., Шапка В.В. Правовая деятельность Российского государства по противодействию правовому нигилизму в обществе // Новеллы права и политики: сб. научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции (г. Гатчина, 28 февраля 2016 г.). Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ, 2016. С. 6–9.

2. Норкин Г.А. Особенности применения юридической терминологии с точки зрения психолингвистики // Журнал правовых и экономических исследований. 2011. № 1. С. 17–23.

3. Рудомётов С.С. К вопросу о возможности неисполнения решений Европейского Суда по правам человека // Новеллы права и политики: сб. научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции (г. Гатчина, 28 февраля 2016 г.). Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ, 2016. С. 57–60.

**ВЫБОРЫ В ПАЛАТУ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РЕСПУБЛИКИ
БЕЛАРУСЬ 2016 г.:
ЖЕНСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО**

Дина Николаевна Скютте – старший преподаватель кафедры теории и истории права, Гродненский филиал Частного учреждения образования «БИП – Институт правоведения», г. Гродно, Беларусь; **e-mail: corrispondenza567@yandex.ru**.

В статье проанализированы статистические данные, характеризующие представленность женщин в парламентах мира. Особое внимание уделено оценке итогов выборов в нижнюю палату белорусского Парламента в 2016 г. Делается попытка определить факторы, влияющие на уровень представленности женщин в Палате представителей.

Ключевые слова: *политические права; права женщин; парламент; выборы; женское представительство.*

Женщины составляют практически 50% населения в большинстве стран мира, однако их доля в нижних палатах парламентов на 1 сентября 2016 г. составляет 39178, что не превышает 22,9% от общего количества депутатов. В 193 парламентах государств мира насчитывается всего 46073 женщины-депутата (22,8%). Процент женщин в верхней палате традиционно более низкий, чем в нижней палате или однопалатном парламенте – 22,3% или 6895 депутатов. В общемировом ракурсе наибольший процент женщин-депутатов отмечается в странах Америки (27,7%) и Европе, включая Скандинавские страны – (25,8%). Именно последние отличаются наибольшей степенью доступа женщин в законодательно-представительные структуры – 41,1% женщин [6]. 30% женщин-парламентариев – это тот минимум, который, согласно мнению ученых и экспертов ООН, позволяет данной группе обозначить на повестке дня свои специфические интересы, получить возможности выразить и отстаивать их [1. С. 56].

По уровню представленности женщин в нижней палате парламента, согласно данным на 1 сентября 2016 г., среди парламентов мира 57-е место занимала Республика Беларусь (27,3%), по-

следнее, 151-е – Армения (10,7%). Среди 77 бикамеральных парламентов в верхней палате по количеству женщин-парламентариев среди постсоветских государств также лидирует Беларусь (32,8%), а замыкает список Российская Федерация (17,1%) [5].

В Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь по результатам выборов 11 сентября 2016 г. избрано 30 женщин из 110 депутатов, что составляет 27,3% от общего состава палаты [2]. Заслуживает внимания тот факт, что среди 525 кандидатов в депутаты в данной избирательной кампании насчитывалось 115 женщин, что в долевым соотношении к гендерному составу кандидатов на предыдущих выборах несколько ниже: 4,6 раза к 5,3 [3]. В тоже время процент женщин, одержавших победу, выше. За женщин как депутатов голосуют довольно активно.

В настоящее время Республика Беларусь относится к гендерно-перспективным странам по критерию женского представительства в национальном парламенте (15,0–29,9%) при общем показателе в 27,3%. С учетом опыта прошлых избирательных кампаний можно с уверенностью прогнозировать сохранение и развитие данной тенденции.

Формирование планки в 1/3 женщин-депутатов отмечается по итогам выборов в нижнюю палату Парламента в 2004 г. (29,1%). Она стабилизировалась в ходе последующих избирательных кампаний: 2008 г. – 31,8%, 2012 г. – 26,6%, что свидетельствует о демократизации политических ценностей белорусского общества, выработке более толерантной позиции по отношению к женщине-политику и, одновременно, обуславливается активизацией женского движения, ростом политического самосознания женщин.

И.Р. Чикалова считает одним из факторов роста численности женщин в структуре законодательной власти позицию главы государства – Президента А.Г. Лукашенко. Белорусский лидер в своих выступлениях неоднократно отмечал необходимость большего включения женщин в политику. Так, в Послании Президента Парламенту страны в 2004 г. эта мысль прозвучала наиболее отчетливо: «... должны быть здесь представлены и ветераны, и молодежь, и особенно *женщины. Женщин в Парламенте не*

должно быть меньше 30–40 процентов. Тогда Парламент будет стабильным и спокойным. ... Поэтому я буду всячески поддерживать тенденцию на большее присутствие в Парламенте женской части нашего общества...» [цит. по: 4. С. 16].

На наш взгляд, данное политическое решение во многом предопределило сложившуюся ситуацию, однако одновременно нельзя не учитывать и другие факторы – реальную социально-политическую значимость женщин в белорусском обществе; целенаправленную политику государства, нацеленную на интеграцию в общемировое пространство, а значит и стремление по возможности следовать общемировым политико-правовым тенденциям (каковой и является направленность к гендерному равенству); тип культуры по отношению к мужским и женским ролям.

ЛИТЕРАТУРА

1. К гендерно сбалансированному обществу: аналитический отчёт о положении женщин в Республике Беларусь / под ред. С.А. Наумовой. Минск: Изд-во ЕГУ, 2004. 184 с.

2. Официальный сайт Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь. URL: <http://house.gov.by/> (дата обращения: 08.11.2016).

3. Официальный сайт Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов. URL: <http://www.rec.gov.by/> (дата обращения: 08.11.2016).

4. Чикалова И.Р. Гендерная система (пост)советской Беларуси: воспроизводство и трансформация социальных ролей в публичной и приватной сфере // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 4 / редкол.: А.П. Сальков, О.А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. Минск: Изд-во БГУ, 2009. С. 51–66.

5. Women in National Parliaments // Inter-Parliamentary Union Official Site. URL: <http://www.ipu.org/wmn-e/classif.htm> (date of access: 17.10.2016).

6. Women in National Parliaments: World Average, Regional Averages // Inter-Parliamentary Union Official Site. URL: <http://www.ipu.org/wmn-e/world.htm> (date of access: 17.10.2016).

О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Виктор Викторович Фостийчук – ведущий научный сотрудник Мемориального музея И.М. Поддубного, кандидат политических наук, доцент, г. Ейск; **e-mail: fost60@mail.ru.**

В статье рассматривается необходимость совершенствования системы государственного управления Российской Федерации. При этом акцентируется внимание на обязательность преобразований как всей системы в целом, так и отдельных её элементов, в частности элементов политической системы общества и системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Предполагается, что система государственного управления станет эффективной и способной к улучшению жизни граждан в том случае, если она исправит ошибки управления, перестанет обвинять в них прошлое, сможет адаптироваться к новым условиям, обновлять старые и создавать новые институты, позволяющие вести постоянный и продуктивный диалог с гражданским обществом.

Ключевые слова: *система государственного управления; политическая система; система национальной безопасности; вертикальная целостность системы; реализация национальных интересов России.*

Строительство российской модели системы государственного управления идёт на протяжении четверти века, с момента распада Советского Союза. На смену советским структурным элементам этой системы приходят новые, успешно и эффективно функционирующие во многих странах мира.

Следует отметить, что современная российская система государственного управления отличается неповоротливостью, наличием чрезмерного количества элементов, многие из них являются бесполезными и лишними. Она не способна обеспечить эффективное функционирование всех своих элементов, улучшить жизнь граждан и обеспечить стабильность политической власти. При этом стоит заметить, что государственной властью неоднократно предпринимались меры по реформированию всей системы

государственного управления и отдельных её элементов. Высшие должностные лица Российской Федерации неоднократно обращали внимание на недостаточную эффективность функционирования системы государственного управления, принимали меры, направленные на её совершенствование. Так, 7 мая 2012 г. был подписан Указ Президента Российской Федерации № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления». 30 сентября 2016 г. председатель Правительства Российской Федерации Д.А. Медведев сделал заявление о необходимости серьёзных изменений системы государственного управления, признав при этом её недостаточную гибкость и низкую эффективность. Он подчеркнул, что «государственная машина действительно неповоротлива и несёт в себе черты переходного периода: сохраняет и часть советских управленческих механизмов, и какие-то черты, которые появились в 1990-е годы, и наши последующие новации» [2].

Совершенствование системы государственного управления современной России на протяжении четверти века в большей или меньшей степени затронуло все сущностные её элементы: институциональную, нормативно-правовую, функционально-структурную, коммуникативную, профессионально-кадровую и профессионально-культурную подсистемы. К сожалению, система государственного управления так и не стала целостным комплексом взаимосвязанных подсистем. Она слабо взаимодействует с внешней средой. На входе в систему возникают барьеры, выход из системы не соответствует ожиданиям общества. Она во многом не обладает свойствами системы, в первую очередь такими, как: жёсткость, размерность, иерархичность, вертикальная целостность системы, горизонтальная обособленность системы, взаимозависимость системы и внешней среды, открытость, оптимальность, эмерджентность, адаптивность.

Несомненно, необходимо кардинально реформировать всю систему государственного управления Российской Федерации. Автор в рамках объёма своей статьи обращает внимание на обязательность совершенствования отдельных элементов системы, какими, несомненно, являются элементы политической системы

российского общества и системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Политическая система на протяжении всей постсоветской истории претерпевает разнообразные изменения, призванные обеспечить прогрессивное развитие нашего общества, улучшение жизни граждан, формирование политической культуры нового демократического типа.

Политическое развитие предполагает поступательное движение политической системы к демократии, её способность эффективно адаптироваться к новым условиям, обновлять старые и создавать новые институты, позволяющие вести постоянный диалог с гражданским обществом. Конечной целью этого движения должна стать демократическая политическая система, в которой соблюдаются все принципы демократии и функционируют все её институты.

Однако политическая система России в настоящее время всё чаще остаётся глуха к требованиям народа, при этом часто опирается на иницируемую сверху его поддержку. Механизм обратной связи между политической системой и населением страны используется недостаточно, политические решения принимаются без опоры на мнение общества. Следует признать, что движения политической системы современной России к тому, чтобы стать демократической, нет.

Разъясню это утверждение на примере организации выборов в Государственную Думу Российской Федерации, одного из институтов государственной политической власти федерального уровня, значимом в системе государственного управления элементе. Этот пример даёт чёткое представление о том, что и политическая система, и её структурные элементы, такие, как партийная и избирательная системы нуждаются в обновлении.

На протяжении почти 23 лет, начиная с выборов в Государственную Думу I созыва 12 декабря 1993 г. и заканчивая выборами в Государственную Думу VII созыва, российские партийная и избирательная системы находятся в состоянии перманентных изменений. Положения законов о выборах, о политических партиях и т.п. постоянно подвергаются корректировке. 18 сентября 2016 г. в

нижнюю палату Федерального Собрания Российской Федерации прошли очередные выборы по новым нормам и правилам. Вновь на выборах в Государственную Думу России стала использоваться смешанная избирательная система. Значительно увеличилось число политических партий, составляющих партийную систему страны, но не меняющих расклад политических сил в высшем законодательном органе Российской Федерации. В результате очередных изменений избирательного законодательства Всероссийская политическая партия «Единая Россия» в Государственной Думе Российской Федерации получила конституционное большинство, более 76 процентов депутатских мест. Российская партийная система, исходя из преобладающего большинства одной политической партии в парламенте страны, фактически стала однопартийной. Интересы других политических партий, в том числе и парламентских, не говоря уже о семи десятках тех, которые оказались вне Государственной Думы Российской Федерации, в такой ситуации вряд ли будут учитываться.

Возможно ли после такого результата выборов говорить о том, что в России формируется и развивается демократическая политическая система, складывается многопартийная система, функционирует развитое гражданское общество, принимаются законы и другие нормативные акты, обеспечивающие реализацию принципов демократического режима? Произойдёт ли возвращение российской политической системы на демократический путь? Во многом это будет зависеть от того, как власть воспримет критику, исправит ошибки управления, перестанет обвинять в них прошлое и начнёт внимательно прислушиваться к требованиям на входе в систему.

Ещё одним элементом, являющимся составной частью системы государственного управления, нуждающимся в совершенствовании, является система обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Необходимость совершенствования всей системы национальной безопасности России и её составного элемента – системы обеспечения национальной безопасности, связана с усиливающимся влиянием на нашу страну комплекса глобальных и регио-

нальных геополитических процессов. В настоящее время это, в первую очередь, процессы глобализации, регионализации, фрагментации, сепаратизма, дальнейшей децентрализации регионального управления, растущей милитаризации, дестабилизации внутреннего положения в отдельных государствах, роста зависимости стран и субрегионов от природных и энергетических ресурсов. Нарастает число угроз национальной безопасности: внешних, трансграничных и внутренних, которые при неблагоприятном развитии обстановки могут стать реальными угрозами национальным интересам Российской Федерации, интересам личности, общества и государства.

В этой связи отмечу, что ещё в 2002 г. А.В. Возжениковым в докторской диссертации была предложена матрица модели мониторинга национальной безопасности Российской Федерации [1. С. 314–323]. К сожалению, эффективный и надёжный метод так и остался на бумаге, хотя его могли бы использовать органы мониторинга национальной безопасности Российской Федерации.

До сих пор в нашей стране не создано стройной структуры документов, определяющих направления деятельности по обеспечению национальной безопасности в целом, по её уровням и по отдельным видам. Иерархия документов и должностных лиц органов обеспечения национальной безопасности подвергается постоянным изменениям, не осуществляется комплексная деятельность по реализации национальных интересов России.

Как следует из вышеизложенного, политическая система, система обеспечения национальной безопасности нуждаются в кардинальном совершенствовании. Не стоит забывать, что государство является основным институтом политической системы и именно им должно быть принято политическое решение о качественном улучшении всей системы государственного управления.

Итак, совершенствование системы государственного управления является первоочередной и обязательной задачей, стоящей перед институтами государственной власти, реализация которой позволит обеспечить поступательное и устойчивое развитие Рос-

сии, гарантирует реализацию принципов демократии, улучшит качество и уровень жизни граждан нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Возжеников А.В. Национальная безопасность в контексте современного политического процесса России: теория и политика обеспечения: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2002.

2. Медведев Д.А. Выступление на пленарном заседании XVI Международного инвестиционного форума «Сочи-2016» // Правительство Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://government.ru/news/24729/> (дата обращения: 01.10.2016).

А.Э. Черноков

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ: НОВАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ (ОБЗОР НОВЕЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 2016 ГОД)

Алексей Эдуардович Черноков – зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин, Санкт-Петербургский Институт внешнеэкономических связей, экономики и права, кандидат юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург; **e-mail: gospravo2008@mail.ru**.

В статье рассмотрены основные новинки отечественной теоретической юриспруденции, появившиеся в течение 2016 года и представляющие собой фундаментальные исследования в области теории государства и права, а также конституционного права.

***Ключевые слова:** юридическая наука; теория государства и права; конституционализм; новинки юридической литературы.*

Начиная рассмотрение новинок отечественной юриспруденции за уходящий 2016 год, хочется обратить внимание на несколько очень важных и, на наш взгляд, полезных книг в сфере теории государства и права, а также конституционного права.

1. В теоретической юриспруденции к числу научных событий года следует, прежде всего, отнести выход в свет коллективной монографии «Постклассическая онтология права» (под общ. ред. И.Л. Честнова). Этот капитальный труд восполняет существенный пробел и позволяет ознакомиться с позицией ведущих представителей постклассической юриспруденции России и сопредельных стран. Основная идея данной книги – показать отличие

постклассической юриспруденции от классической и предложить авторское видение того, «что есть право». При этом следует заметить, что онтология как учение о бытии не существует отдельно от представления о бытии, более того, само бытие определяется точкой зрения наблюдателя. В рассматриваемой нами монографии представлены тексты С.И. Максимова (Харьков), А.В. Полякова (Санкт-Петербург), А.В. Стовбы (Киев), И.Л. Честнова (Санкт-Петербург) и ряда других представителей неклассической теории права на постсоветском пространстве. Данная монография настоятельно рекомендуется нами для вдумчивого изучения всеми заинтересованными представителями юридического сообщества [6].

2. Также позволим себе рекомендовать для изучения еще одну примечательную новинку 2016 года – изданные в форме коллективной монографии «Проблемы истории, методологии и теории юридической науки» (ответственный редактор – А.В. Корнев). Данный труд приурочен к 85-летию Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). В числе авторов этой монографии такие известные отечественные правоведы, как Ю.А. Веденеев, Т.В. Кашанина, В.В. Лазарев, С.В. Липень. Ученые затрагивают в представленной работе ряд основополагающих вопросов современной теории права, излагая их с различных методологических позиций (антропология права, социологическая юриспруденция, юридический позитивизм, юснатурализм) [8].

3. Еще одна значимая публикация 2016 года – коллективная монография «Теория государства и права в науке, образовании, практике», подготовленная по итогам проведения научной конференции, посвященной 75-летию профессора В.В. Лазарева. Основное содержание монографии представляют исследования, в которых дан анализ современных проблем развития теории государства и права. Работа обращена прежде всего к предмету теории государства и права. Исследовательское начало пронизывает все содержание книги. Полемический подход свойственен большинству авторов данного издания. Главное в дискуссии: являются ли государство и право реалиями, в какой степени они представляют собой понятия логические, психологические, а в какой

– социологические. Цель обеспечения единства в позициях авторов не преследовалась, и это обстоятельство может способствовать использованию книги в учебном процессе [1].

4. Также среди новинок юридической литературы должна быть отмечена монография Д.Ю. Полдникова «Формирование учения о договоре в правовой науке Западной Европы (XII–XVI вв.)». На материале доктринальной литературы ведущих правоведов Средневековья и раннего Нового времени, памятников римского и канонического права, а также различных неюридических источников изучаются предпосылки, периоды и результаты обобщения казуистических положений об отдельных пактах, контрактах, простых и клятвенных обещаниях в римском, каноническом, партикулярном и естественном праве вокруг абстрактной концепции договора как акта справедливого обмена имущественными благами или проявления щедрости между частными лицами. Учение о договоре рассматривается Д.Ю. Полдниковым как своеобразный синтез цивилистической концепции договора-соглашения и канонической модели договора-обещания, достигнутый в XVI в. благодаря переосмыслению правовых доктрин на основе христианских религиозно-этических принципов и античной философской традиции [6].

5. К числу новинок теоретико-правовой литературы следует отнести юбилейное издание, подготовленное к 60-летию известного ученого, профессора Н.А. Власенко, которое включает написанные в разные годы основные научные труды: монографии, учебные пособия и статьи. Основное содержание представленных работ посвящено проблемам юридической техники и технологии законотворческой деятельности, а также вопросам логики права и такой крайне актуальной сфере, как профессиональный юридический язык в праве и законодательстве. В трудах Н.А. Власенко представлены также вопросы толкования права и правоприменительной деятельности [2].

6. Чрезвычайно важной остается проблематика конституционно-правовой науки в России, в связи с чем мы обращаем внимание взыскательного и вдумчивого читателя к новому фундаментальному труду В.Ю. Захарова, посвященному истории консти-

туционализма Нового времени. Данная работа отличается детальной характеристикой конституционализма как течения общественной мысли, рассматривается его соотношение с идеологией Просвещения, либерализмом и масонством. При этом конституционализм рассматривается как один из вариантов модернизации традиционных абсолютных монархий наряду с «просвещенным абсолютизмом», «просвещенным деспотизмом» и революционным вариантом. В связи с этим автор проводит сравнительный текстологический анализ конституций революционной Франции и конституций ряда европейских государств эпохи Реставрации. Также автор подробно анализирует конституционные тенденции во внутренней и внешней политике России Нового времени, влиявшие на реальную возможность реализации многих конституционных положений европейской общественной мысли в практической плоскости функционирования самодержавной государственности [3].

7. Среди последних публикаций по различным вопросам конституционного развития России необходимо отметить коллективную монографию «Современный российский конституционализм: проблемы становления и перспективы развития». Эта работа излагает конституционно-правовую проблематику в русле концептуальных идей академика О.Е. Кутафина в условиях современных глобальных вызовов, с учетом реалий настоящего времени. Каждый параграф книги посвящен отдельным аспектам конституционализма, институтам демократического правового конституционного государства; при этом все они объединены авторами общей идеей формирования целостной концепции современного российского конституционализма [1].

8. К числу значимых публикаций по отдельным проблемам конституционного права относится фундаментальный труд известного отечественного политолога А.Е. Любарева «Избирательные системы: российский и мировой опыт». В данной книге автор обобщает значительный объем сведений о различных избирательных системах, использующихся или использовавшихся в мировой практике. А.Е. Любарев предлагает их классификацию, прослеживает историю развития, анализирует основные парамет-

ры и взаимосвязь, а также методы исследования. Особое внимание уделено избирательным системам, применяемым в Российской Федерации. Книга содержит большой объем социологических данных, что выгодно отличает ее от многих трудов по конституционному праву, страдающих умозрительностью и схоластичностью изложения материала [5].

9. Значимой следует признать очередную фундаментальную работу Председателя Конституционного Суда России, профессора В.Д. Зорькина «Цивилизация права и развитие России». В этой книге рассматриваются процессы функционирования и развития права как необходимой нормативной формы социальной жизни человечества. Отмечая возрастающую роль права в соционормативной системе современного общества, автор вводит понятие «цивилизация права», или «правовая цивилизация».

Основополагающие начала права модерна – равенство всех перед законом и судом, приоритет прав человека и верховенство правового закона, определившие направления модернизации правовой системы нашей страны, – раскрываются сквозь призму уроков предшествующих попыток реформирования российского права и правосудия. Особое внимание В.Д. Зорькин уделяет анализу влияния социокультурных факторов на процессы правовой модернизации России. Известный ученый отстаивает идеи исторической обусловленности права, связанные с необходимостью учета социально-культурного своеобразия России в процессе ее вхождения в формирующуюся в рамках глобального пространства современную цивилизацию права [4].

10. Также следует отметить долгожданное издание на русском языке классического труда знаменитого французского ученого А. Эсмена «Общие основания конституционного права». Данный труд посвящен общим вопросам истории и теории конституционализма в странах Западной Европы. Автор уделяет много места системам представительного правления и принципам национального суверенитета. Эта проблематика сохраняет свою актуальность и в наше время, так как соотношение государственной независимости и интеграционных процессов постоянно меняется и часто принимает самые причудливые формы [10].

Наш краткий обзор новинок юридической литературы, разумеется, является далеко не полным и не претендует на исчерпывающую информацию по всем животрепещущим вопросам теории права и конституционализма. Мы отсылаем вдумчивого читателя к соответствующей литературе и надеемся на дальнейший плодотворный обмен мнениями по назревшим проблемам отечественной юриспруденции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арзамасов Ю.Г., Баранов В.М., Варламова Н.В. [и др.]. Теория государства и права в науке, образовании, практике: монография / пред. ред. совета Т.Я. Хабриева. М.: Юриспруденция, 2016. 480 с.
2. Власенко Н.А. Избранное. М.: Юр. Норма: ИНФРА-М, 2015. 688 с.
3. Захаров В.Ю. Российский и зарубежный конституционализм конца XVIII – 1-й четверти XIX вв.: опыт сравнительно-исторического анализа: монография. В 2 т. М.: Прометей, 2016. 592 с.
4. Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 320 с.
5. Любарев А.Е. Избирательные системы: российский и мировой опыт. М.: РОО «Либеральная миссия»: Новое литературное обозрение, 2016. 632 с.
6. Полдников Д.Ю. Формирование учения о договоре в правовой науке Западной Европы (XII–XVI вв.). М.: ПРОСПЕКТ, 2016. 400 с.
7. Постклассическая онтология права: монография / под ред. И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. 688 с.
8. Проблемы истории, методологии и теории юридической науки: монография / отв. ред. А.В. Корнев. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 528 с.
9. Современный российский конституционализм: проблемы становления и перспективы развития: монография / отв. ред. В.В. Комарова, Г.Д. Садовникова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 448 с.
10. Эсмен А. Общие основания конституционного права. М.: Ленанд, 2017. 368 с.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛНОМОЧИЙ И ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2016 ГОДУ

Вера Юрьевна Чернышова – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Московский финансово-юридический университет (МФЮА), г. Москва; **e-mail:chernyshova.1974@inbox.ru**.

В статье рассмотрены основные изменения в структуре и функциях Министерства Финансов РФ, произошедшие в 2016 году. Автором выделены задачи, возникшие в результате изменения в правовом положении Министерства Финансов РФ и в его структуре.

***Ключевые слова:** Министерство Финансов РФ; компетенция; функции; структура; полномочия; органы исполнительной власти.*

Министерство Финансов занимает одно из центральных мест в системе органов исполнительной власти любого государства. Наличие денежно – финансовой системы является основополагающим признаком государства, а управление этой системой играет ключевую роль во внешней и внутренней политике общества и страны на протяжении всей истории мировой цивилизации. Определение правового статуса Министерства Финансов и выявление его взаимоотношений и взаимодействия с другими государственными структурами является особенно актуальным на современном этапе развития Российской Федерации в период экономического кризиса и нестабильности мировой финансово-экономической системы в целом.

Министерство Финансов РФ действует на основании Постановления Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 329 «О Министерстве финансов Российской Федерации», а в соответствии с Конституцией РФ – в ведении Российской Федерации находятся: установление основ федеральной финансовой политики, финансовое, валютное и кредитное регулирование, федеральные экономические службы, включая федеральные банки, федеральные налоги и сборы, федеральные фонды регионального развития. В

результате чего можно сделать вывод, что Министерство Финансов РФ наделено конституционной компетенцией по реализации финансовых функций государства в целом. Министерство – единственный вид федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ), который имеет хотя бы косвенную легитимацию в Конституции.

В рамках системы федеральных органов исполнительной власти главенствующая роль как раз принадлежит министерствам. Министерства координируют деятельность служб и агентств. Функциональная успешность управления финансами в стране определяется системой организации государственных и региональных учреждений, которые выполняют данную функцию.

Компетенция (от лат. *Competere* – соответствовать, подходить) – способность применять знания, умения, успешно действовать на основе практического опыта при решении задач общего рода, также в определенной широкой области [2. С. 9].

В юриспруденции компетенция – совокупность юридически установленных полномочий, прав и обязанностей конкретного органа или должностного лица; определяет его место в системе государственных органов (органов местного самоуправления). Юридическое содержание понятия «компетенция» включает в себя такие элементы: предметы ведения (круг тех объектов, явлений, действий на которые распространяются полномочия); права и обязанности, полномочия органа либо лица; ответственность; соответствие поставленным целям, задачам и функциям [1. С. 103].

Основные функции Министерства Финансов так же определены Указом Президента № 314. Необходимо отметить, что функции Министерства финансов постоянно эволюционируют, и в январе 2016 года они были расширены Указом Президента РФ № 12. В соответствии с этим указом «В целях оптимизации структуры федеральных органов исполнительной власти, совершенствования государственного управления в сфере государственного регулирования производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и в области таможенного регулирования постановляю: Передать Министерству финан-

сов Российской Федерации функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, а также в области таможенного дела».

Таким образом, можно сделать вывод, что контроль за спиртосодержащей продукцией, как одной из основных статей доходов Российского бюджета поставлен под контроль Министерства Финансов.

В 1990-х – 2000 гг. система финансово-кредитных органов в РФ в связи с экономическими преобразованиями была существенно перестроена: появились новые органы (Государственная налоговая служба, впоследствии – Министерство РФ по налогам и сборам, а затем – Федеральная Налоговая Служба, Федеральное казначейство, Госстрахнадзор, коммерческие банки), перестроена структура Министерства финансов и соответствующих нижестоящих органов. Среди этих органов Министерство финансов РФ выделяется комплексным характером своих функций, направленных на разные стороны финансовой деятельности государства. Осуществляя свои функции, Минфин России взаимодействует с другими органами исполнительной власти – федеральными, органами субъектов Федерации, органами местного самоуправления, а также общественными объединениями и иными организациями.

Министерство финансов РФ возглавляет министр, назначаемый на должность и освобождаемый от нее Президентом РФ по представлению Председателя Правительства РФ. Министр несет персональную ответственность за выполнение возложенных на министерство задач и осуществление им своих функций.

На данный момент Министром финансов является Антон Германович Силуанов. Министр имеет 10 заместителей, назначаемых на должность и освобождаемых от нее Правительством РФ. Следует отметить, что Минфину России до 11 мая 2016 года было разрешено иметь в составе центрального аппарата 19 департаментов по основным направлениям деятельности.

11 мая 2016 года был издан Приказ Министра Финансов РФ №

153, в соответствии с которым была изменена структура департаментов и их количество увеличено до 21. Полномочия Департаментов утверждаются Приказами Министра Финансов РФ. Данная структура отражает расширение компетенции и функций Министерства Финансов как Федерального Органа исполнительной власти РФ.

Кроме Департаментов, в непосредственном подчинении Министерства Финансов находятся четыре Федеральных Службы:

1. Федеральная Налоговая Служба;
2. Федеральное Казначейство;
3. Федеральная Таможенная Служба;
4. Федеральная Служба по регулированию алкогольного рынка.

В феврале 2016 года произошли очередные изменения в структуре Министерства Финансов. Указом Президента РФ № 41 было установлено:

«В целях совершенствования государственного контроля и надзора в финансово-бюджетной сфере, оптимизации структуры федеральных органов исполнительной власти постановляю:

1. Упразднить Федеральную службу финансово-бюджетного надзора.

2. Передать функции упраздняемой Федеральной службы финансово-бюджетного надзора:

- а) по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере, по внешнему контролю качества работы аудиторских организаций, определенных Федеральным законом от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности», – Федеральному казначейству;

- б) органа валютного контроля – Федеральной таможенной службе и Федеральной налоговой службе.

3. Установить, что Федеральное казначейство, Федеральная таможенная служба и Федеральная налоговая служба являются правопреемниками упраздняемой Федеральной службы финансово-бюджетного надзора, в том числе по обязательствам, возникшим в результате исполнения судебных решений».

Необходимо отметить, что данное изменение способствует

консолидации структуры Министерства и оптимизации его деятельности.

Таким образом, изменения в правовом положении Министерства Финансов РФ и в его структуре направлены на решение следующих задач:

- создание условий для обеспечения долгосрочной сбалансированности федерального бюджета и повышения эффективности бюджетных расходов;
- совершенствование регулирования вопросов деятельности государственных внебюджетных фондов;
- повышение эффективности бюджетной, налоговой и тарифной политики в отдельных отраслях российской экономики;
- развитие инструментов повышения открытости и прозрачности управления общественными финансами;
- оптимизация взаимодействия с Центральным Банком РФ и Счетной палатой для преодоления финансового кризиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой юридический словарь / под ред. В.Е. Крутских, А.Я. Сухарева. М.: ИНФРА-М, 2013. С. 103.
2. Пермяков О.Е. Развитие систем оценки качества подготовки специалистов: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб, 2009. 34 с.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ В СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Илья Львович Честнов – профессор кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, г. Санкт-Петербург; **e-mail: ichestnov@gmail.com.**

В статье анализируется влияние постмодернизма на юриспруденцию. Главной характеристикой постмодернистского восприятия права является, по мысли автора, неопределенность в описании и юридической квалификации социального мира. Предлагаются наброски позитивной постмодернистской программы юриспруденции.

***Ключевые слова:** юриспруденция; постмодернизм; ситуация неопределенности.*

Постсовременное общество именуется постиндустриальным, информационным, глобальным или глобализирующимся, обществом риска, постмодернистским. Я.И. Гилинский – выдающийся криминолог – выделяет следующие отличительные черты «современной эпохи постмодерна», оговаривая, что они наиболее значимы для криминологии:

1. Глобализация всего и вся – финансовых, транспортных, миграционных, технологических потоков. Одновременно формируется (очень медленно!) глобальное сознание, миропонимание. Соответственно осуществляется глобализация преступности и проявлений девиантности (наркотизм, проституция и др.). Как результат массовой миграции неизбежен «конфликт культур» (Т. Селлин) и цивилизаций со всеми вытекающими криминогенными (девиантогенными) последствиями.

2. «Виртуализация» жизнедеятельности. Современники шизофренически живут в реальном и киберпространстве.

3. Релятивизм/агностицизм. История человечества и история науки приводят к отказу от постижения «истины». Очевидна относительность любого знания (включая криминологическое / девиантологическое).

4. Отказ от иллюзий возможности построения «благополучного» общества («общества всеобщего благоденствия»).

5. Власть – всегда насилие (от М. Фуко до С. Жижека). Разочарование в демократии толкает население даже образцово демократических государств то вправо, то влево!

6. Критицизм по отношению к модерну, власти, возможностям науки. Отрицание достижений Нового времени, модерна. Но что на смену?

7. Восприятие мира в качестве хаоса – «постмодернистская чувствительность».

8. Фрагментарность мышления как отражение фрагментарности бытия.

9. Консюмеризация сознания и жизнедеятельности [1. С. 36–37].

На наш взгляд, будет уместен следующий комментарий к приведенному списку характеристик общества постмодерна. Как нам кажется, наиболее значимым для постсовременной науки представляется **принцип неопределенности**, включающий одновременно гносеологическое, семантическое и онтологическое измерения, взаимодополняющие друг друга. Этот принцип характеризует возможности человеческого разума по описанию, объяснению, предсказанию и преобразованию социального мира. Социальная реальность (включая, конечно, и правовой ее момент, аспект), определяемая социальными представлениями, принципиально вероятностна, нестабильна и сложна, подвержена рискам саморазрушения. Поэтому управление ею и достижение всеобщего блага – о чем мечтали мыслители эпохи Просвещения – не поддается разумному расчету. Человеческое познание опосредовано множеством факторов, в том числе, социокультурным контекстом, в связи с чем трансформируется принцип научной объективности познания в интересубъективность. Собственно, в этом – признании неустранимости исторического и социокультурного контекста научного познания – и состоит переход науки от классической стадии ее эволюции к неклассической и постнеклассической, по мнению В.С. Степина. Тем самым классическая рациональность, ориентированная на объективность позна-

ния, элиминирующего человека и социокультурные факторы, вытесняется (например, в квантовой неклассической физике) и заменяется на коммуникативную, включая трансформацию основных понятий гносеологии.

В связи с этим возникает неопределенность в категоризации, классификации и квалификации социальной (и правовой) реальности. Приходится констатировать, что в ситуации «постмодернити» невозможно дать однозначную оценку, в том числе, юридическую, сложного социального явления или процесса. Так, например, квалификация действий, направленных на защиту государственного суверенитета другой стороной (с позиции другого «наблюдателя») может быть оценена как нарушение права нации на самоопределение; «гуманитарная интервенция» при массовом нарушении прав человека другими может быть признана как вторжение во внутренние дела государства, то есть, попрание государственного суверенитета и т.п. Неустранимость субъективности позиции наблюдателя, вытекающая из принципа дополнительности, не дает возможность описать и объяснить (квалифицировать) такого рода ситуации одним «единственно правильным» способом.

Неопределенность в юриспруденции ставит под сомнение ее краеугольный камень – принцип верховенства права, в частности, его важнейшее положение стабильности и непротиворечивости правовой системы. Именно эти качества призваны обеспечить доверие населения к законодательству. Однако сегодня стала очевидной завышенность претензии человеческого Разума, которую можно обозначить как «миф позитивного права», построить идеальную (завершенную, непротиворечивую, охватывающую все возможные юридически значимые ситуации) правовую систему. Между принципами права и законодательством, а тем более его конкретизацией в процессуальных нормах, нет логически выводимой связи. Из одного и того же принципа права или конституционного положения можно сделать логически непротиворечивым способом значительно отличающиеся выводы. Например, из принципа разделения властей можно сформировать президентскую, парламентскую или смешанную республиканские формы

права и конституционно-монархическую. Ко всему прочему, норма права не имеет имманентного механизма ее реализации, поэтому процессуальное законодательство, в свою очередь, может значительно отличаться при относительном единстве материального права, не будучи с ним логически связанным. В ситуации «инфляции законов» (термин Н. Рулана) и «нормальности» чрезвычайного положения (К. Шмитт) говорить о том, что правовая система отвечает требованиям принципа верховенства права – значит занимать некритическую позицию.

В связи с этим невозможно говорить об «объективности» в смысле, вкладываемом в этот термин классической философией, как о том, что существует как некая объективная данность, независимо от воли, желания, знаний и поведения субъекта. Элиминировать субъекта из социального мира и познания его в принципе невозможно – утверждается в социальной эпистемологии. Но это не означает, что объективность следует отбросить «за ненадобностью». Классическая объективность должна быть переосмыслена, например, как интерсубъективность. Социальная реальность объективна потому, что ее восприятие и воспроизводство в социальных представлениях превращает в реифицированную (опредмеченную, как сказали бы марксисты) «вещь» и люди ведут себя по отношению к ней как к объективной данности. В этом состоит механизм «амнезии происхождения» (по терминологии П. Бурдьё) или седиментации, объективации и институционализации (с точки зрения социальной феноменологии). Другими словами, правопорядок сегодня держится, прежде всего, на «мягкой силе» социальных представлений, а не на грубом насилии – на вере в его «естественность», данность (или заданность) «природой вещей». «Расколдование» (если угодно – деконструкция) сконструированности правопорядка грозит его разрушением, но научная честность обязывает об этом писать.

Однако возможна ли «позитивная» постмодернистская программа, применительно к юриспруденции, в частности? Как минимум, позитивность постмодернизма состоит в том, что это более адекватная постсовременности картина реальности (и правовой, в том числе). Как максимум – в формировании пост-

постмодернистской (или постклассической) рациональности, включая рациональность права. Она должна содержать, с моей точки зрения, переописание всех основных положений классической социальной философии и их «адаптацию» в соответствующие социальные науки. Применительно к юриспруденции такая программа должна дать ответы на следующие вопросы:

- как именно происходит конструирование и воспроизводство права, как работает механизм «первичного произвола» и последующей «амнезии происхождения» (по терминологии П. Бурдьё);
- каков социальный эффект правового воздействия на общество;
- как действует (функционирует) право, интериоризируясь и воплощаясь в практиках людей с их интересами и потребностями.

Этот перечень далеко не полный, но это именно те вопросы, без прояснения которых постсовременная юриспруденция не в состоянии преодолеть кризис ситуации постмодернизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гилинский Я.И. Преступность, девиантность и социальный контроль в эпоху постмодерна. Тезисы к размышлению // Преступность, девиантность и социальный контроль в эпоху постмодерна: материалы международной научно-практической конференции / под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Исаева, канд. юрид. наук, проф. А.В. Комарницкого. СПб., 2014.

Секция 2 НОВЕЛЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

Ю.В. Айрапетян

ВИДЕОПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ГАРАНТИЯ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

Юрий Витальевич Айрапетян – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, филиал Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права, кандидат юридических наук, доцент, г. Ереван, Армения; **e-mail: yuriy-ayrapetyan@mail.ru.**

В статье рассмотрено значение видео-протокола судебного заседания в качестве необходимой процессуальной гарантии доступности правосудия, проведен сравнительный анализ законодательства, а также выявлены необходимые направления для его совершенствования.

***Ключевые слова:** гражданский процесс; доступность правосудия; процессуальные гарантии; видеопротокол; деятельность судебной власти.*

Как известно гласность судебного разбирательства является основополагающим принципом гражданского процессуального права (ст. 8 ГПК РА). Поэтому особое значение для нас имеет понятие правовой информации при осуществлении судебной власти и непосредственно связанной с ней доступностью правосудия, которая выражается в гарантированной возможности получения необходимых сведений относительно каждого конкретного гражданского дела, ставшего предметом судебного разбирательства.

Наличие в обществе информационных ресурсов, обеспечивающих граждан доступной, полной и достоверной информацией правового характера выступает не только подтверждением «естественности информационной свободы как нормального состояния общества», но и важнейшей гарантией развития правовой демократической государственности [3. С. 26].

Важным процессуальным условием доступности гражданско-

го правосудия, облегчающим защиту прав и законных интересов участвующих в деле лиц, а также возможность проверки законности и обоснованности судебных решений, является протокол судебного заседания.

Протокол судебного заседания – это процессуальный письменный документ, удостоверяющий совершение (несовершение) участниками процесса всех процессуальных действий, имевших место в ходе судебного разбирательства. Он составляется о каждом судебном заседании суда первой инстанции, а также о каждом отдельном процессуальном действии, совершенном вне заседания [2. С. 223].

В гражданском процессуальном законодательстве Республики Армения имеется ряд норм, направленных на повышение уровня гласности и информационной открытости правосудия.

Так, например, ст. 146 ГПК РА гласит, что в судебных заседаниях судов первой инстанции, апелляционного, кассационного суда, а также при совершении вне судебных заседаний отдельных процессуальных действий ведется протокол. В случае, если в зале судебного заседания установлена система аудиозаписи, протокол ведется путем аудио-протоколирования судебного заседания и его краткой записи компьютерным способом одновременно. Краткая запись – это фиксирование действий, совершаемых в зале судебных заседаний. Подробный порядок эксплуатации специальной системы компьютерной аудиозаписи, архивации данных и хранения системы устанавливается Министерством юстиции Республики Армения. При отсутствии специальной системы компьютерной аудиозаписи или совершении вне судебного заседания отдельных процессуальных действий протокол ведется способом простого протоколирования на бумаге.

Использование системы аудиопротоколирования судебного заседания имеет ряд преимуществ: 1) аудиозапись является точным воспроизведением слуховой информации в отличие от простого письменного протоколирования, в котором утрачивается до 50 процентов информации; 2) выступает средством защиты процессуальных прав и действенным механизмом в борьбе с коррупцией; 3) отражает истинную беспристрастность судьи; 4) способст-

вует повышению уровня доверия населения к судам.

Возможность аудиопротоколирования гражданского процесса была введена изменениями к ГПК РА в 2005 году, но, к сожалению, до сих пор не все суды республики оснащены соответствующим оборудованием.

Сегодня развитие информационных технологий, их активное внедрение и применение во всех сферах деятельности человека и общества определяет необходимость использования различных методов протоколирования судебного заседания.

Так, в США к этим методам относятся: ручная стенограмма, механическая стенограмма, компьютеризированная транскрипция, ведение протокола в реальном времени, аналоговая аудиозапись, цифровая аудиозапись, видеозапись, дословная голосовая. У каждого метода есть свои преимущества и ограничения в зависимости от индивидуальных или корпоративных требований или приоритетов [5. С. 102].

Для нас чрезвычайно больший интерес в числе данных методов представляет метод видеозаписи, или видеопротоколирования судебного заседания, который выражается в фиксации всего процесса судебного разбирательства специальными техническими средствами. К основным преимуществам ведения данного вида протокола можно отнести: 1) возможность экономии процессуального времени, необходимого для составления простого письменного протокола; 2) меньшие сроки для получения его копий участниками гражданского процесса; 3) снижением риска уничтожения, преднамеренного искажения либо сокрытия каких-либо данных, занесенных в протокол; 4) отсутствие замечаний со стороны участников процесса по поводу его составления.

Протокол имеет важное доказательственное значение, поэтому его содержание, порядок составления и форма должны точно соответствовать требованиям закона, а видеозапись судебного заседания будет более точно отражать все происходящее [4].

В данной связи обратимся к гражданскому процессуальному законодательству Республики Казахстан, которая является первым и пока единственным государством среди стран СНГ, закрепившим на законодательном уровне возможность видеопротоко-

лирования судебного заседания.

Так, ч. 3 ст. 257 ГПК РК гласит, что протокол изготавливается компьютерным, электронным (включая цифровую аудио-, видеозапись), машинописным либо рукописным способом. Дополнительные материалы фиксации судебного заседания приобщаются к протоколу судебного заседания и хранятся вместе с материалами дела. В соответствии с ч. 4.1 ст. 256 ГПК РК, в протоколе судебного заседания указываются сведения о применении судом средств аудио-, видеозаписи и (или) стенографирования.

На сегодняшний день в Казахстане процент оснащенности залов судебных заседаний системами технической фиксации судебного процесса (аудиофиксация и аудиовидеофиксация) составляет 47,7 процентов. Целью оснащенности залов судебного заседания системами аудиовидеофиксации, а также ведение аудиовидеозаписей судебных процессов является эффективный общественный контроль гражданского общества за законностью отправления правосудия, профессионализмом и беспристрастностью судей, а также достижение высокой степени доверия общества к судебной системе [1]. Это в целом является существенным показателем доступности правосудия каждого государства.

Важно заметить, что видеофиксация является не только современным методом ведения судебного процесса, но и частью Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года, в которой говорится, что общество заинтересовано в полном, объективном и беспристрастном освещении деятельности судебной власти. В этих целях необходимо повышать уровень открытости и прозрачности судебной системы, в частности, путем предоставления населению более широкого доступа к информации о деятельности судов. Внедрение современных средств фиксации судебной информации будет способствовать реализации принципа состязательности в судопроизводстве.

Несколько иначе обстоит дело в гражданском процессуальном законодательстве Российской Федерации, где прямо не указывается на возможность видеопроотолирования судебного заседания, так как протокол составляется в письменной форме. Однако

для обеспечения полноты составления протокола суд может использовать стенографирование, средства аудиозаписи и иные технические средства. В протоколе указывается на использование секретарем судебного заседания средств аудиозаписи и иных технических средств для фиксирования хода судебного заседания (ст. 230 ГПК РФ).

Другими словами, видеофиксация не является методом протоколирования судебного заседания в гражданском процессуальном праве РФ, однако закон не запрещает ее осуществление и приобщение к простому письменному протоколу. Так, в Московском городском суде, по данным на 14.01.2014 г., в каждом зале судебного заседания (всего их 101) установлены системы видео- и аудио-фиксации судебных заседаний. Кроме того, на официальном сайте Московского городского суда имеется отдельный раздел под названием «Видеозаписи судебных заседаний». С помощью данного раздела каждый желающий может ознакомиться с архивом видеоматериалов судебных процессов, проходивших в суде.

Таким образом, анализ современных тенденций развития гражданского процессуального законодательства зарубежных стран относительно протокола судебного заседания как важной процессуальной гарантии доступности правосудия позволяет считать, что следующим шагом в развитии данного института будет правовое закрепление возможности видеофиксации или видеопроколирования судебного заседания.

Наряду с компьютерной аудиозаписью и простой письменной формой протокола видеозапись будет иметь равную юридическую силу и осуществляться при наличии в зале судебного заседания специальных технических средств. Думается, что подобное нововведение направлено на: 1) экономию процессуального времени; 2) ограничение злоупотреблений участниками дела своих процессуальных прав; 3) повышение объективности и беспристрастности судей; 4) борьбу с коррупцией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ганиева Г. Информационные технологии в современных судах Казахстана // Верховный суд Республики Казахстан: [сайт]. URL: <http://sud.gov.kz> (дата обращения: 09.11.2016).

2. Гражданский процесс: учебник 5-е изд., перераб. и доп. / под ред. М.К. Треушникова. М.: Статут, 2014. 504 с.

3. Гунин Д.И. Транспарентность и тайна информации: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 174 с.

4. Конарева Н. Видеопротокол как оптимизация гражданской процессуальной формы // Закон.ру: [сайт]. URL: <http://zakon.ru/> (дата обращения: 09.11.2016).

5. Прокудина Л.А. Секретарь судебного заседания: современный статус и перспективы совершенствования деятельности (российский и зарубежный опыт) // Современное право. 2009. № 9. С. 100–103.

Е.В. Гаврилов

**УМАЛЕНИЕ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО
ЛИЦА ПРИ РАСПРОСТРАНЕНИИ ПОРОЧАЩИХ
СВЕДЕНИЙ О ЕГО РУКОВОДИТЕЛЕ, И НАОБОРОТ,
В КОНТЕКСТЕ ОБЗОРА ПРАКТИКИ РАССМОТРЕНИЯ
СУДАМИ ДЕЛ ПО СПОРАМ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ,
ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ,
УТВЕРЖДЕННОГО ПРЕЗИДИУМОМ ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 16 МАРТА 2016 ГОДА**

Евгений Владимирович Гаврилов – эксперт юридического отдела экспертно-правового управления Законодательного Собрания Красноярского края, г. Красноярск; e-mail: gavrilov@zakon.ru.

В статье в контексте Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 года, рассмотрены вопросы о возможности защиты деловой репутации юридического лица при распространении несоответствующих действительности порочащих сведений о его руководителе, и наоборот, – о защите деловой репутации руководителя юридического лица при диффамации в отношении самого юридического лица.

Ключевые слова: деловая репутация; диффамация; юридическое лицо; защита чести, достоинства, деловой репутации; Президиум Арбитражного суда.

16 марта 2016 года Президиумом Верховного Суда РФ был утвержден Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (далее – Обзор).

В Обзоре содержатся важные положения, на которые следует

обращать внимание при защите чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ): основание и условия защиты; разграничение подведомственности дел арбитражным судам и судам общей юрисдикции; о необходимости в сложных случаях назначать экспертизу (например, лингвистическую) или привлечь для консультации специалиста (например, психолога); об условиях освобождения от ответственности за распространение порочащей информации; о реализации отдельных способов защиты чести, достоинства и деловой репутации, в частности, компенсации морального вреда и возмещения убытков и др.

В рамках настоящей статьи рассмотрим вопросы о возможности защиты деловой репутации юридического лица при распространении несоответствующих действительности порочащих сведений (далее – диффамация) о его руководителе, и наоборот, – о защите деловой репутации руководителя юридического лица при диффамации в отношении самого юридического лица.

По нашему мнению, умаление деловой репутации – это следствие любого вреда, оказывающего негативное влияние на деловую репутацию лица. Вред деловой репутации возможен как в отношении юридических лиц, так и граждан, которые не обязательно должны быть субъектами предпринимательской деятельности [1. С. 123].

Из п. 12 Обзора следует, что ущерб деловой репутации организации может быть причинен распространением порочащих сведений как о самой организации, так и в отношении лиц, входящих в ее органы управления, а также работников этой организации. Со ссылкой на постановление ФАС Центрального округа от 19.12.2011 г. по делу № А14-2501/2011 Президиум Верховного Суда РФ в указанном пункте Обзора пришел к выводу, что умаление профессиональной репутации руководителя организации может привести к умалению деловой репутации самой организации.

Иными словами, п. 12 Обзора ориентирует на то, что диффамация о руководителе юридического лица, его работниках, умаляет не только их деловую (профессиональную) репутацию, но и деловую репутацию самого юридического лица. При этом определяющим является характер распространенных сведений и их

влияние на деловую репутацию юридического лица, «неизбежность ассоциации» руководителя с репутацией самой организации и непосредственное влияние на сложившуюся в обществе оценку поведения этой организации (п. 12 Обзора).

Ранее отдельными арбитражными судами уже делался схожий вывод: сведения порочащего характера, распространенные в отношении лиц, выполняющих функции органов юридического лица, признаются сведениями, порочащими само юридическое лицо (см., например, п. 13 Обобщения практики рассмотрения споров, связанных с защитой деловой репутации, утвержденного Президиумом Арбитражного суда Свердловской области 20.04.2007 г.; п. 2 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел о защите деловой репутации в сфере предпринимательской деятельности, одобренного на заседании Президиума Семнадцатого арбитражного апелляционного суда 07.12.2007 г.).

Считаем, что с таким подходом в большинстве случаев следует согласиться. Действительно, диффамация в отношении руководителя юридического лица, связанная с его действиями (бездействием) в сфере делового оборота, профессиональной, управленческой деятельностью, неминуемо сказывается на деловой репутации возглавляемого им юридического лица. Однако если диффамация касается руководителя юридического лица «в отрыве» от его управленческой деятельности и никак не связана с руководимым им юридическим лицом, то оснований для защиты деловой репутации самого юридического лица нет. Следует признать правильным подход, согласно которому не любые действия представителей юридического лица вовне являются действиями самого юридического лица (см., например, постановление ФАС Северо-Западного округа от 30.04.2009 г. по делу № А56-8821/2008), а указание в опубликованной в СМИ статье на конкретных должностных лиц юридического лица *само по себе* может и не наносить вред деловой репутации этого юридического лица (Обобщение практики второго судебного состава ФАС Волго-Вятского округа от 29.12.2006 г. «Вопросы защиты деловой репутации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» по итогам рассмотрения споров, связанных с защитой дело-

вой репутации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей). К слову, указанный тезис иногда встречается при защите деловой репутации образовательных организаций высшего образования, когда диффамация касается их ректора, например, А.С. Запесоцкого – ректора НОУ ВПО «Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов» [2. С. 11].

А как быть в «зеркальном» случае: может ли диффамация о юридическом лице умалять деловую (профессиональную) репутацию его руководителя? Ответа на этот вопрос Обзор не содержит.

Следует отметить, что в 2015 году Верховный Суд РФ по итогам рассмотрения конкретного дела уже отмечал, что «деловая репутация организации может быть нарушена путем распространения порочащих сведений как о самой организации, так и о лицах, входящих в органы управления организацией, а также о работниках этой организации» (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.10.2015 г. по делу № 307-ЭС15-5345).

При этом Верховный Суд РФ по указанному делу сделал и «зеркальный» вывод: деловая репутация руководителя организации (лица, выполняющего управленческие функции в организации) может быть нарушена распространением порочащих сведений как о нем самом, так и об организации.

В определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.10.2015 г. по делу № 307-ЭС15-5345 сказано, что «поскольку единоличный исполнительный орган юридического лица действует от имени юридического лица в гражданском обороте, его репутация неизбежно ассоциируется в репутацией самого юридического лица и непосредственно влияет на складывающуюся в обществе оценку деятельности юридического лица. В этой связи умаление профессиональной (деловой) репутации юридического лица, очевидно, *в большинстве случаев* приводит к умалению деловой репутации руководителя этого юридического лица, влияет на оценку обществом его профессиональных качеств и добросовестности поведения в гражданском обороте». Такой спор подлежит рассмотрению в арбитражном су-

де по существу.

Схожий вывод ранее был сделан в рамках дела о защите деловой репутации проректора ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» П.М. Вчерашнего (постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 17.02.2011 г. № А33-6028/2010) [2. С. 11].

Действительно, распространение не соответствующих действительности сведений, порочащих деловую репутацию юридического лица, при определенных условиях может причинить вред и другому объекту – деловой репутации определенного гражданина или граждан [3. С. 180]. При этом, полагаем, защита деловой репутации руководителя организации при диффамации в отношении самой организации возможна при условии, что диффамация прямо или косвенно связана с деловой (профессиональной) деятельностью этого руководителя, его компетенцией, с теми функциями, которые он выполняет, действуя от имени этой организации в гражданском обороте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилов Е. Вред деловой репутации: к вопросу о понятиях // *Хозяйство и право*. 2009. № 1. С. 122–124.
2. Гаврилов Е. Защита деловой репутации вуза // *эж-ЮРИСТ*. 2012. № 1–2. С. 11.
3. Карпенков В.В. Взаимосвязь деловой репутации юридического лица его руководителя и сотрудников // *Управление в социальных и экономических системах: материалы XIX международной научно-практической конференции*, г. Минск, 18 мая 2010 г. / *Минский ин-т управления*; редкол.: Н.В. Суша [и др.]. Минск, 2010. С. 179–181.

НОВОЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ РФ В СВЕТЕ НОВОГО ЗАКОНА ОБ АРБИТРАЖЕ

Луиза Марсовна Ганцева – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Московский финансово-юридический университет (МФЮА), кандидат философских наук, г. Москва; **e-mail: luizar@mail.ru**.

В статье рассмотрены последние изменения в гражданском процессуальном кодексе РФ в свете вступления в силу нового закона об арбитраже, регламентирующего порядок образования и деятельности третейских судов и постоянно действующих арбитражных учреждений на территории РФ, а также третейское разбирательство.

Ключевые слова: *арбитраж; третейский суд; функции содействия в отношении третейских судов; законодатель.*

Судебная реформа в РФ, начатая на рубеже XX–XXI столетий, продолжает набирать темпы, совершенствуя законодательство о третейских судах и третейском разбирательстве как альтернативном способе урегулирования споров в судебном порядке.

В настоящее время согласно п. 1 ст. 11 Гражданского Кодекса РФ защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляют в соответствии с подведомственностью дел, установленной процессуальным законодательством, суд, арбитражный суд и третейский суд.

Третейский суд, являясь одним из видов альтернативного урегулирования споров, представляет собой институт саморегулирования гражданского общества, осуществляющий правоприменительную деятельность (разрешение гражданско-правовых споров) на основе взаимного волеизъявления сторон.

Федеральный закон от 24.07.2002 г. № 102-ФЗ (в редакции от 29.12.2015 г.) «О третейских судах в РФ», регулирующий порядок образования и деятельности третейских судов, находящихся на территории Российской Федерации, утратил силу и не применяется с 1 сентября 2016 г., за исключением случаев, когда арбитраж начат и не завершен до дня вступления в силу нового федераль-

ного закона от 29.12.2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в РФ» (далее именуемый «новый закон об арбитраже»).

Новый закон об арбитраже вступил в силу 1 сентября 2016 г. и кардинальным образом изменил систему основных понятий, используемых в ранее действовавшем законе № 102-ФЗ от 24.07.2002 г.

Прежде всего, вводится понятие «арбитража», ранее упоминаемого в ФЗ «О международном коммерческом арбитраже» от 7 июля 1993 г. как синоним «третейского суда», как равнозначное понятию «третейское разбирательство», означающее, как и прежде, процесс разрешения спора третейским судом и принятия решения третейским судом. Судебные акты, принимаемые третейским судом, именуются арбитражными решениями.

Согласно п. 3 ст. 1 нового закона об арбитраже «в арбитраж (третейское разбирательство) по соглашению сторон могут передаваться споры между сторонами гражданско-правовых отношений, если иное не предусмотрено федеральным законом». Статья 3 ГПК РФ предусматривает, что по соглашению сторон подведомственный суду спор, возникший из гражданско-правовых отношений, до принятия судом первой инстанции судебного постановления, которым заканчивается рассмотрение дела по существу, может быть передан сторонами на рассмотрение третейского суда, если иное не предусмотрено кодексом и федеральным законом.

Специфика арбитража заключается в следующем:

- имеет третейскую природу, т.е. формируется на основании арбитражного соглашения сторон;
- рассматривает споры, вытекающие из гражданско-правовых отношений, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Видоизменилось понятие «третейский суд», которое понимается как единоличный арбитр или коллегия арбитров. Ранее третейский суд определялся как постоянно действующий третейский суд или третейский суд, образованный сторонами для решения конкретного спора (далее – третейский суд для разрешения конкретного спора).

Арбитраж представлен в виде:

- институционного (администрируемого постоянно действующим арбитражным учреждением);
- изолированного (осуществляемого третейским судом, образованным сторонами для разрешения конкретного спора (ad hoc)).

Так, согласно п. 5 ст. 1 нового закона об арбитраже, если федеральным законом не предусмотрено иное, он распространяется как на арбитраж (третейское разбирательство), администрируемый постоянно действующим арбитражным учреждением, так и на арбитраж (третейское разбирательство), осуществляемый третейским судом, образованным сторонами для разрешения конкретного спора.

С 1 сентября 2016 г. на осуществление деятельности по администрированию споров постоянно действующим арбитражным учреждением необходимо получить соответствующее право. В Российской Федерации постоянно действующие арбитражные учреждения создаются при некоммерческих организациях. Постоянно действующее арбитражное учреждение вправе осуществлять свою деятельность при условии получения некоммерческой организацией, при которой оно создано, права на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения, предоставляемого актом Правительства РФ (исключение составляют Международный коммерческий арбитражный суд и Морская арбитражная комиссия при Торгово-промышленной палате РФ, которые осуществляют функции постоянно действующего арбитражного учреждения без необходимости предоставления Правительством РФ права на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения).

Порядок выдачи разрешительных документов утвержден Правительством РФ и вступает в силу с 1 ноября 2016 года [1. С. 9]. В соответствии с п. 13 ст. 52 нового закона об арбитраже по истечении одного года со дня установления Правительством РФ порядка, предусмотренного чч. 4–7 ст. 44 Федерального закона, постоянно действующие арбитражные учреждения, постоянно действующие третейские суды, не соответствующие требованиям ст. 44 Федерального закона и не получившие права на осуществление

функций постоянно действующего арбитражного учреждения (за исключением Международного коммерческого арбитражного суда и Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате РФ), не вправе осуществлять деятельность по администрированию арбитража.

Таким образом, законодатель предусмотрел переходный период на прохождение процедуры получения права на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения, который составляет срок до 1 ноября 2017 г.

В отношении арбитража (третейского разбирательства), осуществляемого третейским судом, образованным сторонами для разрешения конкретного спора, вводится ряд ограничений процессуального характера, в частности: ч. 3 ст. 22.1 ГПК РФ споры между участником юридического лица и самим юридическим лицом и споры по искам участников юридического лица в связи с правоотношениями юридического лица с третьим лицом, если у участников юридического лица есть право на подачу такого иска в соответствии с федеральным законом, могут быть переданы на рассмотрение третейского суда в соответствии с ч. 4 ст. 22.1 только в случае, если это юридическое лицо, все его участники, а также иные лица, которые являются истцом или ответчиком в указанных спорах, заключили арбитражное соглашение о передаче в третейский суд указанных споров.

Гражданский процессуальный кодекс РФ претерпел существенные изменения в редакции Федерального закона от 29.12.2015 г. № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ и признании утратившими силу п. 3 ч. 1 ст. 6 ФЗ «О саморегулируемых организациях» в связи с принятием ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в РФ», которые связаны с принятием и вступлением в силу Федерального закона от 29.12.2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в РФ».

По новому положению теперь компетентные суды осуществляют две функции в отношении третейских судов:

- функцию контроля, объединяющую производство по делам об оспаривании решений третейских судов и производство по де-

лам о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов, и

- функцию содействия в отношении третейских судов – производство по делам, связанным с выполнением судами функций содействия в отношении третейских судов.

В свою очередь, это отразилось на видах гражданского судопроизводства, которые пополнились в силу пп. 7 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ делами об оказании содействия третейским судам в случаях, предусмотренных федеральным законом (производство по делам, связанным с выполнением судами функций содействия в отношении третейских судов).

В теории гражданского процессуального права вид гражданского судопроизводства определяется как определяемый спецификой и характером материального права особый порядок возбуждения, рассмотрения и разрешения определенных групп дел судами. Так, производство по делам, связанным с выполнением судами функций содействия в отношении третейских судов возбуждается на основании заявления о выполнении судом функций содействия в отношении третейского суда (заявление о содействии).

Суд на основании ч. 2 ст. 427.1 ГПК РФ выполняет следующие функции содействия в отношении третейских судов:

- 1) разрешение вопросов, связанных с отводом третейского судьи;
- 2) разрешение вопросов, связанных с назначением третейского судьи;
- 3) разрешение вопросов, связанных с прекращением полномочий третейского судьи.

В соответствии со ст. 427.3 ГПК РФ заявление о содействии рассматривается единолично судьей районного суда по правилам рассмотрения дела судом первой инстанции, предусмотренным кодексом, с учетом особенностей, установленных главой 47.1 ГПК РФ, в срок, не превышающий одного месяца со дня поступления заявления о содействии в районный суд.

Кроме того, говоря о территориальной (пространственной) подсудности и ее видах, надо отметить, что появился наряду с имевшими место ранее видами территориальной подсудности

(общая, альтернативная, исключительная, договорная, по связи дел) [2. С. 58] шестой вид территориальной подсудности – подсудность дел, связанных с осуществлением судами функций содействия и контроля в отношении третейских судов (ст. 30.1 ГПК РФ).

Следует отметить, что ГПК РФ во введенной ст. 22.1 содержит перечень споров, которые не могут быть переданы на рассмотрение третейского суда. Этот перечень не является полным, поскольку отсылает также к случаям, прямо предусмотренным Федеральным законом.

Надеемся, что вступившие в силу изменения, касающиеся деятельности третейских судов и постоянно действующих арбитражных учреждений на территории РФ, благотворно повлияют на объективность и беспристрастность арбитров (третейских судей), на правильность арбитража (третейского разбирательства).

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубкова М. Арбитраж. Третейские суды ставят в жесткие рамки. Третьему не дано // Российская газета. 2016. № 194 (7062). С. 9.
2. Лебедев М.Ю., Францифоров Ю.В., Чекмарева А.В. Гражданский процесс: краткий курс лекций. М.: Юрайт, 2014. 234 с.

В.С. Голец

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ ДЕЛА К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Валерия Сергеевна Голец – менеджер по организации международных грузоперевозок, г. Гродно, Беларусь; **e-mail: Valeria265@mail.ru.**

В статье рассмотрены основные подходы к роли института подготовки дела к судебному разбирательству как стадии гражданского процесса. Определяется сущность и значение подготовительной части судебного разбирательства по гражданскому делу.

***Ключевые слова:** гражданский процесс; подготовка дела; процессуальный порядок; судебное разбирательство; медиация.*

Реформирование судебной системы в Республике Беларусь определяет перед правоприменителями, включая суды, ряд проблем.

Одной из них является проблема, связанная с применением законодательства о подготовке дела к судебному разбирательству.

Защита прав и законных интересов граждан целиком и полностью зависит от своевременного и правильного разрешения гражданских дел. К сожалению, в Республике Беларусь количество дел в судах увеличивается. Естественно, что гражданские дела, которые рассматривает суд, различны. Они касаются как физических, так и юридических лиц. Правоприменительная практика с перманентной закономерностью демонстрирует сложность подобного рода споров. Правильное и своевременное решение гражданских дел, а также их законность зависит от правильного алгоритма проведения судебного разбирательства.

Подготовка к гражданскому делу влияет на оперативность судебного разбирательства. Данная стадия во многом предопределяет правильность разрешения дела. Если в подготовке дела к судебному разбирательству будут достигнуты его основные задачи, то суд с высокой долей вероятности впоследствии вынесет законное и обоснованное судебное постановление.

В научной литературе продолжительное время высказывались сомнения по поводу подготовки дела к судебному разбирательству как самостоятельной стадии гражданского процесса. По этому поводу ученые-правоведы высказывали различные мнения. Подготовкой дела, по мнению ряда ученых, являются действия суда, выполняемые ввиду их служебно-организованного значения единолично судьей в процессе исполнения судом его общей обязанности рассмотреть и разрешить дело. А также и подготовка к делу вне разбирательства по нему не имеет никакого значения – а, следовательно, и вообще не имеет самостоятельного значения. Подготовка дела не составляет задачи правосудия, достижению которой корреспондировал бы соответствующий охраняемый законом интерес (или право) стороны, являющийся необходимым элементом в процессуальном правоотношении. Поэтому здесь отсутствует отдельное процессуальное правоотношение между судом и сторонами – следовательно, нет и стадии процесса, составляющей содержание правоотношения как формы процесса. Некоторыми учеными подготовка дела к судебному разбирательству рас-

смачивается как самостоятельная часть (этап) производства по гражданскому делу в суде первой инстанции [5. С. 92].

Несмотря на указанные выше доводы, многие ученые и практики считают подготовку гражданских дел к судебному разбирательству обязательной и самостоятельной.

Подготовка дел к судебному разбирательству регулируется главой 26 ГПК Республики Беларусь, состоящей из шести статей. Количество статей сравнительно невелико, но содержание этих норм охватывает достаточно большой спектр задач по подготовке дела к судебному разбирательству, широкий круг действий судьи по данному виду подготовки, определяет цели и сущность такого элемента подготовки, как предварительное судебное заседание [6. С. 222].

В Республике Беларусь задачи гражданского судопроизводства, к которым, прежде всего, относится обеспечение правильного и своевременного рассмотрения и разрешения судами гражданских дел, исполнения судебных постановлений и других актов, подлежащих исполнению, защита прав и охраняемых законом интересов граждан и юридических лиц, определены в ст. 5 ГПК Республики Беларусь [1. С. 59].

30 июня 2016 г. Президиумом Верховного Суда Республики Беларусь были приняты два постановления, касающиеся судебной практики. Целью их принятия являлись задачи для улучшения качества рассмотренных дел, а также устранение недостатков в работе суда.

Кроме того, в Постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О примирении сторон при рассмотрении судами гражданских и экономических споров» от 29 июня 2016 г. № 3 говорится о том, что разрешение спора является основным направлением упрощения судебной нагрузки и улучшения судебной деятельности.

На правоприменительную практику в рамках подготовки дела к судебному разбирательству в перспективе и уже в настоящее время существенное влияние оказывает развитие института медиации. В контексте последних актуальных новелл в области медиации следует отметить тот факт, что Республика Беларусь по-

лучила рекомендации по развитию медиации по итогам международного форума по коммерческой медиации в Восточной Европе и Центральной Азии. Участники форума из 11 стран в 2016 г. обсудили проблемы развития медиации и перспективы распространения этого института в коммерческой сфере. По итогам мероприятия выработаны универсальные предложения в качестве рекомендаций для продвижения коммерческой медиации в странах Восточной Европы и Центральной Азии.

Примирение сторон является одной из задач в подготовке дела. В настоящее время заключение мирового соглашения является наиболее предпочтительным способом урегулирования гражданско-правового конфликта с точки зрения сторон и государства. В рамках закона судья должен выполнить все необходимые меры для примирения сторон. В основном, это дела, где закон полностью предусматривает определенные меры (имущество, договор, воспитание детей) [4. С. 47].

К сожалению, граждане Республики Беларусь пока неохотно стремятся обращаться к альтернативным методам разрешения конфликта. По статистике, за первое полугодие 2016 г. по Минской области было разрешено 35 дел благодаря медиации.

Институт предварительного судебного заседания, который в гражданско-процессуальном законодательстве существует с 2006 г., уже имеет значительную практику применения. Большое влияние на распространение единообразной практики его применения оказало Постановление Пленума Верховного суда Республики Беларусь «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» от 25 июня 2009 г. № 4, давшее ряд рекомендаций по реализации полномочий суда в предварительном судебном заседании.

Законодательство закрепляет положения по усовершенствованию деятельности по подготовке дела и проведению предварительного судебного разбирательства. Обязательной и самостоятельной стадией процесса является подготовка дела. В ст. 262 Гражданско-процессуального кодекса определены цели предварительного судебного заседания [3. С. 193].

Благодаря предварительному судебному заседанию достига-

ются цели, поставленные для правильного и своевременно рассмотрения дела по существу. Каждый год вносятся изменения в Гражданско-процессуальный кодекс, благодаря которым выносятся правильные решения по делу. Также обязательным стало введение норм, связанных с предъявлением доказательств сторонами в предварительном судебном заседании [2. С. 43].

Новый Закон от 5 января 2016 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» затронул как некоторые идеологические стороны осуществления правосудия, так и «бытовые» аспекты судебного процесса – например, вызов в суд по смс. При этом учитывался опыт европейских стран и стран СНГ. На наш взгляд, это позволит сократить время для сбора всех участников процесса. Конечно же, личное присутствие участника процесса обязательно, но если возникают какие-либо сложности в обеспечении его присутствия, их можно разрешить с помощью дистанционно-заочного присутствия в судебном заседании. На сегодняшний день существуют детально разработанные нормы для использования видеоконференцсвязи на стадии предварительного судебного заседания и в самом судебном разбирательстве.

Таким образом, можно сделать вывод, что подготовка дела к судебному разбирательству является обязательной стадией гражданского процесса, которая путем процессуальных действий судьи содействует сторонам и обеспечивает правильное и своевременное рассмотрение и разрешение дела. На стадии подготовки четко закрепляется правовой статус и перспективы сторон. Благодаря развитым информационным технологиям появилась возможность сократить время предварительного судебного разбирательства и сократить расходы проигравшей стороны. Также следует отметить, что медиация медленно, но уверенно начинает набирать оборот среди способов урегулирования споров. Такая мера в ближайшем будущем позволит разгрузить суды и показать гражданам разнообразные варианты разрешения спора без участия суда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кочурко Ю.В. О соотношении целей и задач подготовки гражданских дел к судебному разбирательству и предварительного судебного заседания // Юстиция Беларуси. 2010. № 4. С. 54–61.
2. Кочурко Ю.В. Предварительное судебное заседание: практика правоприменения и новеллы гражданско-процессуального регулирования // Юстиция Беларуси. 2012. С. 42–44.
3. Парашенко В.Н. Гражданский процесс: учебник. Минск: Право и экономика, 2011. 387 с.
4. Скобелев В.П. Гражданское процессуальное законодательство Республики Беларусь: еще раз о новеллах // Юстиция Беларуси. 2012. № 12. С. 46–50.
5. Скобелев В.П. О праве суда вынести решение в предварительном судебном заседании // Современные тенденции кодификации законодательства (10 лет ГПК, ХПК, ТК РБ): материалы Международной научно-практической конференции (6 ноября 2009 г., г. Минск) / Национальный центр законодательных и правовых исследований Республики Беларусь, Белорусский государственный университет, кафедра гражданского процесса и трудового права. Минск, 2009. С. 91–105.
6. Таранова Т.С. Гражданский процесс. Особенная часть: учеб. пособие. Минск: БГЭУ, 2012. 385 с.

Ю.С. Гречушникова

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Юлия Сергеевна Гречушникова – преподаватель, частное учреждение организация дополнительного образования «Британский банковско-финансовый колледж», г. Москва; **e-mail: juliagrech@yandex.ru.**

В статье рассмотрены недостатки существующей процедуры банкротства физических лиц, проблемы восстановления платежеспособности должника и вопросы добросовестности участников гражданского оборота.

Ключевые слова: банкротство физических лиц; расчеты с кредиторами; освобождение от обязательств; добросовестность должника.

Институт банкротства граждан появился в Российской Федерации в 2015 году, однако уже к настоящему времени выявлены недостатки существующей процедуры банкротства физических лиц, к числу которых можно отнести и длительность судебной процедуры, и высокие расходы на ее проведение. Помимо этого, в

случае признания должника банкротом и завершении расчетов с кредиторами возникает вопрос о том, получает ли гражданин право на освобождение от дальнейшего исполнения обязательств, которые остались непогашенными.

Согласно пункту 3 статьи 213.28 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» после завершения расчетов с кредиторами гражданин, признанный банкротом, освобождается от дальнейшего исполнения требований кредиторов, в том числе требований кредиторов, не заявленных при введении реструктуризации долгов гражданина или реализации имущества гражданина.

Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» в пункте 4 статьи 213.28 введен перечень обстоятельств, при установлении которых суд в определении о завершении реализации имущества гражданина указывает на неприменение в отношении гражданина правила об освобождении от исполнения обязательств. Освобождение гражданина от обязательств не допускается в случае, если доказано, что при возникновении или исполнении обязательства, на котором конкурсный кредитор или уполномоченный орган основывал свое требование в деле о банкротстве гражданина, гражданин действовал незаконно, в том числе совершил мошенничество, злостно уклонился от погашения кредиторской задолженности, уклонился от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица, предоставил кредитору заведомо ложные сведения при получении кредита, скрыл или умышленно уничтожил имущество. Данные меры направлены на недопущение злоупотребления в применении в отношении гражданина правила об освобождении от исполнения обязательств как результата банкротства.

В марте 2016 года Арбитражный Суд Новосибирской области при вынесении определения о признании несостоятельным (банкротом) Овсянникова Валерия Александровича отказал ему в освобождении от долгов, сославшись на недобросовестность заемщика (Определение Арбитражного суда Новосибирской области от 24 марта 2016 года № А45-24580/2015). В своем определении суд указывает, что Овсянников Валерий Александрович принял

на себя заведомо неисполнимые обязательства по кредитным договорам, что явно свидетельствует о его недобросовестном поведении в ущерб кредиторам.

В этой связи необходимо отметить, что в соответствии с пунктом 1 статьи 821 Гражданского Кодекса РФ кредитор вправе отказаться от предоставления заемщику предусмотренного кредитным договором кредита полностью или частично при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что предоставленная заемщику сумма не будет возвращена в срок. Из вышеуказанного можно сделать вывод, что на момент заключения кредитных договоров отсутствовали обстоятельства, очевидно свидетельствовавшие о возможном возникновении неплатежеспособности потенциального заемщика, либо кредиторы посчитали такие обстоятельства несущественными и приняли на себя риск выдачи кредита заемщику.

Суд указывает, что, обращаясь с заявлением о признании себя банкротом, должник преследовал цель освобождения от долгов. Однако следует отметить, что объективные доказательства, позволяющие суду сделать подобные выводы, в материалах дела отсутствуют. Возникает вопрос, какие доказательства должны быть представлены должником, чтобы суд мог точно и объективно установить цель обращения гражданина в суд.

В вышеуказанном определении суд также отмечает, что, исходя из установленного законодателем условия применения механизма освобождения гражданина, признанного банкротом, от обязательств следует отметить, что освобождение должника от исполнения обязательств не является правовой целью банкротства гражданина, напротив, данный способ прекращения исполнения обязательств должен применяться в исключительных случаях. По мнению суда, иное толкование противоречит основным началам гражданского законодательства, закрепленным в статье 1 Гражданского кодекса РФ. Суд в своем определении ссылается на пункт 3 статьи 1 Гражданского Кодекса РФ, где указывается, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. При

этом в силу пункта 4 статьи 1 Гражданского Кодекса РФ никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

Кроме того, суд не принял во внимание довод должника о том, что исполнение кредитных обязательств было прекращено из-за потери дополнительного заработка, поскольку это не подтверждается документально. Суд не стал рассматривать довод должника как основание для освобождения его от исполнения обязательств. В то же время следует отметить, что пункт 3 статьи 213.28 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» не содержит какого-либо условия освобождения гражданина, признанного банкротом, от дальнейшего исполнения требований кредиторов. Напротив, пунктом 4 вышеуказанной статьи установлен перечень обстоятельств, при наличии которых освобождение гражданина от обязательств не допускается. Таким образом, заявление должника о потере источника дохода может лишь указывать на то, что суду неизвестны доходы гражданина на момент получения кредитов и возникновения обязательств по их уплате.

Практика судов зарубежных стран свидетельствует о том, что выявление признаков недобросовестности при обращении в суд действительно является основанием для отказа в удовлетворении требования о признании должника банкротом. Таким основанием является установленный судом факт обращения в суд с мотивом оставление кредиторов без выплат [2. С. 32].

При этом пунктом 3 статьи 213.6 Гражданского кодекса РФ установлено, что, если имеются достаточные основания полагать, что с учетом планируемых поступлений денежных средств, в том числе доходов от деятельности гражданина и погашения задолженности перед ним, гражданин в течение непродолжительного времени сможет исполнить в полном объеме денежные обязательства и (или) обязанность по уплате обязательных платежей, срок исполнения которых наступил, гражданин не может быть признан неплатежеспособным. Таким образом, само обращение гражданина в суд с заявлением о признании себя несостоятельным (банкротом) подразумевает отсутствие у должника возможности погасить свои обязательства, в противном случае обраще-

ние в суд не имеет смысла.

При установлении мотивов участников гражданских правоотношений следует исходить из того, что добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются по общему правилу пункта 5 статьи 10 Гражданского Кодекса РФ, пока не доказано иное. Данное положение Гражданского Кодекса РФ следует рассматривать как презумпцию. Как отмечает М.Н. Бронникова, для гражданско-правовой презумпции свойственна возможность опровержения предполагаемого признака, не характерная для принципа. Таким образом, автор приходит к выводу, что добросовестность участников гражданских правоотношений является презумпцией, а не принципом [1. С. 57–58].

Банкротство юридических лиц может рассматриваться как форма юридической ответственности, поскольку признание субъекта банкротом завершается процедурой вынужденного принудительного прекращения деятельности хозяйствующего субъекта. Для физических лиц возможность ликвидации как таковая отсутствует.

Как справедливо отмечает А.С. Карелина, восстановление платежеспособности должника в условиях необходимости обеспечения стабильности рассматривается в качестве одного из способов удовлетворения требований кредиторов [3. С. 4–5]. Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» предусмотрен ряд средств правового регулирования, действие которых направлено на предотвращение ликвидации должника или его имущественного комплекса. Освобождение гражданина от исполнения обязательств также ставит своей целью восстановление платежеспособности должника и нормализацию его имущественного положения.

Как отмечает А.А. Кравченко, в рамках процесса о несостоятельности (банкротстве) недобросовестность может выражаться не только в совершении правонарушения или нарушении императивных норм права, но и в невыполнении предписаний закона, например, неосуществлении всех возможных действий, которые могут способствовать восстановлению платежеспособности и

реабилитации предприятия [4. С. 13]. По отношению к физическим лицам также целесообразно применение мер, направленных на восстановление их платежеспособности, которые законодатель может установить в рамках Федерального закона «О несостоятельности (банкротства).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бронникова М.Н. Проблемы применения презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2007. № 1. С. 55–68.

2. Бруско Б.С. Актуальные проблемы применения упрощенного порядка ликвидации должника // Право и бизнес. Приложение к журналу «Предпринимательское право». 2015. № 4. С.24–32.

3. Карелина С.А. Категория ответственности и институт несостоятельности (банкротства) // Предпринимательское право. 2015. № 2. С. 3–9.

4. Кравченко А.А. Об ответственности за недобросовестность в отношениях несостоятельности (банкротства) // Предпринимательское право. 2015. № 2. С. 10–17.

В.А.Драбенко, Д.В. Драбенко

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСПОРТНО-ЭКСПЕДИТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Вадим Анатольевич Драбенко – и.о. зав. кафедрой информационных технологий Государственного института экономики, финансов, права и технологий, доктор технических наук, кандидат экономических наук, профессор, г.Гатчина; **e-mail: drv@rshu.ru**.

Дмитрий Вадимович Драбенко – магистр прикладной гидрометеорологии, младший научный сотрудник ФГБУА НИИ, г. Санкт-Петербург; **e-mail: drv@rshu.ru**.

В статье рассматриваются актуальные проблемы нормативно-правового обеспечения транспортно-экспедиторской деятельности, рассматриваются права и обязанности грузоотправителя, экспедитора.

Ключевые слова: транспортно-экспедиторские услуги; транспортная экспедиция; экспедитор; перевозка грузов; Гражданский кодекс РФ.

В Гражданском кодексе отношения, возникающие в связи с осуществлением транспортной экспедиции, выделены в само-

стоятельную главу. Гражданский кодекс в ст. 801 устанавливает, что «по договору транспортной экспедиции одна сторона (экспедитор) обязуется за вознаграждение и за счет другой стороны (клиента – грузоотправителя или грузополучателя) выполнить или организовать выполнение определенных договором экспедиции услуг, связанных с перевозкой грузов». Такие сопутствующие услуги по месту своего оказания подразделяют на услуги, предшествующие перевозкам, выполняемые в процессе перевозки (параллельные) и выполняемые по завершению перевозки [2].

«В качестве дополнительных услуг договором транспортной экспедиции может быть предусмотрено ... получение требующихся для экспорта или импорта документов, выполнение таможенных и иных формальностей, проверка количества и состояния груза, его погрузка и выгрузка, уплата пошлин и других расходов, возлагаемых на клиента, хранение груза, его получение в пункте назначения, а также выполнение иных операций и услуг, предусмотренных договором» (ст. 801 ПС) [3].

Перечень и коды транспортно-экспедиторских услуг (ТЭУ) установлены общероссийскими классификаторами, относящимися в соответствии с Федеральным законом «О стандартизации» к государственным стандартам. Например, для услуг населению – «Общероссийским классификатором услуг населению – ОКУН». Однако приведенные в классификаторах перечни услуг устарели и не соответствуют современному положению, характеризующемуся расширением номенклатуры услуг, усложнением их технического и технологического обеспечения.

Практически технология выполнения перевозок грузов требует оказания таких сопряженных с перевозкой услуг, как: упаковка и распаковка груза; погрузка и разгрузка груза; маркировка; взвешивание груза; оформление документации на груз (накладные, санитарные и карантинные паспорта, таможенные документы и проч.); временное хранение груза; охрана и сопровождение груза при перевозке и на складах; подбор груза в партии и разукрупнение партий груза на терминалах; информация грузоотправителей и грузополучателей о движении груза и оказание других услуг информационного характера; кормление в пути перевозчи-

мых животных и птиц; уборка и очистка подвижного состава и контейнеров после перевозки и проч. [2].

Иногда в технической и экономической литературе под транспортной экспедицией понимается не только комплекс услуг, сопутствующих перевозкам груза, но также аналогичные операции при перевозках пассажиров и багажа. Однако современное гражданское право рассматривает транспортную экспедицию исключительно как деятельность, связанную с грузовыми перевозками.

Осуществление операций, относящихся к транспортно-экспедиторской деятельности, возлагается договором транспортной экспедиции на специализированную организацию либо соответствующие операции осуществляются грузоотправителями и грузополучателями самостоятельно. Зачастую грузоотправители и грузополучатели не имеют у себя соответствующих производственных возможностей, обученного персонала либо им экономически невыгодно самостоятельно выполнять транспортно-экспедиторские операции. Поэтому для выполнения соответствующей деятельности и привлекаются специализированные организации – транспортные экспедиторы [2].

На практике, особенно при перевозках грузов автомобильным транспортом, часто договором перевозки предусмотрено оказание грузоотправителю и грузополучателю некоторых услуг транспортной экспедиции. В таком случае функции транспортного экспедитора выполняет перевозчик, заключая с грузовладельцем единый договор, в котором услуги транспортной экспедиции отражаются как дополнительные по отношению к услугам перевозки груза.

В случае совмещения одним лицом функций перевозчика и экспедитора в рамках одного договора и при нарушении обязательств по такому договору следует внимательно рассматривать вопрос о том, какие конкретно обязательства нарушены, поскольку ответственность сторон и сроки исковой давности по договору перевозки составляют один год, а транспортной экспедиции – три года [3].

Оказание ТЭУ регулируется правовыми нормами гл. 41 ГК «Транспортная экспедиция» лишь в общих чертах [1]. В этой гла-

ве установлены: правила заключения, оформления, исполнения и одностороннего отказа от исполнения договора транспортной экспедиции; ответственность экспедитора; правила документирования и предоставления информации, представляемой экспедитору исполнению обязанностей экспедитора третьим лицом.

Экспедитор, согласно договору, должен организовать перевозку груза видом транспорта и по маршруту, избранными экспедитором или его клиентом, заключать от имени клиента или от своего имени договоры перевозки груза, обеспечивать отправку и получение груза, исполнять иные обязанности, связанные с перевозкой. Конкретные условия выполнения договора транспортной экспедиции определяются сторонами, если иное не установлено законом о транспортно-экспедиционной деятельности, другими законами или иными правовыми актами (ст. 801 ГК) [1].

Здесь мы встречаемся с ситуацией правового вакуума – закон о транспортно-экспедиционной деятельности упомянут, к нему сделана отсылка в тексте ГК, однако такой закон еще не принят. Вследствие этого взаимные обязанности сторон договора транспортной экспедиции устанавливаются в соответствии с общими положениями об обязательствах разд. 3 ГК «Общая часть обязательного права», а также гл. 49 ГК «Поручение», гл. 51 ГК «Комиссия» и гл. 52 ГК «Агентирование» [1].

Экспедитор, если иное не установлено договором транспортной экспедиции, вправе привлечь к исполнению своих обязанностей других лиц. Такое возложение обязанностей не освобождает экспедитора от ответственности перед клиентом за исполнение договора (ст. 805 ГК) [1].

Любая из сторон вправе отказаться от исполнения договора транспортной экспедиции, предупредив в разумный срок другую сторону. При этом сторона, заявившая в одностороннем порядке об отказе от исполнения договора транспортной экспедиции, должна возместить другой стороне убытки, связанные с расторжением договора (ст. 806 ГК) [1].

Договор транспортной экспедиции должен быть заключен в письменной форме, а заказчик (клиент) должен выдать экспедитору доверенность, если она необходима для выполнения его обя-

занностей (ст. 82 ГК) [1].

Экспедитор несет перед своим клиентом ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора транспортной экспедиции. Нормы такой ответственности установлены в гл. 25 ГК «Ответственность за нарушение обязательств» [1]. Если экспедитор докажет, что нарушение его обязательства вызвано ненадлежащим исполнением перевозчиком договора перевозки, то ответственность экспедитора перед клиентом определяется по правилам, которые устанавливают ответственность перевозчика перед экспедитором (ст. 803 ГК) [1].

На клиента возлагается обязанность предоставления экспедитору достоверной и своевременной информации и документов о свойствах груза, условиях его перевозки и иной необходимой информации. Клиент несет ответственность за убытки, причиненные экспедитору, вследствие нарушения обязанности по предоставлению необходимой информации. Экспедитор должен сообщить клиенту об обнаруженных недостатках такой информации и при ее неполноте получить у клиента недостающие сведения. При не предоставлении клиентом необходимой информации экспедитор вправе не приступать к исполнению соответствующих обязанностей по договору транспортной экспедиции (ст. 804 ГК) [1].

В разделе 8 УАТ «Транспортно-экспедиционные операции и услуги, оказываемые предприятиями и организациями автомобильного транспорта общего пользования» определяет, что организации автомобильного транспорта общего пользования выполняют для других организаций, учреждений и населения связанные с перевозками операции и услуги (транспортно-экспедиционные операции и услуги) при доставке грузов как в прямом автомобильном сообщении, так и в смешанном сообщении. Перечень транспортно-экспедиционных услуг, осуществляемых организациями автомобильного транспорта общего пользования, а также порядок осуществления этих операций и услуг устанавливается правилами перевозки грузов и правилами транспортно-экспедиционного обслуживания граждан [2].

Комплексное транспортно-экспедиционное обслуживание гру-

зоотправителей, грузополучателей и перевозчиков осуществляют транспортные терминалы. Терминалы возводят при крупных объектах магистрального транспорта (порты и аэропорты) и в транспортных узлах для обеспечения взаимодействия различных видов транспорта при осуществлении смешанных перевозок. Развитию терминальных технологий и осуществлению взаимодействия различных терминалов способствует ассоциация «Российские терминалы». Федеральным законом «О естественных монополиях» услуги терминалов отнесены к естественным монополиям на транспорте [3].

Актуальным вопросом является унификация и стандартизация содержания отдельных услуг транспортной экспедиции, что может быть осуществлено разработкой и введением в действие государственных стандартов на услуги, оказываемые терминалами. Правовая основа терминальной деятельности должна быть установлена законом о транспортно-экспедиционной деятельности.

Одним из видов услуг, осуществляемых транспортным экспедитором, транспортными терминалами и перевозчиками является хранение груза. Общий порядок хранения объектов перевозки (груза, багажа, грузобагажа) регламентирован гл. 47 ГК «Хранение» [1]. Договор хранения заключается в письменной форме и предусматривает обязанность хранителя хранить переданную ему поклажедателем вещь и вернуть эту вещь в сохранности. Применительно к транспортной деятельности ст. 923 ГК установлены правила хранения в камерах хранения транспортных организаций [1]. Транспортные уставы и кодексы предусматривают обязанность перевозчиков обеспечивать сохранность вверенных им грузов, нести ответственность перед грузовладельцами за несохранность грузов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский Кодекс РФ. Доступ из справ.-правовой системе «КонсультантПлюс».
2. Спецификация и сущность транспортно-экспедиторского сервиса 2009 // Efi-trans.com: [сайт]. URL: <http://www.efi-trans.com.ua> (дата обращения: 08.09.2016).
3. Управление транспортно-экспедиторской компанией 2009 // Склад

законов по логистике: [сайт]. URL: [http:// www. sklad-zakonov.narod.ru](http://www.sklad-zakonov.narod.ru) (дата обращения: 08.09.2016).

Д.В. Жиденко

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ СОВЕРШЕНИЯ СУДЕБНЫХ ОШИБОК В РАМКАХ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Дарья Валерьевна Жиденко – секретарь судебного заседания Санкт-Петербургского городского суда; магистрант Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», г. Санкт-Петербург; **e-mail: daria.jidenco@yandex.ru**.

В статье анализируются понятие, причины и условия совершения судебных ошибок в рамках гражданского процесса в Российской Федерации.

***Ключевые слова:** гражданское судопроизводство; судебные ошибки; причины и условия совершения судебных ошибок.*

Ни один вид деятельности человека не застрахован от совершения ошибок. К сожалению, судебная система, деятельность судов и судей в данном вопросе не является исключением. На сайте судебного департамента постоянно обновляется статистическая информация о количестве рассмотренных дел, а также о количестве отмененных решений. Исходя из основных статистических показателей на первое полугодие 2016 года, в указанный период было рассмотрено и вынесено решений почти по 7 млн гражданских дел в судах общей юрисдикции, в то же время в апелляционном порядке было рассмотрено почти 380000 гражданских дел и по 36 392 делам решение суда первой инстанции было отменено и еще по 8 243 делам решение было изменено. Кроме того, в порядке кассационного производства еще 1122 решений судов первой инстанции были отменены или изменены, также кассационной инстанцией было отменено или изменено 668 апелляционных определений по гражданским делам [5]. Таким образом, исходя из представленных данных статистики, можно сделать вывод, что в настоящее время судебные ошибки являются насущной проблемой судебной системы России; также если обратить внимание на

те дела, которые не были пересмотрены ввиду, например, пропуска стороной срока на подачу жалобы апелляционной или кассационной, без наличия на то уважительной причины, то указанные объемы допущенных судами ошибок могут быть гораздо больше. Кроме того, необходимо помнить, что за каждым делом скрывается отдельная судьба человека, и осознание этого факта заставляет присматриваться к вопросу судебной ошибки более внимательно.

Такое огромное количество допущенных судебных ошибок понижает авторитет судебной власти в глазах общества, что приводит к неуважению граждан к судебной системе и выражению недоверия к ней.

Для начала необходимо в первую очередь определить, что же такое «судебная ошибка»? Следует отметить, что этим понятием оперируют также Верховный суд и Конституционный суд Российской Федерации, при этом вопрос о них до сих пор является дискуссионным, в результате чего складывается ситуация, в которой нет единого и четкого легального или хотя бы доктринального определения категории «судебная ошибка».

Так, И.М. Зайцев в понятие судебной ошибки включал любые нарушения, которые допускают судьи на различных стадиях производства по делу [4. С. 93–94]. Г.А. Жилин, в свою очередь, понимает под ней несовпадение результата процессуальной деятельности суда с целевыми установками судопроизводства, закрепленными в нормах процессуального права [3. С. 353]. Федеральный судья в отставке, заслуженный юрист России С.А. Пашин полагает, что судебная ошибка – это то, что признает таковой вышестоящая судебная инстанция [6].

К признакам судебных ошибок можно отнести:

- 1) появление при вынесении итогового судебного акта;
- 2) предполагаемый характер;
- 3) констатация и устранение специальным уполномоченным субъектом в специальном порядке;
- 4) специфический характер доказывания;
- 5) независимость от вины судьи, принявшего итоговый акт [8. С. 556–558].

Думается, что необходимо определить судебную ошибку как

деятельность суда, выразившуюся в недостижении судом целей правосудия, нарушающую права и законные интересы участников судопроизводства.

Для того, чтобы иметь возможность полно и всесторонне разобраться в проблеме судебных ошибок, необходимо, в первую очередь, выявить истоки их возникновения, ведь только после проведения подобного исследования возможно найти рычаги для искоренения имеющейся проблемы, пусть не в полном объёме, но хотя бы в существенном. Соответственно, исходя из указанного, важно выявить причины возникновения судебных ошибок, а также условия их совершения.

В юридической литературе вопрос причины судебных ошибок анализируется достаточно длительное время, но единой точки зрения до настоящего времени в науке не существует. Отдельные авторы подчеркивают объективный характер причин судебных ошибок; другие считают, что причины судебных ошибок находятся за пределами судопроизводства, имеют непроцессуальный характер и кроются всегда в субъективном – в личности; третьи, не оспаривая субъективности судебных ошибок, считают, что судебные ошибки могут быть допущены и по объективным причинам [2. С. 118].

Например, А.С. Грицанов полагает, что судебные ошибки имеют объективный характер, и правоприменители не виновны в их совершении. Причину возникновения судебной ошибки указанный автор видит в несовершенстве отдельных процессуальных институтов, в сложности и объеме законодательства, подлежащего применению при рассмотрении гражданских дел, в пробелах в материальном праве, а также в условиях работы судей и других должностных лиц суда [1. С. 123].

Думается, что представленная точка зрения может быть подвергнута критике, поскольку в деятельности судей все-таки велико влияние субъективных факторов и личности конкретного судьи. То есть, зачастую случается так, что суд не применяет закон, подлежащий применению, кроме того, в аналогичных условиях показатели работы судей могут коренным образом различаться.

В свою очередь Л.Н. Терехова предлагает отказаться от терми-

нов «причина судебной ошибки» и «условия совершения судебных ошибок», настаивая на том, что их изучение создаёт иллюзию возможности избавиться от рассматриваемой проблемы в полном объеме и предлагает использовать такую категорию, как «факторы, порождающие судебные ошибки», предлагая понимать под ними неправильное понимание механизма действия норм материального и процессуального права в их совокупности при рассмотрении дел, ... в каждом деле совокупность факторов, повлекших судебную ошибку, будет индивидуальной». При этом Л.А. Терехова считает, что «если есть смысл выделять причины и условия, классифицировать их, то это необходимо осуществлять применительно к конкретному делу» [7. С. 89]. Представляется, что указанная позиция лишь подменяет понятия, а смысл остается тот же самый.

Более верной представляется позиция И.М. Зайцева, который считает, что механизм зарождения судебных ошибок лежит за пределами судебного процесса и причины данного социально-правового явления кроются в субъективном. Иными словами, всегда в совершении судебной ошибки виноват человек.

Кроме того, И.М. Зайцев предлагает выделить три основные группы причин судебных ошибок: недостаточная юридическая квалификация должностных лиц суда, осуществляющих процессуальную деятельность в судебном процессе; недобросовестное отношение к выполнению служебных обязанностей при разбирательстве конкретного дела, упущения в работе; совершение при рассмотрении дела преступных действий [4. С. 53].

Соглашаясь с мнением И.М. Зайцева, необходимо отметить, что все причины судебных ошибок субъективны. Кроме того, допуская ошибку, судья тем самым не выполняет возложенные на него обязанности отправления правосудия.

Ни для кого не секрет, что профессия судьи является, пожалуй, одной из самых сложных юридических профессий, поскольку он должен обладать критическим мышлением, иметь глубокие теоретические знания в праве и уметь применять их на практике, кроме того, суд должен понимать имеющиеся правовые тенденции и постоянно следить за модернизацией законодательства.

В этой связи чрезвычайно важным представляется вопрос профессиональной подготовки судей и поддержание их профессионального уровня и квалификации.

Кроме того, имеют значение личностные качества судьи, поскольку эта работа требует к себе должного уровня внимательности и усидчивости, отсутствие же профессиональной заинтересованности в работе может пагубно сказаться на её конечном результате.

Нельзя не отметить, что существуют также и объективные причины возникновения судебных ошибок, когда судья не может не допустить ее, например, если ошибка была уже совершена другим органом правоприменения.

Таким образом, не смотря на разрозненность взглядов на причины возникновения судебных ошибок, можно с точностью сказать, что выделяются две основные группы причин: объективные и субъективные, то есть не зависящие и зависящие от самого правоприменителя.

Думается, что в этой связи невозможно перечислить все условия совершения судебных ошибок, поскольку они в каждом конкретном деле являются индивидуальными, но при этом одним из наиболее распространенных условий является большая загруженность суда, имеющиеся правовые коллизии, низкий уровень нормативно-правовой базы и т.д., но при этом в любом случае зачастую в одном суде с одинаковой нагрузкой на судей по аналогичным делам возможны различные показатели между двумя судьями, что, безусловно, обращает на себя внимание и еще раз подчеркивает важность и необходимость устранения субъективных причин возникновения судебных ошибок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грицанов А.С. Кассационное производство в советском гражданском процессе. Томск, 1980. 234 с.
2. Еремина С.Г. Причины и условия совершения судебных ошибок (теоретический аспект) // Современная научная мысль. 2013. № 3. С. 115–123.
3. Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. М.: Проспект, 2010. 353 с.
4. Зайцев И.М. Теоретические вопросы устранения судебных ошибок в

гражданском процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1986. 456 с.

5. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3541> (дата обращения: 10.11.2016).

6. Пашин С.А. Проблема судебной ошибки // Юридическая психология. 2007. № 2.

7. Терехова Л.А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. М.: ВолтерсКлувер, 2007. 198 с.

8. Устюгов А.А. Судебные ошибки: проблемы, интерпретации, понятия // Молодой ученый. 2013. № 5. С. 556–558.

М.Ю. Козлова

ЗАПРЕТ НА НЕДОБРОСОВЕСТНУЮ КОНКУРЕНЦИЮ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК

Марина Юрьевна Козлова – ведущий научный сотрудник, Институт права Волгоградского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Волгоград; **e-mail: kozlova@volsu.ru**.

Статья посвящена изучению одного из пределов осуществления исключительного права на товарный знак – запрету на недобросовестную конкуренцию. Выявляются критерии отнесения действий хозяйствующих субъектов в процессе осуществления исключительного права на товарный знак к недобросовестной конкуренции.

Ключевые слова: недобросовестная конкуренция; злоупотребление правом; товарный знак; исключительное право; государственная регистрация товарных знаков.

В настоящее время идет процесс совершенствования российского антимонопольного законодательства. Важной новеллой 2016 г. явилось принятие так называемого «четвертого антимонопольного пакета», который выделил нормы о недобросовестной конкуренции в отдельную главу Федерального закона от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» и расширил перечень форм недобросовестной конкуренции, в том числе связанных с использованием прав на объекты интеллектуальной собственности. Рассмотрим один из аспектов данной проблемы.

Исключительное право на результат интеллектуальной деятельности состоит, с одной стороны, в возможности для правооб-

ладателя использовать такой результат или такое средство по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом, а с другой – в запрете, по общему правилу, для всех третьих лиц использовать соответствующий результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации без согласия правообладателя.

Предоставленные законом возможности согласуются с принципом, в силу которого граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Это означает, что любые действия в отношении результата интеллектуальной деятельности могут быть осуществлены только по воле правообладателя.

На первый взгляд, такое положение свидетельствует о неограниченной власти правообладателя над результатом интеллектуальной деятельности и возможности полностью контролировать его введение в гражданский оборот и дальнейшее использование. Однако существуют пределы осуществления исключительного права, которые устанавливают границы «легальной монополии» правообладателя. Эти пределы могут быть естественными и законными [1. С. 2].

Так, запрет на недобросовестную конкуренцию служит примером законного предела. Казалось бы, существо исключительного права противоречит возможности использовать его во вред другим лицам. Однако законное право можно использовать таким образом, что пострадают не только интересы других лиц, но и публичные интересы. В некоторых случаях осуществление хозяйствующим субъектом исключительного права может быть оценено как злоупотребление правом и иметь признаки недобросовестной конкуренции.

Каждый хозяйствующий субъект имеет право заниматься предпринимательской деятельностью, осуществляя те возможности, которые предоставляет право и обычаи. Так, субъект предпринимательской деятельности имеет право самостоятельно определять собственную рыночную стратегию; иметь имущество на праве собственности; заключать любые сделки, не запрещенные законом, в собственном интересе. Хозяйствующий субъект дол-

жен учитывать запреты, установленные законодательством того государства, в котором он ведет деятельность. Кроме того, его поведение должно соответствовать принципу добросовестности. Последнее утверждение, впрочем, довольно спорно. Реализуя возможность действовать своей волей и в своем интересе, предприниматель, скорее всего, нарушит интересы других хозяйствующих субъектов, действующих на том же рынке.

Предпринимательская деятельность по своему существу сопряжена с вторжением в сферу интересов других хозяйствующих субъектов и особенно конкурентов. Право заниматься предпринимательской деятельностью одного субъекта может войти в противоречие с аналогичным правом другого субъекта: один из конкурентов в силу субъективных и объективных причин может оказаться успешнее и снизить эффективность деятельности другого или вовсе вынудить его уйти с рынка. Это вполне нормальная ситуация. В то же время этические правила могут действовать и в предпринимательской среде, ограничивая поведение каждого из участников. Нельзя допускать поведения, которое соответствует исключительно интересам одного хозяйствующего субъекта, и противоречит общественным интересам, интересам потребителей.

Рассмотрим возможности для совершения недобросовестной конкуренции с использованием исключительного права на товарный знак (учитывая, что в принципе концепция запрета недобросовестной конкуренции появилась в процессе судебной защиты прав на товарные знаки [4. С. 2]) и способы противодействия им.

Приобретение исключительного права на товарный знак может быть рассмотрено как недобросовестная конкуренция только в том случае, если на момент совершения таких действий у хозяйствующего субъекта были конкуренты. Также должно быть оценено дальнейшее поведение обладателя исключительного права на товарный знак. Если правообладатель препятствует использованию тождественного или сходного до степени смешения товарного знака, выясняется цель приобретения исключительного права. Цель приобретения выявляется на основе изучения действий на момент приобретения права и в процессе его использо-

вания. Если такая цель направлена на причинение вреда конкурентам, то действия хозяйствующего субъекта по приобретению и использованию права на товарный знак могут быть квалифицированы как недобросовестная конкуренция.

О добросовестности цели может свидетельствовать бездействие правообладателя в вопросах оспаривания государственной регистрации товарных знаков хозяйствующих субъектов – конкурентов, включающих сходные до степени смешения обозначения или тождественные элементы в качестве неохраняемых. О недобросовестности может свидетельствовать введение потребителей в заблуждение с помощью товарного знака.

Необходимо отметить, что товарный знак является обозначением, служащим для индивидуализации товаров, и потребители выделяют товары с нанесенными на них определенными товарными знаками из числа всех прочих товаров с учетом имеющейся у потребителей информации об определенных свойствах группы товаров, обозначенных товарным знаком. В числе таких свойств – качество, соответствие моде, престижность, долговечность, экологичность и т.д. Неправомерное нанесение товарного знака на контрафактный товар вводит потребителей в заблуждение относительно качеств товара.

Гражданское законодательство исходит из того, что средство индивидуализации после регистрации должно использоваться и служить средством идентификации, например, товаров или услуг. И это обусловлено не только предназначением средств индивидуализации. Исключение какого-либо средства индивидуализации из оборота может затруднить введение новых товаров, заключение сделок, противоречит динамичности гражданского оборота и не соответствует, в конечном итоге, общественным интересам. Кроме того, следует учитывать, что ценность средства индивидуализации зависит в первую очередь от того, используется оно или нет, поскольку ценность напрямую связана с формированием хорошей репутации в процессе применения. Если практически любое субъективное гражданское право осуществляется по усмотрению управомоченного лица и подлежит защите независимо от того, реализуется ли оно, то исключительное право на

средства индивидуализации должно осуществляться, чтобы получить защиту.

Так, в одном из дел суд отметил, что «поведение правообладателя после регистрации спорного товарного знака, а именно: невведение товарного знака в оборот, аккумулялирование товарных знаков, представляющих собой распространенные, широко употребляемые слова и выражения, при их неиспользовании в совокупности дают основания считать, что цель регистрации и использования товарных знаков противоречит основной функции товарного знака, состоящей в индивидуализации производимых и реализуемых товаров, и свидетельствует о недобросовестном поведении правообладателя, а также о злоупотреблении своим правом» [3].

Таким образом, если лицо, зарегистрировавшее товарный знак, не приложило в установленный законом период времени усилия для его использования, то право на товарный знак у него отсутствует и поэтому не может быть защищено. Попытка получить такую защиту при отсутствии достойного защиты интереса (например, при имитации нарушения права) является злоупотреблением правом со стороны истца.

Государство фактически вмешивается в деятельность хозяйствующего субъекта, стимулируя его не только к активным действиям, но и к добросовестному поведению. В этом случае защите подлежат интересы других хозяйствующих субъектов, а также потребителей.

При оценке действий правообладателей как добросовестных или недобросовестных может использоваться и иной подход, который связан с защитой потребителей. Так, Конституционный Суд РФ при рассмотрении вопроса о вероятной неконституционности положений закона, позволяющих регистрировать обозначение, длительный период времени использовавшееся многими субъектами в иных экономических реалиях (в советский период), в качестве товарного знака в отношении единственного субъекта, отметил, что сама по себе регистрация в данном случае не означает, что лицо совершило акт недобросовестной конкуренции. Такая возможность в конечном итоге гарантирует качество про-

дукции, маркированной товарным знаком, и, таким образом, обеспечивает интересы потребителей. Интересы иных хозяйствующих субъектов-конкурентов ограничиваются в целях защиты здоровья, прав и законных интересов других лиц [2].

Необходимо заметить, что данная позиция представляется спорной, поскольку выделяет из всей совокупности функций товарного знака только одну – защиту интересов потребителей. Под этим предлогом преимущества предоставляются единственному субъекту, который, как правило, наряду со многими другими использовал это обозначение и не вкладывал ресурсы в его разработку. Однако данная позиция дает гражданскому обороту так необходимую ему определенность.

Итак, хозяйствующие субъекты могут допустить злоупотребление исключительным правом на товарный знак, что в ряде случаев квалифицируется как недобросовестная конкуренция. Современное законодательство предусматривает пределы осуществления права, которые призваны исключить недобросовестное поведение из практики хозяйствующих субъектов. Среди указанных пределов важную роль играет запрет на недобросовестную конкуренцию. Также действует механизм, фактически обязывающий правообладателя использовать товарный знак в гражданском обороте. Все обстоятельства в совокупности позволяют сделать вывод о том, что гражданское законодательство РФ имеет достаточно средств для противодействия недобросовестной конкуренции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилов Э.П. Ограничения исключительного авторского права // Патенты и лицензии. 2015. № 5. С. 2–13.

2. Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2001 г. № 287-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бекижевой Ольги Николаевны и Федорюка Сергея Юрьевича на нарушение их конституционных прав статьями 2, 4, 6 и 7 Закона Российской Федерации "О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров"». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 25.06.2015 г. № С01-460/2015 по делу № А60-24056/2014 // Картоотека арбитражных дел: [сайт]. URL: <http://www.kad.arbitr.ru/Card/d3c7d9ef-fae8-45f5-8079-a4b599093144> (дата обращения: 11.10.2016).

4. Haines C.G. Efforts to define unfair competition // The Yale Law Journal. 1919. Vol. 29. Issue 1. P. 1–28.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СВЕТЕ РАЗЪЯСНЕНИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ 2016 ГОДА

Людмила Александровна Красикова – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, г. Гатчина; **e-mail:** mila.krasikowa@yandex.ru.

В статье рассмотрены вопросы, связанные с ошибочным применением трудового законодательства в практике судов общей юрисдикции в текущем году.

***Ключевые слова:** трудовое законодательство; обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации; разрешение споров, связанных с трудовыми и социальными отношениями.*

Закрепление прав и свобод человека в Конституции РФ гласит: «Человек его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства».

Вопросы судебной защиты трудовых прав граждан представляют большой интерес для юристов, специализирующихся в данной области. Однако, несмотря на то, что у нас в стране имеется обширная законодательная база для ведения соответствующих гражданских дел, а также накоплен значительный опыт ее применения в судебной практике, проблема судебных ошибок при рассмотрении трудовых споров судами общей юрисдикции остается актуальной.

В наше время реальность защиты трудовых прав в России должна рассматриваться как своего рода показатель гуманизма общества, социального строя и как критерий оценки действий законодательной и исполнительной власти.

Важнейшим международно-правовым документом, определяющим неотъемлемость и защиту прав и свобод человека, выступает Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г., в ст. 7 декларации говорится:

«все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона». Особую актуальность данное положение приобретает по тем основаниям, что Конституция РФ в ч. 4 ст. 15 провозглашает, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры являются составной частью ее правовой системы» [1].

В последние годы наступает этап глубокого осмысления гарантий прав и свобод человека и гражданина, и защиты его трудовых прав и деловой репутации. Правоприменительная практика часто сталкивается с проблемами, которые трудно разрешимы из-за некоторых пробелов в законодательстве, либо из-за его слабой разработанности.

Следует отметить, что согласно данным судебной статистики, последнее время существенно увеличилось количество гражданских дел различных категорий, поступающих в районные суды и к мировым судьям, в том числе и трудовых споров.

При этом, как и прежде, перед судьями стоят задачи повышения качества осуществления правосудия, реализация принципов независимости и объективности при вынесении судебных решений, обеспечения открытости и гласности судопроизводства, соблюдения процессуальных сроков.

В связи с этим небезынтересны вопросы, связанные с ошибочным применением трудового законодательства в практике судов общей юрисдикции в текущем году.

Если заглянем в «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016 г.), в разделе «Разрешение споров, связанных с трудовыми и социальными отношениями», мы найдем определение № 8-КГ15-6, в котором указано, что С. обратилась в суд с иском к открытому акционерному обществу «Федеральная пассажирская компания» (далее – ОАО «ФПК») об обязанности возратить сумму подоходного налога, удержанную из ее заработной платы, и о компенсации морального вреда.

Судом установлено, что С. работает в филиале ОАО «ФПК» в должности начальника пассажирского поезда. Судом также установлено, что С. как работник ОАО «ФПК» неоднократно пользо-

ввалась правом бесплатного проезда и из заработной платы С. были произведены удержания подоходного налога со стоимости проезда по бесплатным транспортным требованиям в поездах дальнего следования по личным надобностям.

В соответствии с п.5 ст.25 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» работники железнодорожного транспорта общего пользования пользуются правом бесплатного проезда на железнодорожном транспорте за счет средств соответствующих организаций в порядке и на условиях, которые предусмотрены отраслевым тарифным соглашением и коллективными договорами.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования С. о взыскании с ОАО «ФПК» суммы удержанного подоходного налога, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что безвозмездное оказание работодателем услуг работнику по его проезду, а также оплата проезда по транспортным требованиям за счет средств работодателя не является доходом работника в натуральной форме, а относится к категории компенсационных выплат, связанных с исполнением налогоплательщиком трудовых обязанностей, которые в силу п. 3 ст. 217 Налогового Кодекса РФ не подлежат налогообложению. С данным выводом суда первой инстанции согласился суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в кассационном порядке признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального права и отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и, не передавая дело на новое рассмотрение, приняла новое решение об отказе в удовлетворении иска, в частности указав, что «стоимость проезда работника на железнодорожном транспорте в личных целях, оплаченная работодателем, является доходом, полученным работником в натуральной форме, который подлежит налогообложению» [1].

Также Определением Верховного Суда РФ от 23.05.2016 г. № 18-КГ16-21 принято новое решение, которым отказано в удовлетворении исковых требований С. к ООО «МТС» о взыскании де-

нежной компенсации за задержку выдачи трудовой книжки, компенсации морального вреда. Было указано, что работником пропущен трехмесячный срок для обращения в суд с требованием о взыскании денежной компенсации за задержку выдачи трудовой книжки, поскольку исчисление этого срока начиналось с момента ознакомления с приказом об увольнении, а в суд работник обратился по истечении этого срока.

Необходимо отметить, что в пункте 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 года № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» разъяснено, что в качестве уважительных причин пропуска срока обращения в суд могут расцениваться обстоятельства, препятствовавшие данному работнику своевременно обратиться с иском в суд за разрешением индивидуального трудового спора (например, болезнь истца, нахождение его в командировке, невозможность обращения в суд вследствие непреодолимой силы, необходимость осуществления ухода за тяжелобольными членами семьи).

Приведенный в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации перечень уважительных причин пропуска срока для обращения в суд с иском о разрешении индивидуального трудового спора, будучи примерным, ориентирует суды на тщательное исследование всех обстоятельств, послуживших причиной пропуска работником установленного срока обращения в суд для разрешения спора. Между тем судебными инстанциями положения статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации во внимание приняты не были.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

М.Н. Кузбагаров, Е.В. Кузбагарова

АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ, КАК ФОРМА ВЫЯВЛЕНИЯ НОВЫХ ВИДОВ НАРУШЕНИЙ ПРАВ ГРАЖДАН (НА ПРИМЕРЕ СФЕРЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ)

Муслим Назаргалиевич Кузбагаров – заместитель начальника кафедры гражданского права и гражданского процесса, Санкт-Петербургский университет МВД России, кандидат юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург; **e-mail: muslim_72@mail.ru.**

Елена Викторовна Кузбагарова – доцент кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, кандидат юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург; **e-mail: elenakuzbagarova@mail.ru.**

В статье рассмотрены вопросы анализа судебной практики как формы выявления новых видов нарушений прав граждан на примере сферы защиты прав потребителей. Также говорят о важности анализа, позволяющего выявлять возникающие виды нарушений прав граждан (потребителей), вызванных многогранностью, динамичностью общественных отношений, складывающихся вследствие экономических и социальных преобразований, происходящих в России.

***Ключевые слова:** судебная практика; нарушения прав граждан; новые виды нарушений; защита прав потребителей.*

Впервые о защите прав потребителей как об одном из направлений государственной политики в области защиты прав человека было сказано 15 марта 1962 года Президентом Соединенных Штатов Америки Д.Ф. Кеннеди, который, выступая в Конгрессе США, сформулировал шесть основных прав потребителей: право на информацию, на безопасность, на выбор, на возмещение ущерба, на потребительское образование и право быть услышанным. Кеннеди сформулировал понятие «потребитель», а также ввел в действие «Билль о правах потребителя» [20], который и закрепил эти основные права (право на безопасность товаров и услуг, право на информацию, право на выбор товаров и услуг на конкурентной основе, право быть выслушанным).

Потребитель практически не может повлиять на условия договора, предлагаемого к заключению продавцами (исполнителями),

а поэтому считается наименее защищенной стороной договора [9]. Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 г. № 2300-1 (в ред. от 03.07.2016 г. № 265-ФЗ), направленный на установление разумного баланса прав и обязанностей продавцов и исполнителей с одной стороны и потребителей – с другой, был принят 7 февраля 1992 года и с тех пор претерпевал некоторые изменения практически каждый год.

28 июня 2012 года принято постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» [3], в котором рассмотрены многие современные вопросы, возникающие в правоприменительной практике.

Реализация Закона РФ «О защите прав потребителей» находит свое применение не только в сфере розничной купли-продажи, но также в сфере оказания услуг и выполнения работ. Анализ судебной практики (за период с 2013 по 2016 год) позволит нам подтвердить указанный вывод и определить новые виды нарушений прав граждан в сфере защиты прав потребителей.

В качестве нового вида нарушения в сфере защиты прав потребителей, связанного с рассмотрением исков в судах, можно выделить определение лица в качестве «потребителя» и, соответственно, в качестве истца по защите его нарушенных прав.

Закон РФ «О защите прав потребителей» регулирует отношения между потребителем – гражданином, имеющим намерение заказать или приобрести либо заказывающим, приобретающим или использующим товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, с одной стороны, и организацией (индивидуальным предпринимателем), производящей товары для реализации потребителям (изготовителем), реализующей товары потребителям по договору купли-продажи (продавцом), осуществляющей импорт товара для его последующей реализации на территории России (импортером), выполняющей работы и оказывающей услуги потребителям по возмездному договору (исполнителем), с другой стороны [19. С. 34].

Наличие статуса индивидуального предпринимателя и приоб-

ретение товаров (работ, услуг), используемых как для предпринимательской или иной профессиональной деятельности, так и для удовлетворения личных (бытовых) нужд гражданина (например, автомобиль, оргтехника, солярий, кредитные услуги), обязывает суды принимать во внимание то обстоятельство, какова преимущественная цель использования указанных товаров (услуг) [9].

В соответствии с разъяснением Верховного Суда РФ суды не вправе руководствоваться законодательством о защите прав потребителей в тех случаях, когда гражданин приобрел товары для удовлетворения нужд организаций [3].

Анализ судебной практики в сфере защиты прав потребителей позволил определить, что наиболее часто наблюдаются факты нарушения прав граждан при заключении договоров в сфере кредитования. В качестве новых оснований ущемления (нарушения) прав потребителей в соответствии с анализом судебной практики можно назвать:

- взыскание комиссии за снятие и внесение наличных денежных средств в банкоматах и кассах банка и за безналичное перечисление денежных средств при получении и возврате кредита [13];

- ограничение права заемщика на совершение сделок по получению кредитов, предоставлению залога и поручительства без уведомления (согласия) банка [12];

- условие договора о праве банка на одностороннее изменение процентной ставки [10];

- взимание штрафа за нарушение срока возврата очередной части кредита [16];

- условие кредитного договора с физическими лицами о праве банка на беспорочное распоряжение денежными средствами клиента на любых его счетах в банке при досрочном истребовании возврата кредита и уплаты процентов по нему [15];

- условие кредитного договора с физическими лицами об установлении срока рассмотрения претензий заемщика в 60 дней [11];

- условие кредитного договора, которое сокращает срок

предъявления требований, связанных с выявлением фактов ненадлежащего исполнения банком условий договора (п. 3 ст. 29 Закона РФ «О защите прав потребителей») [18] и др.

В судах общей юрисдикции наблюдается применение Закона «О защите прав потребителей» к правоотношениям, вытекающим из договора банковского вклада (депозита).

Правоотношения из договора банковского вклада регулируются положениями гл. 44, 45 ГК РФ. Однако необходимо учитывать, что в тех случаях, когда вкладчиком является физическое лицо, к упомянутому договору подлежат применению нормы Закона РФ «О защите прав потребителей».

В п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» сказано, что при отнесении споров к сфере регулирования Закона о защите прав потребителей следует учитывать, что под финансовой услугой следует понимать услугу, оказываемую физическому лицу в связи с предоставлением, привлечением и (или) размещением денежных средств и их эквивалентов, которые выступают в качестве самостоятельных объектов гражданских прав. К числу таких услуг относятся предоставление кредитов (займов), открытие и ведение текущих и иных банковских счетов, привлечение банковских вкладов (депозитов), обслуживание банковских карт, ломбардные операции и т.п.

Анализ судебной практики показывает, что к нарушениям договора банковского вклада не подлежат применению правовые последствия, предусмотренные гл. III Закона РФ «О защите прав потребителей», в виду того, что в указанной главе Закона РФ «О защите прав потребителей» содержатся правовые нормы, регулирующие права потребителей при выполнении работ (оказании услуг) по договорам, сходным с договором подряда [17]. Договор банковского вклада обладает спецификой, не позволяющей применить правовые последствия, предусмотренные главой III Закона РФ «О защите прав потребителей», а потому по своему характеру не подпадает под действие этой главы...».

Условие договора банковского вклада о взимании с вкладчика

за досрочное расторжение названного договора штрафа в размере полной суммы ранее выплаченных ему процентов по вкладу противоречит законодательству о защите прав потребителей и, соответственно, является нарушением прав потребителей [6].

Применение норм Закона РФ «О защите прав потребителей» допустимо к отношениям, связанным с договором займа, в частности, стороны договора займа, где заемщиком выступает физическое лицо, не вправе указывать в нем иные нарушения, не предусмотренные нормами ГК РФ, влекущие возникновение права заимодавца требовать досрочного исполнения обязательств заемщиком, поскольку такое условие нарушает Закон РФ «О защите прав потребителей» [14].

При этом независимо от причиненного имущественного вреда потребитель в соответствии со ст. 15 Закона РФ «О защите прав потребителей» имеет право требовать возмещения морального вреда. В подтверждение применения положений данной статьи закона указывает наличие судебной практики [1; 2; 5; 7; 8].

Проведенный анализ судебной практики в сфере защиты прав потребителей позволяет сделать вывод, что защита прав потребителей в соответствии с действующим национальным законодательством позволяет однозначно сказать о важности анализа, позволяющего выявлять новые виды нарушений прав граждан (потребителей), вызванных многогранностью, динамичностью общественных отношений, predetermined экономических и социальными преобразованиями, происходящими в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 30.04.2013 г. по делу № 11-17495. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Апелляционное определение Московского областного суда от 21.10.2013 г. по делу № 33-20476/13. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Обзор Красноярского краевого суда от 01.05.2013 г. «Обзор судебной практики рассмотрения судами дел о защите прав потребителей». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Определение Конституционного Суда РФ от 16.12.2010 г. № 1636-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Глумова

Федора Камилевича на нарушение его конституционных прав абзацем первым пункта 1 статьи 23 Закона Российской Федерации "О защите прав потребителей" и частью первой статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Определение Ленинградского областного суда от 23.05.2013 г. № 33-2145/2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Определение Московского городского суда от 22.10.2014 г. по делу № 33-33232. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 07.10.2013 г. № 33-15060. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Определение Свердловского областного суда от 09.04.2013 г. по делу № 33-4295/2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9. Сентябрь.

10. Постановление Президиума ВАС РФ от 02.03.2010 г. № 7171/09 по делу № А40-10023/08-146-139. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 11.03.2013 г. по делу № А78-6805/2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 14.05.2014 г. № А33-12575/14-Ф02-1933/14 по делу № А33-12575/14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 19.02.2015 г. № А78-4803/15-Ф02-264/15 по делу № А78-4803/15. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 31.03.2015 г. по делу № А78-5948/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 16.07.2009 г. № Ф04-4122/2014(10389-А75-46) по делу № А75-1367/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 10.03.2014 г. по делу № А66-9099/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 27.10.2014 г. по делу № А53-12632/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Постановление ФАС Центрального округа от 13.03.2013 г. по делу № А68-6680/2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. Бугаенко Н.В., Кратенко М.В. Судебная практика по гражданским делам. Споры о защите прав потребителей: научно-практич. пособие. М.:

Юстицинформ, 2013.

20. Aldridge A. Consumption. Cambridge, 2003. P. 132–133

Е.А. Кузнецова

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПО УПЛАТЕ СТРАХОВЫХ ВЗНОСОВ В ПЕНСИОННЫЙ ФОНД РФ

Елена Александровна Кузнецова – руководитель юридической группы управления Пенсионного фонда Российской Федерации в Гатчинском районе Ленинградской области, г. Гатчина; **e-mail: esuslova@mail.ru.**

В статье рассмотрены актуальные вопросы исчисления страховых взносов индивидуальными предпринимателями; вопросы уплаты страховых взносов в Пенсионный фонд РФ и Федеральный фонд обязательного медицинского страхования.

Ключевые слова: *страховые взносы; доход; налоговые вычеты; налоговая база; Пенсионный фонд; индивидуальный предприниматель; самозанятый плательщик.*

В современном российском государстве пенсионное обеспечение выступает одним из важнейших видов материального обеспечения лиц при наступлении определённых жизненных условий [1. С. 4].

В современной Российской Федерации наблюдается обострение проблем, связанных с реализацией гражданами своего права на данный вид материального обеспечения, которое обусловлено своего рода совокупностью экономических, политических и социальных явлений, протекающих в государстве. Наиболее существенную роль в данном процессе играет демографическая ситуация в стране, которая складывается таким образом, когда количество граждан пенсионного возраста все более возрастает, в то время как количество работающих граждан по стране все более снижается [2. С. 105]. И именно это служит одним из значимых аспектов, самым непосредственным образом влияющим на тенденцию к снижению собираемости обязательных страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации и Федеральный фонд обязательного медицинского страхования.

Вопросы уплаты страховых взносов в поименованные выше фонды в настоящее время регулируются Федеральным законом №

212-ФЗ от 24.07.2009 г. «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования, Фонд обязательного медицинского страхования» (далее – Закон № 212-ФЗ). С 1 января 2017 г. данный законодательный акт прекращает свое действие, а вопросы уплаты обязательных страховых взносов во внебюджетные фонды будут регулироваться в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации, в который в связи с этим дополнительно введен XI раздел, посвященный страховым взносам.

Однако, несмотря на все предпринимаемые Правительством нашего государства меры по повышению собираемости страховых взносов, в том числе и в Пенсионный Фонд, их эффективность не всегда оправдывает ожидания. И немаловажную роль в этом играет существующая в настоящее время своего рода законодательная неразбериха.

Так, согласно ст. 5 Закона № 212-ФЗ индивидуальные предприниматели, не производящие выплаты и иные вознаграждения физическим лицам, являются плательщиками страховых взносов.

В соответствии с п. 1 ст. 14 Закона № 212-ФЗ указанные плательщики уплачивают страховые взносы в Пенсионный фонд РФ и Федеральный фонд обязательного медицинского страхования в фиксированных размерах.

В целях обеспечения приемлемого уровня страховой нагрузки на указанную категорию плательщиков, а также для создания стабильных и предсказуемых условий ведения ими предпринимательской деятельности Федеральным законом от 23.07.2013 г. № 237-ФЗ «О внесении изменений в статью 22 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования, Фонд обязательного медицинского страхования»» внесены изменения в Закон № 212-ФЗ. А именно, с 01.01.2014 г. установлен дифференцированный подход к определению размера страховых взносов на обязательное пенсионное страхование для самозанятых плательщиков страховых взносов, в том числе индивидуальных предпринимателей, исходя из их дохода, заключающийся в следующем:

- в случае, если доход плательщика за расчетный период (под

которым понимается календарный год) не превышает 300 000 рублей – 1 МРОТ (5554 руб. на 2014 г.) x 26% x 23 мес. = 17 328,48 руб.;

- в случае, если доход плательщика за расчетный период превысил 300 000 рублей, то размер страховых взносов рассчитывается по формуле – 1 МРОТ x 26% x 12 мес. x 1% от суммы дохода плательщика страховых взносов, превышающей 300 000 рублей.

При этом введено ограничение по размеру страховых взносов, а именно: максимально возможная сумма страхового взноса, уплачиваемая самозанятым плательщиком, составляет 8 МРОТ (5554 руб.) x 26% x 12 мес. = 138 627,84 руб. (в 2014 г.).

В силу пп. 1 п. 8 ст. 14 Закона № 212-ФЗ предприниматели, уплачивающие налог на доходы физических лиц, рассчитывают доходы в соответствии со ст. 227 Налогового кодекса РФ. Можно говорить о том, что из положений пп. 1 п. 1 ст. 227 НК РФ вытекает, что под доходом понимается сумма доходов, полученная от осуществления предпринимательской деятельности.

Поскольку действующее законодательство по существу не содержит четкого и однозначного определения понятия доход, в настоящее время сложилась тенденция к судебному оспариванию индивидуальными предпринимателями, а также нотариусами и адвокатами требований территориальных органов Пенсионного фонда РФ по уплате доначисленных им страховых взносов в связи с получением за расчетные периоды доходов, превышающих указанные в законе 300 000 рублей (аналогичная норма включена и новый раздел НК РФ, вступающий в силу с января 2017 года).

Складывающаяся в настоящее время тенденция такова, что зачастую самозанятые плательщики страховых взносов и суды следом за ними смешивают два понятия – доход, подлежащий налогообложению, и базу для начисления страховых взносов, ставя между ними зачастую знак равенства.

Однако, исходя из системного анализа положений Закона № 212-ФЗ и Налогового кодекса РФ, можно говорить о том, что доход страхователя территориальными органами ПФР определяется на основании сведений, полученных из налоговых органов. Самостоятельное определение дохода фондом не предусмотрено

(данный аспект проблемы с января 2017 года сам собой уйдет). При этом важным является тот факт, что действующее пенсионное законодательство не содержит норм, позволяющих для целей исчисления размеров страховых взносов на обязательное пенсионное страхование уменьшать полученные индивидуальным предпринимателем (нотариусом, адвокатом) доходы на сумму понесенных им расходов. Также существенным является тот факт, что пенсионное законодательство не содержит понятия налогооблагаемой базы, предусмотренное ст.ст. 53, 54 НК РФ, то есть норм, допускающих определение дохода предпринимателя с учетом расходов (налоговых вычетов) для исчисления сумм страховых взносов. Обоснованность данного вывода была подтверждена Определением Верховного Суда РФ от 28.07.2016 г. № 306-КГ16-9938.

Также существенным является тот факт, что положения ст. 14 Закона № 212-ФЗ об определении размера страховых взносов на обязательное пенсионное страхование для индивидуального предпринимателя исходя из его дохода с определением таким индивидуальным предпринимателем его налоговой базы при уплате соответствующего налога в зависимости от применяемого им режима налогообложения не увязываются.

Таким образом, можно говорить о том, что действующее законодательство, не содержащее единообразного подхода к трактовке понятия «доход», служит основанием для различной трактовки этого понятия. Все это служит источником для дополнительной неразберихи в вопросах уплаты страховых взносов, а значит, и последующему дефициту бюджета внебюджетных фондов, основная задача которых заключается в социальном обеспечении наших граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецова Е.А. Актуальные вопросы теории и практики применения пенсионного законодательства в Российской Федерации // Актуальные проблемы юридической проблемы и практики: Гатчинские чтения–2015: сб. научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции (г. Гатчина, 27 мая 2015 г.). Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ, 2015. С. 105–108.

2. Хадыкина Е.В. Административно-правовая организация механизма управления системой пенсионного обеспечения Российской Федерации в аспекте её реформирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2002. 24 с.

Н.С. Кузьмина

О БАЛАНСЕ ИНТЕРЕСОВ РАБОТНИКА И РАБОТОДАТЕЛЯ

Наталья Спартаковна Кузьмина – начальник отдела государственной службы и кадров аппарата Законодательного Собрания Иркутской области, магистрант Иркутского института (филиала) ВГЮА (РПА Минюста России), г.Иркутск; **e-mail: kuzmina-73@mail.ru.**

В статье рассмотрены новеллы 2016 года в трудовом законодательстве с точки зрения вмешательства государства в сферу трудовых отношений для обеспечения баланса интересов работника и работодателя, соотношение трудового договора и гражданско-правовых договоров о труде.

Ключевые слова: *трудовой договор; гражданско-правовые договоры о труде; ответственность работодателя; конституционные гарантии.*

Федеральным законом от 3 июня 2016 года № 272-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам повышения ответственности работодателей за нарушения законодательства в части, касающейся оплаты труда, в Трудовой кодекс Российской Федерации внесены изменения в части ужесточения ответственности работодателей за задержку выплаты заработной платы работникам, изменен размер процентов (денежной компенсации), предусмотренных при нарушении работодателем установленного срока выплаты работнику заработной платы, оплаты отпуска, выплат при увольнении, также внесены другие изменения по защите прав работников.

Статьей 37 Конституции Российской Федерации установлено, что труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Принудительный труд запрещен.

Для обеспечения конституционных гарантий для наемных работников, для защиты их прав и законных интересов трудовое

право должно быть «вооружено» социальными, публично-правовыми регуляторами.

Вместе с тем требуется, чтобы трудовое право позволяло и работодателю, предпринимателю вести свою экономическую (предпринимательскую) деятельность достаточно эффективно и самостоятельно.

Перед юридической наукой стоит задача определения пределов вмешательства государства в сферу трудовых отношений для обеспечения баланса интересов как работника, так и работодателя, чтобы работодатель был заинтересован в развитии своей экономической деятельности, а работник не терял бы возможности работать и получать оплату труда в соответствии с количеством и качеством трудовой деятельности.

Новеллы трудового законодательства 2016 года предоставляют на принципах справедливости, соразмерности и пропорциональности экономически более «слабой», незащищенной стороне правоотношения (работнику) преимущества перед более «сильной» стороной (работодателем) и приводят к балансу прав и законных интересов сторон.

Представляется, что в новых экономических реалиях законодателю с точки зрения защиты «слабой» стороны трудовых правоотношений необходимо обратить внимание на проблему соотношения трудовых договоров от смежных с ним гражданско-правовых договоров о труде (договор подряда, возмездного оказания услуг и т.д.).

В правоприменительной практике участились случаи замены трудовых отношений гражданско-правовыми по инициативе работодателей. По пути придания трудовым отношениям гражданско-правового характера со снижением социальных гарантий работников идут не только работодатели – представители частного бизнеса, но и органы государственной власти.

Например, в соответствии с Законом Забайкальского края от 14 марта 2011 года № 478-33К «О статусе депутата Законодательного Собрания Забайкальского края» в Законодательном Собрании Забайкальского края трудовые договоры с помощниками депутатов Законодательного Собрания Забайкальского края замени-

ли гражданско-правовыми договорами оказания услуг.

В большинстве случаев работники не могут защитить свои нарушенные права, так как суды отказывают им в судебной защите на основании пропуска сроков обращения (начало 3-месячного срока считается с момента заключения договора гражданско-правового характера).

Распространенность данного явления, а также его социальная значимость (белые зарплаты, налоги в бюджет, взносы в государственные фонды и т.д.), явное злоупотребление правом со стороны работодателей в виде обхода закона, на наш взгляд, требуют внесения в трудовое законодательство соответствующих изменений, предусматривающих ответственность работодателей за придание трудовым отношениям гражданско-правового характера.

Огромный вклад в изучение проблем отграничения трудового и смежных договоров гражданско-правового характера внес основатель науки российского трудового права Л.С. Таль. В своей работе «Трудовой договор. Цивилистическое исследование» им выделены четыре основных элемента трудового договора:

- длительное предоставление рабочей силы, что нельзя отождествлять с предоставлением имущественных благ;
- обещание рабочего приложить рабочую силу к промышленному предприятию работодателя;
- подчинение рабочего внутреннему порядку и хозяйской власти;
- обещание работодателем вознаграждения, которому присущ алиментарный характер [10. С. 237].

Анализ норм трудового и гражданского законодательства, судебной практики и изучение работ современных ученых-правоведов дает основание выделить следующие критерии разграничения трудовых договоров и смежных с ним гражданско-правовых договоров о труде (договор подряда, возмездного оказания услуг и т.д.):

1. По трудовому договору работник обязуется выполнять трудовую функцию, предметом договора является не результат этого труда, а сам процесс реализации работником своей способности к труду.

По смежным гражданско-правовым договорам предметом является сам конечный результат труда овеществленный (по договору подряда) либо исполненное поручение (договор возмездного оказания услуг), а труд является лишь способом достижения конечного результата.

А.С. Пашков понимал данный признак так: «При работе по трудовому договору правовой регламентации подлежит сам процесс труда и условия его применения. А при выполнении заданий по договору личного подряда и другим договорам гражданского права процесс труда и условия его применения находятся за пределами обязательственного правоотношения» [9. С. 121].

Вместе с тем, следует признать, что в смежном договоре возмездного оказания услуг процесс оказания услуг, в том числе личность лица, оказывающего услуги, и условия его оказания также являются основополагающими.

2. По трудовому договору работник в процессе выполнения трудовой функции обязуется подчиняться внутреннему трудовому распорядку работодателя. Внутренний трудовой распорядок является важным элементом организации процесса труда, в особенности в больших трудовых коллективах.

За нарушение данной обязанности работник несет дисциплинарную ответственность.

В смежных договорах гражданско-правового характера отсутствует обязанность работника подчиняться внутреннему трудовому распорядку, и, как следствие, отсутствует ответственность за его нарушение.

3. В трудовых договорах работодатель обязуется организовать процесс труда работника, создать ему надлежащие условия труда, охрану его жизни и здоровья в процессе работы. В условиях трудового договора риск случайной гибели результата труда возлагается на работодателя.

По смежным гражданско-правовым договорам заказчик не несет таких обязательств и ответственности, исполнитель, подрядчик самостоятельно обеспечивает себе надлежащие условия труда. Заказчика интересует лишь конечный результат.

4. Необходимо также отметить такие критерии, как регуляр-

ность и длительность выполняемой работы, порядок оплаты труда.

Именно по критериям регулярности выполнения трудовой функции, длительности правоотношений между работодателем и работником, а также порядка оплаты труда в судебной практике разграничивают трудовые договоры и договоры возмездного оказания услуг [1; 4; 7; 8].

Вместе с тем, достаточно и противоположной судебной практики, согласно которой работникам отказывают в признании отношений трудовыми, ссылаясь на отсутствие доказательств того, что они в спорные периоды работали у работодателя полный рабочий день, имели определенное рабочее место, подчинялись правилам внутреннего трудового распорядка и несли дисциплинарную ответственность за нарушение режима рабочего времени [2; 3; 4; 6].

Очевидно, что «слабой» стороне трудовых отношений – работнику – сложно представить такие доказательства суду и защитить нарушенные трудовые права.

В связи с изложенным предлагается внести изменения в главу 38 Трудового кодекса Российской Федерации в части установления материальной ответственности работодателя перед работником за придание трудовым отношениям гражданско-правового характера, в статью 392 Трудового кодекса Российской Федерации в части увеличения сроков обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора по данной категории дел. Также, учитывая социальную значимость данного явления, полагаем возможным ввести ужесточение административной ответственности работодателей за такие правонарушения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апелляционное определение Верховного суда Республики Коми от 22 июня 2015 года по делу № 33-2896/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Апелляционное определение Иркутского областного суда от 26 февраля 2016 года по делу № 33-2077/16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Апелляционное определение Магаданского областного суда от 29 марта 2016 года по делу № 2-12/2016, 33-271/2016. Доступ из справ.-пра-

вовой системы «КонсультантПлюс».

4. Апелляционное определение Московского городского суда от 30 сентября 2016 года по делу № 33-22761/16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 2 февраля 2016 года по делу № 33-1368/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Апелляционное определение Суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 19 апреля 2016 года по делу № 33-3218/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 25 августа 2015 года по делу № 33-3273/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Определение Хабаровского краевого суда от 8 апреля 2015 г. по делу № 33-1703/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Пашков А.С. Трудовое право России: учебник. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 289 с.

10. Таль Л.С. Трудовой договор. Цивилистическое исследование. М.: Статут, 2006. 539 с.

Н.Е. Ладенков

НОВЕЛЛЫ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА ОПЛАТУ ТРУДА

Никита Евгеньевич Ладенков – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Международный банковский институт», г. Санкт-Петербург; **email: sping92@mail.ru**.

В статье рассмотрены основные изменения трудового законодательства в области защиты права на оплату труда за 2016 год.

Ключевые слова: *новеллы; трудовое законодательство; срок обращения в суд; защита оплаты труда.*

Оплата труда является одним из важнейших институтов трудового права и, как правило, наиболее интересующим работника. Но система оплаты труда и гарантии на оплату труда не могут быть реализованы без адекватных способов защиты. В качестве одного из способов защиты законодатель указывает право работника на судебную защиту. Реализация такого права дополнительно позволяет работнику заявлять требования о взыскании про-

центов за пользование денежными средствами и компенсации морального вреда [1. С. 14.]. Ранее трудовое законодательство устанавливало трёхмесячный срок обращения в суд в соответствии со ст. 392 Трудового Кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ), что, стоит признать, достаточно мало, особенно с учётом того, что большая часть работников мало знакома с трудовым законодательством и считает, что действует общий срок исковой давности в три года. Таким образом, множество работников пропускало сроки в силу своего незнания, что не является основанием для продления сроков обращения в суд.

Отчасти ситуация была нивелирована ст. 395 ТК РФ, признающей за работником право на удовлетворение денежных требований в полном объёме в случае признания таковых правомерными, что подтверждается Определением Конституционного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 1264-О и другими, более ранними. Однако Конституционный суд не разъясняет, что понимается под полным объёмом. С одной стороны, это может означать как общую задолженность работодателя перед работником, так и задолженность за три месяца. Как следствие – отсутствие единообразной судебной практики.

Другим проблемным вопросом было определение момента, когда работник должен был узнать о неполном начислении заработной платы. Судебная практика придерживается позиции, что при обращении в суд уволившегося работника соответствующий момент совпадает с датой увольнения, а для работника, состоящего в трудовых отношениях, такой момент не устанавливался в соответствии с п. 56 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации».

Таким образом, прежнее состояние законодательства не давало чёткого понятия, с какого момента следует отсчитывать сроки обращения в суд и за какой период заработная плата может быть взыскана. А позиции высших судебных инстанций, призванных восполнить пробелы законодательства путём толкования права, со своей задачей не справились, так как, разъяснив отдельные элементы института защиты права на оплату труда, обошли сторо-

ной другие, тем самым внося ещё большую неопределённость и в без того недостаточно регламентированное законодательство. Современная судебная практика разрешения трудовых споров о денежных требованиях работника противоречива [3. С. 248].

В настоящее время в ст. 392 ТК РФ внесены изменения: «За разрешением индивидуального трудового спора о невыплате или неполной выплате заработной платы и других выплат, причитающихся работнику, он имеет право обратиться в суд в течение одного года со дня установленного срока выплаты указанных сумм, в том числе в случае невыплаты или неполной выплаты заработной платы и других выплат, причитающихся работнику при увольнении». Первое, на что стоит обратить внимание, – это то, что чётко определён момент, с которого начинается отсчет срока обращения в суд. На наш взгляд, – это ключевое изменение, позволяющие привести судебную практику к единообразию и внести ситуацию правовой определённости. Второе, срок был существенно увеличен, дабы удовлетворить интересы работника, что лучше соответствует принципу справедливости. Третье, но не по значению, чётко можно определить срок, за который может быть взыскана невыплата или неполная выплата, теперь он составляет один год.

Законодательное определение момента, с которого начинается отсчет срока обращения в суд, играет ключевое значение, так как на работнике не лежит обязанность исчислять собственную заработную плату, а как следствие – в момент неполной выплаты работник может не знать о неполном начислении заработной платы, и законодательство не обязывает его это знать. Таким образом, ранее не было единообразного понимания момента, с которого работник узнал о нарушенном праве. Изменения ст. 392 ТК РФ призваны положить этому конец, чётко определив, с какого момента начинается течение сроков обращения в суд. Определение дня выплаты причитающихся средств для суда не составляет особых сложностей. Так, в соответствии со ст. 136 ТК РФ заработная плата выплачивается не реже чем каждые полмесяца, конкретная дата выплаты заработной платы устанавливается правилами внутреннего трудового распорядка, коллективным договором или

трудовым договором. Таким образом, для определения момента начала течения срока обращения в суд достаточно ознакомиться с соответствующими документами; при этом, если данный вопрос урегулирован в локальном нормативном акте, работодатель не сможет существенно отодвинуть срок, подделав документы.

Увеличение сроков обращения в суд призвано дополнительно сместить акцент на защиту прав работника. Данные изменения, вероятно, вызваны рядом причин. Одной из причин может выступать то, что уволившийся в конфликтной ситуации работник может сразу же не обратиться за защитой нарушенного права из-за нежелания дополнительно контактировать с бывшим работодателем и надеждой быстро найти новую работу. Но так как заработная плата является основным источником существования у большинства населения, работник может не найти в короткие сроки новую работу, а денежные средства иссякнут. И только после этого работник осознает необходимость защиты нарушенного права. Ранее у работника было всего три месяца на осознание этого. Так как трудовое законодательство также преследует социальные цели и должно ориентироваться на реальное положение дел, такой срок нельзя считать достаточным. Ныне законодатель внёс соответствующие изменения, которые выполняют указанные выше функции и цели, соблюдая баланс интересов сторон.

Другой причиной может выступать особое социальное значение заработной платы; как было указано выше, заработная плата является основным источником существования у большинства населения. Исходя из этого, законодатель увеличивает срок обращения в суд по этой категории трудовых споров, тем самым устанавливая специальный срок. Третьей причиной может выступать сложившаяся на практике ситуация, когда недобросовестные работодатели выплачивают заработную плату не в полном объёме, обещая работнику впоследствии доплатить. Наивный работник или работник, состоящий в хороших межличностных отношениях с представителем работодателя, верит, но денежные средства так и не получает, а между тем сроки обращения в суд истекают. В этом случае взысканию может подлежать заработная плата только за последние три месяца, предшествовавшие увольнению (при

доказанности требований) [2. С. 107.]. Таким образом, изменения законодательства в данной части смещают баланс социальных интересов ещё более в сторону работника.

Законодательное определение срока, за который может быть взыскана заработная плата, направлено на выработку единообразной судебной практики и внесение правовой определённости. Теперь ст. 392 и ст. 395 ТК РФ работают во взаимосвязи и не создают потенциальных коллизий. Действующее законодательство позволяет взыскать заработную плату в полном объёме исключительно за последний год. Ранее было совершенно непонятно, как следует толковать ст. 392 и ст. 395 в системной взаимосвязи, и на практике складывались совершенно противоположные позиции судов. Так, некоторые суды взыскивали заработную плату только за последние три месяца, а другие – за весь период работы. Внеённые изменения должны привести судебную практику к единообразию. Кроме того, непреднамеренная ошибка в исчислении заработной платы теперь едва ли разорит работодателя, как это случалось ранее при взыскании недоначисленной заработной платы за десять лет.

Таким образом, при нынешнем состоянии законодательства судебная практика должна стать единообразной, так как момент, с которого исчисляется срок обращения в суд и период, за который возможно взыскать задолженность по заработной плате, чётко установлены в законодательстве. Такие изменения стоит признать исключительно положительными, так как они позволяют более точно толковать правовые нормы. Кроме того, они усиливают правовую защищённость работника, при этом не ущемляя права работодателя.

Однако законодатель не ограничился лишь изменениями ст. 392 ТК РФ для предоставления дополнительной защиты прав и интересов работника в части оплаты труда. Также изменения коснулись ст. 236 ТК РФ: теперь денежная компенсация увеличилась с одной трёхсотой до одной сто пятидесятой действующей в это время ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации от не выплаченных в срок сумм за каждый день задержки, начиная со следующего дня после установленного срока выплаты

по день фактического расчёта включительно. Такие изменения одновременно усиливают гарантии трудовых прав работника и предупреждают правонарушения со стороны недобросовестных работодателей.

Кроме того, законодатель дополнил ст. 360 ТК РФ основаниями для внеплановых проверок. Теперь внеплановая проверка может быть так же проведена на основании обращений и заявлений граждан о фактах нарушений работодателями требований трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, приведших к невыплате или неполной выплате в установленный срок заработной платы, других выплат, причитающихся работникам, либо установлению заработной платы в размере менее размера, предусмотренного трудовым законодательством.

Таким образом, наметилась тенденция улучшения реальной защищённости работника. Несомненно, подобные изменения трудового законодательства крайне необходимы, так как, несмотря на значительные права и гарантии, предоставляемые работнику трудовым законодательством, работник практически не имеет адекватных способов защиты в реальных условиях, что в совокупности с низким уровнем правовой культуры переводит значительное количество трудовых отношений во вне правового русла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Губенко А.В. Защита права граждан на оплату труда // Законность. 2012. № 10. С. 13–16.
2. Пластинина Н. Процессуальная причина выигрыша работодателя в споре: пропуск работником срока на обращение в суд // Трудовое право. 2012. № 10. С. 97–114.
3. Сафонов В.А. Сроки обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора: некоторые спорные вопросы // Российский ежегодник трудового права. 2008. № 4 / под ред. Е.Б. Хохлова. СПб.: Юридическая книга, 2008. С. 243–252.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИЗВАНИЯ К НАСЛЕДОВАНИЮ КОММОРИЕНТОВ

Ирина Викторовна Лопухова – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Государственного института экономики, финансов, права и технологий, г. Гатчина; **e-mail: Lop-ira@yandex.ru.**

Статья посвящена вопросам призвания к наследованию лиц, умерших в один день. Анализируются различные подходы к данной проблеме, а также отражение настоящих вопросов через призму норм ГК РФ.

Ключевые слова: коммориенты; призвание к наследованию; наследник; наследодатель; фикция; презумпция.

Реформа гражданского законодательства, начавшаяся в 2012 году, затронула и наследственные правоотношения. В частности, Федеральным законом от 30.03. 2016 г. № 79-ФЗ были внесены изменения в статью 1114 ГК РФ, которые вступили в силу 1 октября 2016 г. Изменения касаются времени открытия наследства и призвания к наследованию граждан, умерших в один день (коммориентов).

Следует отметить, что в российской цивилистике с момента вступления в силу части третьей ГК РФ не прекращались споры по поводу фикции единовременной смерти, заложенной в статье 1114 ГК РФ [2]. Согласно положению п. 2 данной статьи, «гражданин, умерший в один и тот же день, считается в целях наследственного правопреемства умершим одновременно и не наследует друг после друга. При этом к наследованию призываются наследники каждого из них».

Необходимо признать, что институт наследования, оформившийся в Римском праве, на протяжении двух тысячелетий менялся, отражая потребности общества и государства в ту или иную историческую эпоху.

В Римском праве фикция единовременной смерти как таковая отсутствовала, напротив, значение имела последовательность смертей (Paul. D. 34. 5. 8–9, 16). И только при невозможности установить последовательность смертей вводились фикции. В слу-

чае смерти на войне отца и сына считалось, что отец умер ранее, и сын наследовал ему (Triphoninus. D. 34, 5, 9, 1). Если же отец погиб с несовершеннолетним сыном, то считалось, что отец пережил его (Triphoninus. D. 34, 5, 9, 4). Аналогично вопрос решался, когда сын погиб вместе с матерью (Papinianus, D. 23, 4, 26 pr, Iavolenus. D. 34, 22; Gaius. D, 34, 23). Срок возникновения права на принятие наследства римляне определяли указанием на событие – *момент* смерти наследодателя (Florentinus, D. 29, 2, 54; Ulpianus. D. 38, 16, 1, 8; Gaius. D. 38, 17, 14).

Преимственность в отношении призвания к наследованию лиц, умерших в один день, сохранилась и в основных европейских кодификациях XIX и начала XX вв. В дореволюционном российском законодательстве *момент* (но не день) смерти наследодателя открывал наследство и права наследников на него (статьи 1222, 1254 Свода Законов Российской Империи). Фикция единовременной смерти также не имела нормативного закрепления. Сенат применял ее только при невозможности определения последовательности смертей [8. С. 527].

Аналогичный подход был воспринят в статье 1353 проекта Гражданского уложения 1905 г., согласно которой наследником может быть лицо, существующее *во время* открытия наследства. Если не доказано, кто умер раньше из лиц, имеющих право наследовать друг другу, предполагается, что смерть их последовала одновременно.

В Гражданских кодексах РСФСР 1922 и 1964 гг. (статьи 418 и 530 соответственно) правосубъектность наследников определялась не на день, а на *момент* открытия наследства, при этом время открытия наследства определялось днем, но не моментом времени суток.

Советский правовед В.И. Серебровский также отмечал, что следует устанавливать последовательность смертей граждан, умерших в один день. При невозможности определения такой последовательности следует считать, что эти лица умерли одновременно и, следовательно, никто из них не стал наследником другого [9. С. 56].

Таким образом, до введения в действие части третьей Граж-

данского кодекса РФ фикция единовременной смерти не имела нормативного закрепления ни в советском, ни в постсоветском отечественном законодательстве, однако она была знакома судебной практике.

Так, Верховный Суд РФ сформулировал позицию, согласно которой, поскольку течение срока на принятие наследства начинается на *следующий* день после наступления события, которым определено его начало (т.е. на следующий день после открытия наследства), граждане, умершие в один и тот же день (независимо от разницы в часах), *считаются* умершими одновременно, не наследуют друг после друга, и наследства открываются после каждого из них отдельно (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 18-В98-70 и др.) [3. С. 20].

Подобная позиция всегда поддерживалась Верховным Судом. Так, в решении от 15 января 1987 года по конкретному гражданскому делу по иску Недужей Л.Я. к Шаблыку В.З. об освобождении садового домика и по иску Коваленко Л.Г. о преимущественном праве на вступление в члены садоводческого товарищества судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда СССР было дано такое разъяснение: «Если супруги умерли в один и тот же день (независимо от часа смерти), они не являются наследниками друг после друга» [7. С. 32].

Следует заключить, что прежняя формулировка нормы п. 2 ст. 1114 ГК РФ основана на указанных тезисах из практики Верховного Суда РФ. Данный подход, на наш взгляд, обусловлен необходимостью устранить возможные злоупотребления и ошибки при определении точного времени смерти человека. Такое определение связано с довольно сложной процедурой, которая регламентировалась до 1 января 2016 г. Приказом Минздрава РФ от 20.12.2001 г. № 460 «Об утверждении Инструкции по констатации смерти человека на основании диагноза смерти мозга» (с 1 января 2016 г. действует Приказ МЗ РФ от 25.12.14 г. № 908Н «О порядке установления смерти мозга человека»).

Тем не менее позиция законодателя неоднократно подвергалась критике со стороны ведущих цивилистов России. Так, по

мнению М.Ю. Барщевского, «при определении круга лиц, призываемых к наследованию как по закону, так и по завещанию, во внимание должны приниматься лица, находящиеся в живых к моменту (часу или минуте) смерти наследодателя. И только в том случае, если нет возможности достоверно установить последовательность смерти лиц, скончавшихся в один день, их следует признавать умершими одновременно» [1. С. 12]. В противном случае «правоспособность широкого круга лиц (наследников по закону и завещанию) частично ограничивается и ставится в зависимость от «дожития» до конца календарных суток» [1. С. 12].

Подобную точку зрения мы наблюдаем и у С.А. Смирнова [10], который справедливо отмечает, что в день смерти наследодателя наследник может совершить действия, свидетельствующие о фактическом принятии наследства (п. 2 ст. 1153 ГК РФ). В случае же смерти наследника в этот же день, его действия по принятию наследства не повлекут правовых последствий, поскольку он будет считаться умершим одновременно с наследодателем, а возникшее право на принятие наследства прекращается смертью и рассматривается как несуществующее.

В настоящее время норма п. 2 статьи 1114 о наследовании лиц, умерших в один день, приведена в соответствие с требованиями справедливости. Восстановлена преемственность с советским и дореволюционным законодательством. Фикция единовременной смерти лиц, умерших в один день, заменена презумпцией, которая, в отличие от фикции, допускает возможность ее опровержения: «Граждане, умершие в один и тот же день, считаются в целях наследственного правопреемства умершими одновременно и не наследуют друг после друга, если момент смерти каждого из таких граждан установить невозможно. При этом к наследованию призываются наследники каждого из них».

ЛИТЕРАТУРА

1. Барщевский М.Ю. Наследственное право, М.: Статут, 1996. 310 с.
2. Булаевский Б.А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников наследственных правоотношений // Наследственное право. 2012. № 1. С. 7–12.
3. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 11.

4. Гонгало Ю.Б. Юридические факты в наследственном праве России и Франции: сравнительно-правовое исследование. М.: Статут, 2010. С. 102.
5. Дигесты Юстиниана. В 8 т. / перевод с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. 2. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2008.
6. Лотфуллин Р.К. Юридические фикции в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 21–22.
7. Некоторые вопросы судебной практики по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1987. № 3. С. 32.
8. Решение Сената от 1876 г. № 445: Свод кассационных положений по вопросам русского гражданского материального права за 1866–1910 годы / сост. В.Л. Исаченко. СПб., 1911.
9. Серебровский В.И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. Изд. 2-е, испр. М.: Статут, 2003.
10. Смирнов С.А. Фикция единовременной смерти в наследственном праве // Нотариальный вестник. 2015. № 5.

В.В. Матюк

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ СООТВЕТСТВИЯ ПРОДУКЦИИ СУБЪЕКТАМИ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА

Вячеслав Викторович Матюк – старший преподаватель кафедры права, УО «Белорусская государственная сельскохозяйственная академия», г. Горьки, Беларусь; **e-mail: Matsiuk_sl@rambler.ru.**

В статье анализируются проблемы обязательного подтверждения соответствия продукции, в отношении которой вступили в силу технические регламенты Республики Беларусь или Таможенного союза, а также продукции, которая включена в единый перечень продукции, подлежащей обязательной оценке (подтверждению) соответствия в рамках Таможенного союза с выдачей единых документов, однако в отношении этой продукции не вступили в силу технические регламенты.

Ключевые слова: *подтверждение соответствия; единый перечень; технический регламент; Таможенный союз; объекты оценки соответствия.*

В государствах СНГ наряду с добровольной сертификацией в начале 90-х годов XX века была законодательно введена обязательная сертификация продукции и других объектов по соответствующим перечням для контроля за их безопасностью и качеством со стороны государств [2; 4].

В Республике Беларусь в соответствии со ст. 36 Закона «Об оценке соответствия требованиям технических нормативных правовых актов в области технического нормирования и стандартизации» (далее – Закон «Об оценке соответствия») действует норма, согласно которой до 01.01.2016 г. обязательное подтверждение соответствия осуществлялось тогда, когда такое требование было установлено техническими регламентами либо Перечнем продукции, работ, услуг и иных объектов оценки соответствия, подлежащих обязательному подтверждению соответствия в Республике Беларусь (далее – Перечень). Соответственно, с 1 января 2016 года согласно названному Закону «обязательному подтверждению соответствия подлежат только объекты оценки соответствия, в отношении которых установлены требования технических регламентов». Таким образом, Перечень не должен применяться, а обязательному подтверждению соответствия подлежат только объекты оценки соответствия, в отношении которых установлены требования технических регламентов. Так определено в национальном законодательстве.

В.В. Бирюк и О.Ф. Ильянкова отмечают также позицию ряда белорусских государственных органов, что «в исключительных случаях в интересах защиты жизни, здоровья и наследственности человека, имущества и охраны окружающей среды, предупреждения действий, вводящих в заблуждение потребителей продукции, работ и услуг относительно их назначения, качества или безопасности, обеспечения энергоэффективности и рационального использования ресурсов (ресурсосбережения) при отсутствии технических регламентов Республики Беларусь и технических регламентов Евразийского экономического союза в отношении определенного объекта оценки соответствия и невозможности либо затруднительности их разработки, в том числе в связи с необходимостью принятия оперативных мер государственного регулирования в области оценки соответствия, обязательное подтверждение соответствия может быть введено постановлением Совета Министров Республики Беларусь временно либо на неопределенный срок» [1].

Согласно статье 52 Договора о Евразийском экономическом

союзе от 29 мая 2014 г.: 1. Технические регламенты ЕЭС принимаются в целях защиты жизни и (или) здоровья человека, имущества, окружающей среды, жизни и (или) здоровья животных и растений, предупреждения действий, вводящих в заблуждение потребителей, а также в целях обеспечения энергетической эффективности и ресурсосбережения в рамках ЕЭС. Принятие технических регламентов ЕЭС в иных целях не допускается. 2. Технические регламенты ЕЭС или национальные обязательные требования действуют только в отношении продукции, включенной в утверждаемый Комиссией *единый перечень* (далее – Единый перечень).

В части 2 статьи 52 Договора о ЕЭС подчёркивается, что «государства-члены Евразийского экономического союза по Договору берут на себя обязательство не допускать установление в своем законодательстве обязательных требований в отношении продукции, не включенной в Единый перечень».

Анализ норм национального законодательства Беларуси и Договора о ЕЭС показал, что обязательному подтверждению соответствия в Беларуси с 1 января 2016 года подлежат только объекты оценки соответствия: 1) в отношении которых установлены требования технических регламентов Республики Беларусь или технических регламентов ЕЭС; 2) которые подпадают под действие Единого перечня. Единый перечень продукции, подлежащей обязательной оценке (подтверждению) соответствия в рамках Таможенного союза с выдачей единых документов, утверждён Решением Комиссии Таможенного союза от 07.04.2011 г. № 620.

Договором о ЕЭС допускается ситуация, при которой технический регламент ЕЭС отсутствует (или еще не вступил в силу), а наименование соответствующей продукции имеется в Едином перечне. Полагаем, в этой ситуации обязательное подтверждение соответствия продукции не требуется, но в силу ст. 35 Закона Республики Беларусь об оценке соответствия обязательность подтверждения соответствия продукции на белорусской территории в этом случае может определяться национальным техническим регламентом.

Приведённый вывод согласуется с позицией Госстандарта Бе-

ларуси, изложенной в письме от 20.01.2016 г. № 04-09/113: «Если продукция входит в Единый перечень продукции, подлежащей обязательной оценке (подтверждению) соответствия в рамках Таможенного союза с выдачей единых документов, утвержденный Решением Комиссии Таможенного союза от 7 апреля 2011 года № 620, организации *вправе* производить подтверждение соответствия продукции согласно указанному Решению Комиссии Таможенного союза с оформлением документов о подтверждении соответствия по единым формам документов, утвержденным Комиссией». Очевидно, что речь идёт о добровольности подтверждении соответствия. Тем не менее, результатом подтверждения соответствия станет оформление документов о подтверждении соответствия по единым формам документов, утвержденным названным Решением Комиссии Таможенного союза.

Также в письме Госстандарта отмечается, что: «Указанная продукция при этом вправе маркироваться знаками соответствия Национальной системы подтверждения соответствия Республики Беларусь, применяемыми при обязательном подтверждении соответствия продукции».

Разъясняя правила применения норм законодательства об оценке соответствия, Госстандарт Беларуси ссылается на Перечень продукции, работ, услуг и иных объектов оценки соответствия, подлежащих обязательному подтверждению соответствия в Республике Беларусь, который формально не отменён, *продолжает действовать*, однако, как мы полагаем, в настоящее время указывает не на обязательность процедуры подтверждения соответствия продукции требованиям технических нормативных правовых актов, а на возможность подтверждения соответствия добровольно, но: 1) с выдачей сертификатов соответствия и деклараций о соответствии по единой форме ЕЭС в свете нормативных требований п. 7 Протокола о техническом регулировании в рамках Евразийского экономического союза (далее – Протокол); и (или) 2) с маркировкой знаками соответствия Национальной системы подтверждения соответствия Республики Беларусь, применяемыми при обязательном подтверждении соответствия продукции. Данный подход следует рассматривать как временный, необ-

ходимый в сложившихся условиях, однако нуждающийся в корректировке с принятием нового документа и с привязкой последнего к нормативным положениям п. 7 Протокола о техническом регулировании в рамках Евразийского экономического союза [3. С. 187].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюк В.В., Ильянкова О.Ф. Сертификация – обязательная или добровольная? Ч. 1. Минск: ЮрСпектр, Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь, 2016.

2. Дубинский Н.Е. Сертификация и декларирование соответствия продукции требованиям технических нормативных правовых актов в Таможенном союзе // Валютное регулирование и ВЭД. 2012. № 10. С. 18–27.

3. Матюк В.В. Обязательное подтверждение соответствия продукции, в отношении которой на территории Беларуси не вступили в силу технические регламенты // «Актуальные проблемы экономических, юридических и социально-гуманитарных наук»: материалы ежегодной Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. 23 марта 2016 г. / под ред. Т.В. Алферовой. Пермь: АНО ВО «Пермский институт экономики и финансов», 2015. С. 185–188.

4. Осмола И.И. Подтверждение соответствия продукции требованиям технических регламентов Таможенного союза // Стандартизация. 2012. № 6. С. 40–46.

Т.В. Северцова

О ВВЕДЕНИИ НОВОЙ МЕРЫ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ВЗЫСКАНИЯ И ПОРЯДКЕ ЕЁ НАЛОЖЕНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Татьяна Вячеславовна Северцова – старший преподаватель кафедры права, Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, г. Горки, Беларусь; **e-mail: 2004-tatiana@tut.by.**

В статье рассмотрены внесённые изменения в Трудовой кодекс Республики Беларусь в связи с принятием нового Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией». Данные изменения предусматривают появление дополнительного основания для расторжения трудового договора, которое одновременно является и мерой дисциплинарного взыскания. Следовательно, на практике необходимо соблюдать порядок и сроки привлечения к дисциплинарной ответственности в связи с увольнением по нововведённому основанию.

Ключевые слова: работник; наниматель; увольнение; коррупция; дисциплинарное взыскание.

В последнее время в Республике Беларусь проводится огромная работа, направленная на борьбу с коррупцией, а также реализуются мероприятия профилактического характера. В рамках такой антикоррупционной политики был принят новый Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 года №305-З «О борьбе с коррупцией» (Далее – Закон). Названный Закон был опубликован 23 июля 2015 года, а основные его положения вступили в силу спустя шесть месяцев после официального опубликования, т.е. с 24 января 2016 года.

С принятием Закона были внесены изменения в действующий Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее – ТК). А именно: п. 5 ст. 47 Закона внёс следующие изменения в ТК:

- ст. 47 ТК, содержащая дополнительные основания для расторжения трудового договора, была дополнена п. 5¹ следующего содержания «увольнение за нарушение работником, являющимся государственным должностным лицом, письменного обязательства по соблюдению ограничений, предусмотренных законодательством о борьбе с коррупцией, совершения правонарушения, создающего условия для коррупции, или коррупционного правонарушения»;

- в п. 3 ч. 1 ст. 198 ТК, указывающей на перечень мер дисциплинарного взыскания, появилась ещё одна мера: увольнение по п. 5¹ ст. 47 ТК.

Далее рассмотрим, какие же категории работников подлежат увольнению по п. 5¹ ст. 47 ТК. К таким категориям, согласно ТК, относят «государственных должностных лиц». А в соответствии с п. 2 ст. 1 Закона «государственными должностными лицами» являются Президент Республики Беларусь, депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, депутаты местных Советов депутатов, осуществляющие свои полномочия на профессиональной основе, а также иные государственные служащие, на которых распространяется действие законодательства о государственной службе (далее – государственные служащие); сотрудники Следственного комитета Республики Беларусь; сотрудники Государственного комитета судебных

экспертиз Республики Беларусь; лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие должности, в том числе воинские, в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях Республики Беларусь, органах внутренних дел, органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям, органах финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь и относящиеся в соответствии с законодательными актами к должностным лицам (далее – военнослужащие, лица рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, органов финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь); заместители руководителей местных Советов депутатов; лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей в государственных организациях и организациях, в уставных фондах которых 50 и более процентов долей (акций) находится в собственности государства и (или) его административно-территориальных единиц.

Кроме этого, в пп. 2 и 3 ст. 1 Закона перечислены категории работников, которые, соответственно, являются «государственными должностными лицами», занимающими ответственное положение и лицами, приравненными к «государственным должностным лицам». Названные категории работников также подлежат увольнению по п. 5¹ ст. 47 ТК.

Основанием для увольнения перечисленных категорий работников является:

- нарушение письменного обязательства по соблюдению ограничений, предусмотренных законодательством о борьбе с коррупцией;
- совершение правонарушения, создающего условия для коррупции;
- совершение коррупционного правонарушения [2].

Следует отметить, что в ст. 17 Закона перечислены ограничения, установленные для государственных должностных лиц и

приравненных к ним лиц. За нарушение и несоблюдение названных ограничений должностные лица подлежат увольнению по п. 5¹ ст. 47 ТК. К таким ограничениям относят:

- занятие предпринимательской деятельностью лично либо через иных лиц, оказание содействия супругу (супруге), близким родственникам или свойственникам в осуществлении предпринимательской деятельности, используя служебное положение;

- представительство третьих лиц по вопросам, связанным с деятельностью государственного органа, иной организации, служащим (работником) которого (которой) оно является, либо подчиненного (подчиненной) и (или) подконтрольного (подконтрольной) ему (ей) государственного органа, иной организации;

- владение счётами в иностранных банках, за исключением случаев выполнения государственных функций в иностранных государствах и иных случаев, установленных законодательными актами;

- приём имущества (подарков), за исключением сувениров, вручаемых при проведении протокольных и иных официальных мероприятий, или получение другой выгоды для себя или для третьих лиц в виде работы, услуги в связи с исполнением служебных (трудовых) обязанностей;

- использование во внеслужебных целях средств финансового, материально-технического и информационного обеспечения, другое имущество государственного органа, организации, а также информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, полученной при исполнении им служебных (трудовых) обязанностей и иные.

Как было отмечено ранее, увольнение по п. 5¹ ст. 47 ТК является одновременно и мерой дисциплинарного взыскания. Следовательно, при осуществлении процедуры увольнения необходимо соблюдать как порядок привлечения к дисциплинарной ответственности, так и сроки привлечения к дисциплинарной ответственности. Данные положения сформулированы соответственно в ст.ст. 199 и 200 ТК.

В ст. 199 ТК закреплён порядок применения дисциплинарных взысканий, который должен соблюдаться при наложении любого

дисциплинарного взыскания. До применения дисциплинарного взыскания наниматель обязан затребовать письменное объяснение работника. При этом отказ работника от дачи объяснения не служит препятствием для применения взыскания и оформляется актом с указанием присутствующих при этом свидетелей. Дисциплинарное взыскание оформляется приказом нанимателя.

Ст. 200 ТК устанавливает сроки применения дисциплинарных взысканий. Дисциплинарное взыскание применяется не позднее одного месяца со дня обнаружения дисциплинарного проступка, не считая времени болезни работника и (или) пребывания его в отпуске. Дисциплинарное взыскание не может быть применено позднее шести месяцев, а по результатам ревизии, проверки, проведённой компетентными государственными органами или организациями, – не позднее двух лет со дня совершения дисциплинарного проступка [1. С. 248–249].

Следует заметить, что оба названных срока учитываются и применяются одновременно. Если один из этих сроков истекает раньше, то в этот же день истекает и второй срок.

Таким образом, внесение изменений в ТК в части усиления ответственности государственных должностных лиц в случае несоблюдения установленных для них ограничений или совершения коррупционных проступков, влекущее увольнение по п. 5¹ ст. 47 ТК стало ещё одной влиятельной мерой, позволяющей в будущем снизить уровень коррупционных правонарушений в Республике Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Греченков, А.А. Трудовое право: учеб. пособие. Минск: Адукацыя і выхаванне, 2013. 376 с.

2. Топ-5 самых важных изменений в законодательстве 2016 года // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь. URL: http://www.otdelkadrov.by/number/2016/1/Top_5_samyh_vazhnyh_izmenenij_v_zakonodatelstve_2016_goda_01201606/ (дата обращения: 04.11.2016).

**НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБОРОТЕ
НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА 2016
(НА ПРИМЕРЕ МАШИНО-МЕСТА)**

Елена Владимировна Тресцова – доцент кафедры гражданского права, Ивановский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент, г. Иваново; **e-mail: trestsova64@mail.ru.**

В статье рассмотрены основные подходы к пониманию машино-места как объекта недвижимого имущества, понятие его правового режима на примере технического и кадастрового учета, регистрации прав, констатируется, что впервые в российском законодательстве введен в имущественный оборот новый вид недвижимости.

Ключевые слова: *недвижимое имущество; машино-место как вид недвижимости; правовой режим; технический учет; кадастровый учет; регистрация прав.*

Федеральным Законом от 3 июля 2016 г. № 315-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в имущественный оборот вводится новый вид недвижимости – машино-место [5]. Данному объекту придаются свойства помещения в здании, а поэтому его можно будет продать или сдать в аренду как индивидуально-определенную вещь, совершать с ним иные действия, незапрещенные в законе. Машино-место признается самостоятельным объектом гражданских прав, если оно является частью здания или сооружения и имеет границы, описанные на основании законодательства о кадастровом учете. Оно может быть дифференцировано на объекты с ограждением или без ограждения.

В настоящее время находящееся в здании или сооружении парковочное место не считается самостоятельным объектом недвижимости. Правоприменительная практика свидетельствует о том, что машино-место можно поставить на кадастровый учет и оформить по праву собственности только как помещение. В случае, когда парковочное место не соответствует требованиям к помещению (например, имеет границы, обозначенные лишь раз-

меткой), рекомендуется регистрировать долю в праве на общую собственность на здание, определив ее пропорционально размерам машино-места. Если на 1 января 2017 года права на объект, который отвечает признакам машино-места, будут зарегистрированы в реестре, то переоформлять их по новым правилам не потребуется. При наличии регистрации права общей долевой собственности на помещение, здание, сооружение, предназначенные для стоянки, каждый сособственник сможет выделить свою долю в натуре и оформить право собственности на машино-место как на помещение с присущими ему индивидуальными характеристиками [4].

В юридической литературе до недавнего времени неоднозначно оценивалась правовая природа машино-места. Констатировалось, что законодательство не давало понятия «машино-места», «парковочного места» [11. С. 14–16], а поэтому сложились два подхода в определении правового режима машино-места: с одной стороны, как недвижимого имущества, а с другой – как имущественного права в общей долевой собственности на объект недвижимого имущества, состоящего из совокупности машино-мест. По критерию правового регулирования к машино-месту применялись правила гражданского и (или) жилищного законодательства, что объяснялось расположением такого объекта в многоквартирных домах на первых (подземных) этажах или на прилегающей к многоквартирному дому территории [9. С. 118–119]. При размещении таких объектов в многоквартирных домах в зависимости от применения вышеуказанных позиций машино-место рассматривается либо в качестве нежилого помещения как отдельного объекта или составной частью общего имущества многоквартирного дома [10. С. 38–39].

Определение правового режима машино-мест имеет важное значение и для гражданского оборота. Так, при совершении договоров купли-продажи в случае отчуждения доли в праве общей долевой собственности другие сособственники имеют преимущественное право покупки, и для продажи доли продавцу необходимо предложить ее выкупить всем остальным собственникам или получить от них отказ. С точки зрения налогового законода-

тельства машино-место рассматривается в качестве объекта налогообложения наряду с гаражами, квартирами, жилыми домами, зданиями, сооружениями. Согласно Налоговому кодексу РФ объектом налогообложения признается следующее имущество: 1) жилой дом; 2) жилое помещение (квартира, комната); 3) гараж, машино-место; 4) единый недвижимый комплекс; 5) объект незавершенного строительства; 6) иные здания, строения, сооружения, помещения [2].

Однако помимо связи с землей машино-место как объект недвижимости должно обладать характеристиками, позволяющими определить недвижимое имущество в качестве индивидуально-определенной вещи (уникальные характеристики объекта недвижимости). Рассматриваемая позиция была выражена Минэкономразвития России: если машино-место отвечает критериям изолированности и обособленности от других помещений в здании или сооружении, то оно может быть учтено в качестве помещения [3]. Однако при этом следует учитывать, что законодатель дает определение жилому помещению, к каковым машино-место никак не относится. В случае если машино-место не отвечает требованиям, предъявляемым к помещениям, т.е. не изолировано или не обособлено от других помещений в здании или сооружении и не обладает характеристиками, позволяющими отнести его к недвижимому имуществу, орган кадастрового учета принимает решение об отказе в постановке на учет помещения согласно ст. 27 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости», а государственной регистрации подлежит доля в праве собственности, соответствующая данному машино-месту.

Материалы судебной практики также свидетельствуют о наличии двух подходов к правовой природе машино-места и определению права на него. В некоторых случаях суды, опираясь на данные технических (кадастровых) паспортов, признают машино-место недвижимым имуществом – помещением в составе другого объекта недвижимости: нежилого помещения (парковочного зала) или нежилого здания. В других случаях машино-место признано объектом недвижимости и подтверждена правомерность

регистрации перехода права на него по договору купли-продажи. Судебной практикой подтверждено, что машино-место может быть предметом договора аренды недвижимости, ипотеки, на него может быть наложен арест как на объект недвижимого имущества. В иных случаях суды полагают, что машино-место самостоятельной вещью не является, а представляет собой часть недвижимой вещи – нежилого помещения или нежилого здания, а пользователь парковочного места является долевым собственником данной недвижимой вещи, в отношении которой соглашением участников долевой собственности или решением суда может быть определен порядок пользования соответствующей недвижимой вещью [7. С. 286–287; 8. С. 256–257].

Таким образом, проблема гражданско-правового регулирования машино-места как самостоятельного объекта недвижимого имущества определена и закреплена в гражданском законодательстве. Нововведения призваны установить единые правила для машино-мест вне зависимости от способности их изолировать и индивидуализировать в качестве помещений. Прежде всего это сделано с практической целью: для упрощения оборота машино-мест. Машино-местом является предназначенная исключительно для размещения транспортного средства индивидуально-определенная часть здания или сооружения, которая не ограничена либо частично ограничена строительной или иной ограждающей конструкцией и границы которой описаны в установленном законодательством о государственном кадастровом учете порядке.

Кадастровый учет машино-места осуществляется на основе предоставленного технического плана. Он составляется исходя из сведений, указанных в разрешении на ввод здания или сооружения, в котором расположено машино-место, в эксплуатацию, проектной документации здания или сооружения, где расположено машино-место, проекта перепланировки и акта приемочной комиссии, подтверждающего завершение перепланировки. Местоположение машино-места будет устанавливаться посредством графического отображения на плане этажа или части этажа здания либо сооружения, на плане здания либо сооружения геомет-

рической фигурой, соответствующей границам машино-места.

Следовательно, правовая регламентация машино-мест будет максимально приближена к регулированию нежилых помещений. Существенным отличием от помещений будет только отсутствие свойства осязаемости границ таких объектов недвижимости [6. С. 4–5]. Хотя машино-места и не обладают признаками недвижимой вещи (ст. 130 ГК РФ), их отнесение к указанной группе вещей вызвано практическими соображениями в целях обеспечения стабильного оборота машино-мест [1], поэтому с позиции доктринального толкования такие вещи признаются недвижимыми в силу прямого указания закона [12. С. 65–66]. В соответствии с приемом юридической фикции им придаются признаки недвижимого имущества: прочная связь с землей, т.е. невозможность перемещения без несоизмеримых затрат целевому назначению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ (в ред. Федерального закона от 3 июля 2016 № 354-ФЗ) // Российская газета. 1994. 8 декабря; 2016. 12 июля.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Федеральный закон от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ в ред. Федерального закона от 3 июля 2016 № 242-ФЗ // Парламентская газета. 2000. 10 августа; Российская газета. 2016. 6 июля.
3. Письмо Минэкономразвития России от 26 мая 2015 г. № ОГ-Д23-7475 «О рассмотрении обращения» // Журнал руководителя и главного бухгалтера ЖКХ. 2015. № 9. Ч. 2.
4. Федеральный Закон от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ (в ред. Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 361-ФЗ) «О государственном кадастре недвижимости» // Российская газета. 2007. 1 августа; 2016. 12 июля.
5. Федеральный Закон от 3 июля 2016 г. № 315-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2016. 8 июля.
6. Абдулов И. Машино-месту – новый статус // эж-ЮРИСТ. 2016. № 19. С. 4–5.
7. Бычков А.И. Актуальные проблемы судебного разбирательства. М.: Инфотропик Медиа, 2016. 480 с.
8. Бычков А.И. Квартирный вопрос. Приобретение, реализация и защита права собственности на квартиру. М.: Инфотропик Медиа, 2016. 316 с.
9. Новиков В.В., Разворотнева С.В., Фролова О.Е. Многоквартирный дом: как эффективно управлять своим домом и эффективно решать возни-

кающие проблемы // Российская газета. 2016. Вып. 10. 176 с.

10. Рузакова О.А., Рузаков А.Б. Проблемы определения правовой природы «машино-места» в гражданском и жилищном праве // Семейное и жилищное право. 2016. № 4. С. 38–42.

11. Синцов Г.В. Правовая оценка возможности признания парковочных мест недвижимым имуществом // Правовые вопросы недвижимости. 2016. № 1. С. 14–16.

12. Тресцова Е.В. Модернизация объектов недвижимого имущества по законодательству Российской Федерации // LexRussica. 2015. № 1. С. 67–75.

Л.А. Чернышева

ЧАСТНОЕ АГЕНТСТВО ЗАНЯТОСТИ КАК НОВЫЙ ВИД РАБОТОДАТЕЛЯ

Людмила Александровна Чернышева – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, кандидат юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург; **e-mail: Liudemila2008@yandex.ru.**

В статье рассматриваются изменения, внесенные в трудовое законодательство, устанавливающие особенности регулирования труда работников, направленных временно работодателем к другим физическим лицам или юридическим лицам по договору о предоставлении труда работников (персонала). В работе рассматриваются некоторые проблемные вопросы заключения частными агентствами занятости трудовых договоров с работниками. Автор акцентирует внимание на том, что для решения этих проблем необходимо внести ряд изменений в действующее трудовое законодательство.

Ключевые слова: частные агентства занятости; трудовой договор; работник; работодатель; гарантии прав работников; оплата труда; рабочее время.

Вступившие 1 января 2016 года, в законную силу изменения действующего законодательства установили особенности регулирования труда работников, направленных временно работодателем к другим физическим лицам или юридическим лицам по договору о предоставлении труда работников (персонала). Согласно Федеральному Закону от 05.05.2014 г. № 116-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» данные изменения были внесены в: закон Российской Феде-

рации от 19 апреля 1991 года № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» (далее—Закон о занятости); в Трудовой кодекс Российской Федерации (далее – ТК РФ).

В российском законодательстве упоминание о заемном труде впервые появилось в Налоговом кодексе РФ. Так, например, понятие «предоставление персонала» упоминается в ст. 148, «договоры на предоставление рабочей силы» – в п. 18 ст. 255, «услуги по предоставлению работников (технического и управленческого персонала) сторонними организациями для участия в производственном процессе, управлении производством либо для выполнения иных функций, связанных с производством и (или) реализацией» – в п. 19 ст. 264.

Неоднозначно складывалась судебная практика по вопросу о том, как квалифицируется договор о выполнении работ путем предоставления исполнителем заказчику своих сотрудников. Имелось несколько позиций судов.

Первая – когда суды признавали отношения трудовыми, посредством фактического допущения к работе.

Вторая – договор о выполнении работ путем предоставления исполнителем заказчику своих сотрудников квалифицируется как договор подряда, если не установлена притворность данной сделки как прикрывающей трудовые договоры между заказчиком и указанными сотрудниками [1].

Третья – договор о выполнении работ путем предоставления исполнителем заказчику своих сотрудников квалифицируется как смешанный, содержащий элементы договоров подряда и возмездного оказания услуг [2].

Однако с учетом того, что трудовое законодательство не имело положений, регламентирующих порядок предоставления персонала и не устанавливало гарантий осуществления ими трудовой деятельности в таких условиях, на практике возникало повсеместное нарушение положений о приеме, переводе и увольнении работников; об оплате и охране их труда и т.д.

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод, что, безусловно, указанные изменения имеют прогрессивный характер и содержат значительное количество положительных качеств, отме-

тим некоторые из них.

На сегодняшний день ст. 341.1 ТК РФ гарантирует, что условия оплаты труда работнику, направленному для работы у принимающей стороны, должны быть не хуже, чем у работников принимающей стороны, выполняющих такие же трудовые функции и имеющих такую же квалификацию. В том числе должны учитываться и премии, предусмотренные системой оплаты труда принимающей стороны, а также надбавки и доплаты, сроки выплаты заработной платы.

В статье 341.5 ТК РФ говорится о субсидиарной ответственности принимающей стороны по обязательствам работодателя направленного работника. В частности, речь идет о том, что по обязательствам работодателя, вытекающим из трудовых отношений с работниками, направленными временно для работы у принимающей стороны по договору о предоставлении труда работников (персонала). К ним можно отнести обязательства по выплате заработной платы и иных сумм, причитающихся работнику, по уплате денежной компенсации за нарушение работодателем установленного срока соответственно выплаты заработной платы, оплаты отпуска, выплат при увольнении и (или) других выплат, причитающихся работнику, субсидиарную ответственность несет принимающая сторона (ст. 341.5 ТК РФ).

Трудоустройство через посредничество частных агентств занятости помогает избежать безработицы, хотя и является временным решением проблем на рынке труда. Установлен запрет на направление работников для работы у принимающей стороны по договору о предоставлении труда работников (персонала).

Глава 53.1 устанавливает обязанность частного агентства занятости оформлять трудовые отношения с работником посредством заключения трудового договора, дополнительного соглашения к нему и внесения соответствующих записей в трудовую книжку.

В данной сфере существуют проблемы правоприменения. Прежде чем перейти к рассмотрению данного вопроса, хотелось бы отметить, что работодатель в лице частного агентства занятости – это не вопрос будущего времени, а вполне существующая реальность. По данным Роструда, с начала этого года в реестр ак-

кредитованных частных агентств занятости уже внесено 482 записи. Поэтому данные агентства в качестве работодателя должны соблюдать действующее трудовое законодательство, устанавливающее основные гарантии трудовых прав граждан, в том числе право на безопасные условия труда и своевременную выплату заработной платы.

Несмотря на массу положительных качеств, к сожалению, новеллы содержат и ряд пробелов, которые при осуществлении надзорной деятельности могут привести к неоднозначной трактовке положений действующего законодательства, остановимся на некоторых из них.

Новая глава Трудового кодекса РФ, так же как и ст. 18.1 Закона о занятости не устанавливает особенности регулирования труда работников, направляемых временно к другим юридическим лицам, не являющимся частным агентством занятости. Как отмечает законодатель, такие требования могут быть установлены Федеральным Законом, который на сегодняшний день пока еще не принят.

Определяя гарантии, законодатель в основном упоминает в качестве направляющей стороны, обязанной соблюдать данные гарантии только частные агентства занятости, поэтому не совсем ясным остается вопрос о том, будут ли распространяться данные обязанности на работодателей, не являющихся частными агентствами занятости. Законодатель не указал обратной силы нововведений, поэтому не совсем ясно, к каким видам правоотношений можно отнести отношения между работниками и «принимающей» стороной, возникшие до вступления данных изменений в законную силу.

По этому вопросу имеются различные точки зрения, автор позволит себе высказать следующую позицию. Как уже отмечалось, до 1-го января 2016 года трудовое законодательство не знало понятий: заемный труд, договор о предоставлении труда работников (персонала), аутстаффинг, аутсорсинг, лизинг рабочей силы. Трудовое правоотношение рассматривалось как правоотношение между работником и работодателем, возникающее на основании трудового договора, фактического допущения к работе и иных

оснований, предусмотренных ст.ст. 15,16 ТК РФ. Направление работника в другую организацию было возможным посредством служебной командировки. Более того, ст. 11 ТК РФ устанавливала и устанавливает, что отношения гражданско-правового характера, имеющие признаки трудовых правоотношений, должны признаваться последними. Таким образом, определяя вид отношений, возникших до 1-го января 2016 года, необходимо установить их сущность. Если этим правоотношениям присущи признаки трудовых, значит – это трудовые правоотношения, где имеются две стороны, исполнитель – это работник, а лицо, в пользу которого исполняются работы или услуги – это работодатель.

Если речь идет об отношениях, возникших между частными агентствами занятости и работниками после 1-го января 2016 года, то здесь ответ очевиден, если у агентства есть аккредитация, тогда эти правоотношения правомерны, если аккредитации нет, то направление работников на работу по договору о предоставлении труда работников (персонала) будет незаконным.

Законодатель не внес изменения в ст. 70 ТК РФ об установлении испытания при приеме на работу данной категории работников. В сегодняшней редакции данной статьи испытание может устанавливаться работнику только один раз при заключении трудового договора. Поэтому, направляя работника по договору о предоставлении труда работника, работодатель в лице частного агентства занятости не имеет права включать в положения дополнительного соглашения условия об испытании.

Работодатель обязан осуществлять контроль за соответствием фактического использования принимающей стороной труда направленных работников трудовым функциям, определённым трудовыми договорами этих работников, а также за соблюдением принимающей стороной норм трудового права. Однако механизм контроля на сегодняшний день отсутствует, и поэтому напрашивается вывод о том, что эта норма будет иметь формальный характер, если это условие не будет в обязательном порядке предусмотрено в договоре о предоставлении труда работника (персонала).

Законодатель не предусмотрел гарантии работника в случае,

если частное агентство занятости не смогло заключить договор о предоставлении труда работников (персонала). Под гарантиями в данном случае понимается решение вопроса о том, как и где работник будет выполнять свою трудовую функцию и каким образом будет оплачиваться его труд в случаях так называемого «временного простоя». Представляется, что при заключении частным агентством занятости трудового договора с работником обязательным условием должно являться урегулирование данных вопросов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление ФАС Уральского округа от 29.01.2013 г. № Ф09-13204/12 по делу № А60-29248/2011 «О включении в реестр требований кредиторов должника (заказчика) долга по договору, по условиям которого исполнитель предоставляет своих рабочих для выполнения работ по заданию заказчика». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Определение ВАС РФ от 08.11.2012 г. № ВАС-13993/12 по делу № А34-3750/ «О пересмотре в порядке надзора судебных актов по делу о взыскании задолженности по договору строительного подряда и процентов за пользование чужими денежными средствами». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Секция 3

НОВЕЛЛЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О.А. Антонова

ВВЕДЕНИЕ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ

Ольга Александровна Антонова – зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин, Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»; кандидат юридических наук, доцент, г. Минск, Беларусь; e-mail: volha2002@yandex.ru.

Автором проведено исследование новелл уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь, отмечены предпосылки введения апелляционного производства в белорусском уголовном процессе, определены перспективы института апелляционного производства в уголовном процессе.

Ключевые слова: уголовный процесс; апелляционное производство; судебная защита; кассационная инстанция; Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь.

Законом Республики Беларусь от 5 января 2016 года внесены изменения и дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, в том числе и в части замены кассационного производства по уголовным делам на апелляционное производство.

Следует отметить, что указанное нововведение было предусмотрено на законодательном уровне еще в 2011 году, когда был принят Указ Президента Республики Беларусь «О мерах по совершенствованию деятельности судов общей юрисдикции Республики Беларусь». В силу этого нормативного правового акта в целях обеспечения дальнейшего повышения качества, оперативности и доступности правосудия было запланировано ввести элементы апелляции в уголовный процесс с дальнейшим расширением их применения в уголовном и гражданском процессах.

Как отмечают Л. Зайцева и В. Ракитский, апелляция (от лат.

appellatio – обращение, воззвание) в «чистом», классическом виде – это пересмотр вышестоящей судебной инстанцией в пределах жалоб, поданных сторонами, не вступившего в законную силу приговора путем повторного рассмотрения дела по существу в условиях состязательности с непосредственным исследованием всех необходимых доказательств и постановлением нового приговора, заменяющего собой приговор нижестоящего суда. Предметом апелляционного пересмотра являются как вопросы факта (объем обвинения, виновность лица в совершении преступления), так и вопросы права (квалификация преступления и мера наказания). Объем исследования доказательств (как ранее рассмотренных в суде первой инстанции, так и новых) определяется по ходатайству сторон либо усмотрению суда. В связи с этим выделяют полную и неполную (частичную) апелляцию. Классическая апелляция исключает отмену приговора суда первой инстанции и возвращение дела в нижестоящий суд для повторного рассмотрения. Приговор апелляционной инстанции может быть обжалован в кассационном порядке [2. С. 37].

В связи с этим Н.Н. Мазина полагает, что суть апелляционной формы судебной защиты заключается в том, чтобы быть легитимным средством проверки доводов и притязаний сторон, относительно имеющихся нарушений закона. При установлении существенных нарушений закона она же призвана выступить средством обеспечения публичной законности. Данное назначение апелляции a priori не требует ни повсеместного применения максимальных познавательных средств суда первой инстанции, ни обязательного повторения разбирательства уголовного дела в его полном объеме в силу одного лишь заявленного интереса сторон в получении более «правосудного» акта [4. С. 7].

По мнению В.Ю. Брянского, сущность современного апелляционного производства в России определяется его двойственной природой, сочетающей одновременно и форму судебного контроля решений нижестоящего суда, и особую форму рассмотрения и разрешения дела по существу после отмены неправосудного приговора [1. С. 9]. Особенность рассмотрения и разрешения дела по существу судом апелляционной инстанции обусловлена

функцией судебного контроля, осуществляемого апелляционной инстанцией. Она обусловлена правом суда апелляционной инстанции непосредственно исследовать доказательства в пределах доводов жалобы и представления с возможностью после отмены приговора (постановления) мирового судьи вынесения собственного нового приговора (постановления) на основании как имеющихся материалов дела, так и новых доказательств, непосредственно исследованных апелляционной инстанцией [1. С. 9].

Действительно, в уголовном процессе Республики Беларусь апелляционная инстанция наделена как правами исследования дополнительных, не представленных в суде первой инстанции, материалов и вынесения на их основе нового приговора (постановления), так и отмены приговора и направлении дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции со своими обязательными для исполнения указаниями. При этом согласно ст. 384 Уголовно-процессуального кодекса дополнительные материалы не могут быть получены путем производства следственных действий. Лицо, представляющее суду дополнительные материалы, обязано указать, каким путем они получены, в связи с чем возникла необходимость их представления и по каким причинам они не были представлены в суд первой инстанции. О принятии или отклонении дополнительных материалов суд, выслушав мнения сторон, выносит определение. Дополнительные материалы, если они имеют значение для разрешения уголовного дела, могут послужить основанием для изменения приговора или его отмены с прекращением производства по уголовному делу. В случаях, когда дополнительные материалы требуют проверки и оценки судом первой инстанции, приговор отменяется, а уголовное дело направляется на новое судебное разбирательство.

Существенные изменения в части расширения полномочий второй инстанции в уголовном процессе в Республике Беларусь были осуществлены еще в 2012 году. В частности, было введено право тогда еще для кассационной инстанции, изменить приговор без направления на новое судебное рассмотрение по обстоятельствам, влекущим ухудшение положения обвиняемого. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 396 Уголовно-процессуального кодекса пре-

дусматривалась возможность суду кассационной инстанции:

1) не выходя за пределы предъявленного обвинения или за пределы обвинения, поддержанного при судебном разбирательстве уголовного дела в суде первой инстанции государственным или частным обвинителем, применить закон о более тяжком преступлении и назначить в связи с этим более строгое наказание;

2) увеличить срок, размер основного и (или) дополнительного наказания, назначить более строгий вид наказания, за исключением пожизненного заключения и смертной казни, если назначенное по приговору суда первой инстанции наказание будет признано явно несправедливым вследствие мягкости;

3) назначить дополнительное наказание в соответствии с требованиями уголовного закона, если оно необоснованно не назначено судом первой инстанции и др.

Однако такое изменение приговора в сторону ухудшения положения обвиняемого возможно только, если об этом ставился вопрос в жалобе потерпевшего, частного обвинителя, его представителя или в протесте прокурора. Указанная возможность суда второй инстанции является проявлением апелляционных начал. Оправдательный приговор может быть отменен или изменен в кассационном порядке не иначе, как по жалобе потерпевшего, частного обвинителя или их представителей, представителя гражданского истца, либо по жалобе обвиняемого, оправданного судом, либо по протесту прокурора.

Тем не менее и после изменений в Уголовно-процессуальном кодексе 2016 года в ходе производства по пересмотру судебных постановлений, не вступивших в законную силу, остаются элементы кассации. Так, согласно ч. 2 ст. 389 Уголовно-процессуального кодекса обвинительный приговор или иные решения суда первой инстанции подлежат отмене с направлением уголовного дела на новое судебное разбирательство, если допущенные судом первой инстанции нарушения являются неустранимыми в суде апелляционной инстанции. При этом, отменяя приговор с направлением уголовного дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции, суд апелляционной инстанции указывает в определении, должно ли быть начато производство по уголовному де-

лу со стадии назначения судебного разбирательства или со стадии судебного разбирательства.

По словам В.Л. Калинковича, согласно статистике, в вышестоящих судах обжалуется около 20% выносимых судами первой инстанции приговоров, поэтому нельзя сказать, что решения по уголовным делам в Беларуси пересматриваются массово. Однако если разрешение этих 20% дел будет обеспечиваться уже в суде второй инстанции, то в итоге мы получим реальный положительный экономический эффект. Кроме того, внедрение апелляционного производства разгрузит суды первой инстанции. В настоящее время штатная нагрузка по районным судам превышает 68 дел и материалов в месяц. В системе экономических судов она еще выше. В судах первого уровня появится больше возможностей надлежащим образом готовиться к судебным разбирательствам и выносить правильные решения. Как видите, все взаимосвязано [3]. Однако такая позиция официального представителя Верховного Суда Республики Беларусь не объясняет необходимости переименования кассационного производства в апелляционное производство.

Таким образом, можно говорить о поверхностности изменений, внесенных в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь в части замены кассационного производства на апелляционное производство. Фактически законодатель ограничился заменой одного термина «кассация» на другой термин – «апелляция», не затронув существенных признаков апелляционного производства, несмотря на расширение оснований для изменения приговора в апелляционном порядке. Если до 2016 года в Республике Беларусь речь шла о кассационном производстве с элементами апелляционного в уголовном процессе, то в настоящее время можно утверждать, что введен апелляционный пересмотр судебных постановлений по уголовным делам с элементами кассационного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брянский В.Ю. Апелляционное производство в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 28 с.
2. Зайцева Л., Ракитский В. Перспективы введения апелляционного

производства в уголовное правосудие Республики Беларусь // Судовывеснік. 2014. № 4. С. 36–43.

3. Калининвич В.Л. Интервью первого заместителя Председателя Верховного Суда В.Л. Калининвича // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=204523> (дата обращения: 06.11.2016).

4. Мазина Н.Н. Апелляционное производство в современном уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 26 с.

М.Р. Арпентьева

НОВЕЛЛЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА: СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Мариям Равильевна Арпентьева – старший научный сотрудник кафедры психологии развития и образования, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского, доктор психологических наук, доцент, г. Калуга; **e-mail: mariam_rav@mail.ru.**

Статья посвящена анализу существующей традиции защиты и осуществления прав заключенных. Показано, что проблема справедливости, являющаяся ключевой для решения вопросов охраны права, в современном цивилизованном мире практически неразрешима и потому элиминирована из реальной практики. Отмечается, что правосознание в современной юстиции России и мира осуществляется в единичных случаях, как правило, реализуется традиционный ритуал жертвоприношения, для которого важен факт жертвы, а не факт справедливости. В результате современная правоохранительная система лишь умножает насилие в обществе, придавая насилию над людьми статус законности.

Ключевые слова: тюремная реформа; тюремный народ; жертвоприношение; жертва; рабство; десоциализация; буллинг; симулякр; вера в справедливый мир.

Проблема справедливости – одна из центральных проблем жизни человека. Люди по-разному относятся к решению этой проблемы: с одной стороны, типичны переживания несправедливости и желания отомстить, с другой стороны, переживания несправедливости и благодарность мирозданию за то, что оно «все еще терпит» не ведающих, что творят. Одни люди, видя несправедливость распределения духовных и материальных «благ» и богатств, переполняясь не то зависти, не то праведного гнева,

бросаются вершить самосуд, мстить и расправляться с «обидчиком»; другие люди, видя несправедливость, смиренно благодарят мироздание за все, что имеют, поскольку понимают, что «заслужили» гораздо меньшего и худшего, чем есть. Аналогичным образом переживания справедливости могут быть связаны как с благодарным, принимающим отношением к миру, так и с отношением непринятия, неблагодарности: одни люди учатся благодарить жизнь за ее поддержку и за отсутствие поддержки, за те «пинки», которые она раздает, возвращая каждому и ограничивая преступные в отношении жизни поступки; другие люди, даже совершив огромное число преступлений против человека, любви и нравственности, полагают, что «наказание», «свалившееся» на их голову как минимум незаслуженно и «внезапно». Справедливость – это феномен, связанный с такими установками жизни человека, как «принцип бумеранга» и/или отмщения. Она также связана с двумя «верховными», духовно-нравственными законами жизни: законами воздаяния (ответственности, отмщения, зарабатывания) и законами милости (прощения, благословений, дарения). Первый закон утверждает справедливость в форме требования «оплаты счетов», или «бумеранга». Второй утверждает, что любые, даже самые страшные «счета» могут быть оплачены «монетой более ценной» – любовью (смирением, благодарностью, служением и т.д.). Уже в XX веке психологи описали веру в справедливый мир как одну из базовых, но весьма далеких от истины иллюзий или облегчающих понимание мира «эвристик». Однако они не пошли дальше констатаций о том, что мир «на самом деле» несправедлив: духовные аспекты жизни человека и связанные с ними событийные и иные «артефакты» до сих пор психологией упорно игнорируются. Юристы, в свою очередь, опровергли значимость истины, введя понятие «доказанности», а также сформировав процесс уголовного расследования, обвинения, осуждения и отбывания наказания таким образом, чтобы внешне декларируемый принцип «презумпции невиновности» оставался такой же иллюзией, как и справедливость. В результате современная система правоохранительной деятельности полностью лишена справедливости и невиновности: попавший в поле зрения правоохра-

нительных структур человек так или иначе окажется виноват с точки зрения государства и общества, а также невиновен или «частично невиновен» с собственной точки зрения и точки зрения Бога. В любом случае наказание всегда проходит мимо цели, и, вопреки декларациям, никакого исправительного значения по отношению к наказуемому не имеет и не обладает. Наказуемые – типичная жертва, «козел отпущения», которой государство и общество оплачивает собственную агрессивность и ошибки («грехи»). Это – естественное следствие репрессивно-карательной модели правоохранительной деятельности. Однако у этой модели есть следствия и менее естественные, которые связаны с нарастающей коррупцией и насилием в системе правоохранительной деятельности, в том числе системе исполнения наказаний. В некоторых случаях человек ответит за то, что действительно причастен к правонарушению, в некоторых за то – что не причастен, но «раз попался – сиди»; в некоторых – все более распространенных – просто потому, что бюрократический монолит системы исполнения наказаний и правоохранительной деятельности государства в целом нуждается в новых ресурсах, рабочей силе, а также ради подтверждения власти – унижать и уничтожать – других людей, вершить их судьбы, строя своё и своей семьи «пусть маленькое, но счастье» «сильного звена», ради которой многие сотрудники правоохранительной системы и пришли в нее работать. В результате фальсификация уголовных дел, судебных и иных расследований разной степени интенсивности и обширности стала повседневным занятием правоохранительных органов многих стран СНГ. Корни такой ситуации, однако, лежат не только и не столько в «особенностях постмодерна», его нигилизме правовом и нравственном, его лоскутном сознании и деформированных отношениях человека с собой и миром. Корни уходят глубже – в отсутствие культуры насилия и в имеющую древние корни традицию жертвоприношения, заменяющую данную культуру.

Как известно, одной из проблем сообществ является «кровная месть», при которой запущенный один раз механизм насилия начал работать безостановочно, требуя все новых убийств, закан-

чивающихся истреблением обеих сторон конфликта. Универсальным механизмом самозащиты общества от беспредела насилия является сосредоточение на жертве: создании «идентифицированного пациента» (пациентов) – девиантных групп, подлежащих уничтожению или трансформации и/или самого «жертвоприношения» как искупления путем малого насилия над жертвой, искупающей большое насилие общества над самим собой. Общество и культура выбрали путь упорядочения: вместо того, чтобы обличить насилие как суть общественных институтов, обладающих повсеместностью и хаотичностью, общество создает каналы и формы допустимого насилия, которое превращается в предсказуемый, локальный и упорядоченный ритуал. Общество фиксируется на насилии, пытаясь «выкинуть» его из себя как болезнь: с помощью другого насилия, которое общество не признает и/или не хочет признавать таковым. В жертву приносятся те, кто отличается, разрушает порядок, то есть сложившиеся ритуалы, культуру насилия: от изгоев до правителей, от сильнейших до слабейших, от умнейших до глупейших, от жесточайших до смиреннейших и т.д. Жажда насилия, ищущая, куда излиться, неминуемо должна найти объект, иначе произойдет «непоправимое»: насилие поразит своего носителя – человека или общество, потом наступит хаос, называемый Р. Жираром «жертвенным кризисом», когда нужно искать новые механизмы защиты и совладания или идти к внутреннему порядку, отказавшись от внешнего. Легче же установить порядок снаружи: появление права и судебной системы стало этапом в развитии узаконенного насилия. Однако, как не бывает последней жертвы, так и не бывает справедливых войн, не бывает и победителей в схватке насилия и агрессии [1; 2; 3]. Насилие «заразно», оно уничтожает человека и общество, уничтожает культуру, выступающую со своими запретами и предписаниями-разрешениями одним из осевых феноменов защиты (профилактики – невхода и коррекции – выхода) от порочного круга насилия. Культура насилия действует аналогично «вакцине», защищающей от болезни применением содержащегося в инфекции яда в малых дозах. Культура помогает обществу и человеку справляться с ростом насилия с помощью комплекса мер,

ограничивающих насилие и трансформирующих формы его проявления. Высший, пиковый, уровень культуры насилия демонстрирует жизнь Христа, ставшего добровольной жертвой: если сознательно принести в жертву того, кто не виноват, можно прекратить насилие отмщающее, разорвать порочный круг взаимного насилия. Только понимая, насколько насилие в отношении данной жертвы безосновательно и несправедливо, можно осознать и несправедливость самого по себе насилия в форме жертвоприношений. Однако сознание противится такому признанию и, тем более, покаянию: редкие представители правоохранительной системы хотя бы сожалеют о сделанном ими, в большинстве случаев преступлениями против невинных и виноватых гордятся. Насилие поэтому всегда остается неузнанным. «... мы продолжаем не понимать воздействие, оказываемое насилием на человеческие общества» [2]. Опираясь на гуманизм и его ценности, люди, к своему удивлению, часто получают «побочные эффекты» в виде фашизма и тоталитарных режимов. Этот феномен описан У. Эко, Р. Жиаром, Ж. Батаем, Ю. Хабермасом и многими другими исследователями духовно-нравственных основ человеческого общества [6]. Право – осуществляет насилие, и, осуществляя его, подменяет осуществление инициацией. Поэтому круг насилия не останавливается, а истории сакрализации жертвы, осознанные и явные, более редки, хотя и очень важны. Традиционные гонения и буллинг, убийства и преднамеренная травля (сталкинг), которые совершаются тайно и неосознанно, «в тишине и беспамятстве», будучи осознанными и признанными, помогают человечеству двигаться дальше, по пути преодоления разрывов в индивидуальном и общественном сознании. И жертвы, и их преследователи (булли, сталкеры) имеют низкий потенциал жизнеутверждения, склонны отрицать жизнь, быть недовольными собой и миром [3]. Самоутверждаясь, они унижают не только объект нападок, но и самих себя. Признавая вину и переживая стыд, беря на себя ответственность, они могут не только разомкнуть круг насилия, но и помочь самим себе и обществу, разрушающему себя войнами, терактами и т.п., – выжить – после свершения насилия. Выход из замкнутого круга насилия – диалог, признание насиль-

ником своей вины и прощение его жертвой, анализ внутренней, а не только внешней структуры насилия. При этом важен диалог самой правоохранительной системы и, шире, государства, с миллионами тех, кого она превратила в «колов отпущения»: они нуждаются в том, чтобы признать свои преступления перед обществом. Сейчас же «уголовное преследование» и иные виды сталкинга (преследований) являются типичными проявлениями синдрома, или феномена Люцифера [4; 15]: духовное состояние, когда «черная дыра» в субъекте столь глубока, что ее не могут заполнить ни власть, ни деньги, ни попытки убийства «еретиков» системы. Это показывает и опыт инквизиции, утвердившей одной из первых диспозиционный подход к пониманию мира, ее «элементы» широко используются для различения зла и избавления мира от «пагубного влияния» его носителей, до сих пор используются – в тюрьмах всего мира, в военных и гражданских исправительных заведениях, а также – в воспитательных, психиатрических, где пытки и насилие настолько «обычны», что таковыми не осмысляются. Когда инквизиция принимала «окончательное решение» в отношении «упорствующего» еретика, то отрекалась от него и «отпускала его на волю»: «отпустить» означало не освободить, а передать светским властям, повелевая им «наказать еретика по заслугам», предать его смерти. Очевидно, что диалога и стремления к диалогу здесь нет. Как нет стремления к диалогу в судах и тюрьмах, сотрудники которых озабочены ишь преследованием, но никак не помощью оступившемуся, не защитой невинного. Культура насилия в современном мире до сих пор практически отсутствует, проблема справедливости, являющаяся ключевой для решения вопросов правоохранения и правозащиты, в том числе, правовосстановления, в современном цивилизованном мире практически неразрешима и элиминирована из реальной практики. Принцип «презумпции невиновности» – всего лишь незначительный реверанс в сторону рационального представления о том, что такое справедливость и законность, что такое обоснованность и уместность насилия. Кроме того, государство и правоохранительная система, подвергаясь постоянным угрозам разрушения от конфликтов извне и изнутри, работают

только в целях самосохранения, решая задачи, связанные с другими людьми и группами лишь в той мере и так, как это представляется выгодным для ее выживания. А общество демонстрирует огромную социальную дистанцию по отношению к тюремному «народу», психически больным и иным «непослушным детям», включая нежелание каким-либо образом включать в свою жизнь не только заботу о заключенных, рабах и иных униженных, но и признавать само их существование, их права и нужды как таких же людей, как и все остальные. Общество давно предало само себя, осуществив отказ от своих потребностей и обязанностей воспитания своих членов, отказ признавать преступными собственное – распространенное в нынешнем веке исключительно потребительское – отношение к жизни, а также стремление переложить ответственность за них на плечи государства, которое задает эти идеалы потребления и занято лишь собственными интересами. В результате доказано может быть лишь то, что выгодно. То, что не вмещается в идею «веры в справедливый мир» и нарушает интересы правоохранительной и правозащитной бюрократии, что могло бы заставить увидеть в «зэке» человека – систематически отсекается. Стигма преступившего закон, как и любая иная стигма, предназначенная именно для того, чтобы обезличить человека и группу, перевести насилие над ним и ущемление его прав в «условия содержания» и «следствие по делу». Вера в справедливый мир, законодательно закрепленная в Конституциях, УК и УПК многих стран, ЕКПЧ, превращается в свою полную противоположность: принцип презумпции виновности. «Люди не могут не заслуживать то, что с ними происходит», – люди и группы находят обоснования и успокоение не только правильным и честным, но и абсолютно бесчестным и незаконным поступкам и деяниям [14]. Эта вера поддерживается так называемыми «чарами реального» (*l'incantation*): пониманием человеком себя и мира как упорядоченных, имеющих причинную и целевую обусловленность структур [18]. Она играет в осмыслении происходящего в мире, социальной среде, роль специфического фильтра, который отсылает человека к базовой идее о закономерности и упорядоченности мира [17. С. 125]. Вера в справедливый мир

заставляет игнорировать неконтролируемые факторы в человеческой судьбе и превозносить свою способность понимать происходящее и, в том числе, судить других людей. На самом же деле, как точно подметил К. Дэрроу: «Такого понятия, как справедливость нет – как в суде, так и вне него» [16. С. 147]. При этом А. Форнхам, например, выдвинул и подтвердил предположение о том, что эта вера могла быть сильнее в несправедливом обществе, например, во времена апартеида и времена «постперестройки». Эта вера помогает объяснить и оправдать многочисленные и очевидные случаи несправедливости, роста насилия и убийств, судебных фальсификаций и т.д., которые существуют в обществе. Наивысший уровень веры имеет место в странах, где негибкая система социальных классов заставляет людей оставаться «на своем месте» [16. С. 363–366; 20]. В России, например, существует нормативно закреплённая тенденция осуждать и наказывать всех, кто попал в тяжелые ситуации, включая самоосуждение и самонаказание, не предполагая никаких каналов или вариантов правосознания. Заключение и их семьи в России подвергаются жесточайшей стигматизации, отчуждению и десоциализации: как государственными, так и общественными структурами. В самих семьях протекают процессы, включающие разрывы внешних и внутренних связей, обвинения и самообвинения. На заключенных «сбрасываются» все неудачи и ошибки сообщества и правящей «элиты»: за счет отчуждения и насилия в отношении этой группы граждан (в психологии именуемой «козлами отпущения») страна пытается поддержать «справедливое равновесие». Однако понятие справедливости в обществе, лишенном нравственных опор, со временем размывается все сильнее, превращаясь в симулякр, этот симулякр поддерживается бюрократией в большей мере, чем в большей мере она тревожится за свое собственное благополучие и будущее [5; 7; 8; 9; 10]. Первое связано, в том числе, с тотальным умалчиванием нарушений прав заключенных и созданием многочисленных препятствий правосознанию. Второе – целенаправленному формированию и развитию «тюремного бизнеса», включая бизнес рабовладельческий. Для многих, попавших в тюрьму более или менее «надол-

го», она есть «путь в один конец». Крайне редко тюрьма становится местом взросления, психологического и духовного развития. Обычно это такая тюрьма, которая живет по законам Бога в большей мере, чем законам юридическим и, тем более, «законам тюрьмы» [8. С. 143–144].

ЛИТЕРАТУРА

1. Виилма Л. Прощаю себе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. Т. 1. 720 с.
2. Жирар Р. Козел отпущения. СПб.: И. Лимбах, 2010. 336 с.
3. Жирар Р. Насилие и священное. М.: НЛО, 2010. 400 с.
4. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 740 с.
5. Ладягин Ю.С. Русский административный восторг // Проблемы теории и практики управления. 2005. № 3. С. 8–15.
6. Местр Ж. де. Сочинения. СПб.: «Вл. Даль», 2007. 300 с.
7. Мухина В.С. Пожизненно заключенные: мотивация к жизни // Развитие личности. Статьи. 2002–2009. 187 с.
8. Николаев В. Из рода в род. М.: СофтИздат, 2010. 208 с.
9. Ницше Ф. Странник и тень // Ницше Ф. Философская проза, стихотворения: сборник. Минск: «Попурри», 2000. 628 с.
10. Ромашов Р.А. Пенитенциарная преступность // Вестник Самарского юридического института. 2013. № 3 (11). С. 9–15.
11. Франкл В. Человек в поисках смысла. М: Прогресс, 1990. 380 с.
12. Fuko M. L'oeil du pouvoir // Bentham J. Le Panoptique. Paris: Belfond, 1977. P. 9–31.
13. Furnham A. Just world beliefs // European J. of Social Psychology. 1985. V. 15. P. 363–366.
14. Lerner M. J. The belief in a just world. N.-Y.: Plenum, 1980. 340 p.
15. Milgram S. Obedience to authority. N.Y.: Harper&Row, 1974. P. 56–58.
16. Philipchalk, R.P. Invitation to social psychology. N.Y.: Harcourt Brace College Publishers, 1995. 566 p.
17. Sears D.O., Peplau L.A., Taylor Sh.E. Social psychology. Englewood Cliffs (New Jersey): Prentice Hall, 1991. 634 p.
18. Semple J. Bentham's Prison. Oxford: Clarendon Press, 1993. 334 p.
19. Social representations / Ed. by R.M. Farr & S. Moscovici. Paris: Cambridge: Cambridge University, 1984. 412 p.
20. Starobinsky J. Jean-Jacques Rousseau. P.: Gallimard, 2006. 457 p.

ПРИМЕНЕНИЕ ПОДЗАКОННЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Александр Анатольевич Беженцев – заместитель начальника кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, подполковник полиции, кандидат юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург; **e-mail: adovd@mail.ru**.

В статье рассмотрены вопросы отечественной правоприменительной практики подзаконных нормативных правовых актов: национальных проектов, государственных стратегий, концепций, основ государственной политики, доктрин и долгосрочных целевых программ, касающихся деятельности по превенции административных правонарушений лиц, не достигших совершеннолетия.

***Ключевые слова:** профилактика правонарушений несовершеннолетних; национальные проекты; государственные стратегии, концепции; основы государственной политики; доктрины; долгосрочные целевые программы.*

Подзаконные нормативные правовые акты – это изданные на базе и во исполнение законов документы, содержащие юридические нормы. На сегодняшний день в отечественной правовой системе получили свое активное развитие такие юридические документы, как национальные проекты, национальные стратегии и концепции, доктрины и долгосрочные целевые программы, которые по своей эффективности в решении актуальных общественных и правовых вопросов могут превосходить нормы функционирующего законодательства [1. С. 74].

Рассмотрим их с позиций приоритетных национальных проектов – программ по росту «человеческого капитала» в России, объявленных 9 сентября 2005 года на первом заседании осенней сессии Государственной думы Федерального собрания Президентом России и реализуемых различными ведомствами на федеральном и субъектном уровне с 2006 года. Это особые концепции развития России путем выработки приоритетных направлений

«инвестиций в человека» таких, как здравоохранение, образование, жилье, сельское хозяйство. По своей юридической сущности национальные проекты представляют из себя векторы, которые показывают курсы эволюции, избранные для качественной модификации жизни в нашей стране.

Сейчас функционируют такие приоритетные национальные проекты, как «Здоровье», «Образование», «Доступное и комфортное жилье гражданам России», «Развитие агропромышленного комплекса». Важным моментом представляется то, что национальные проекты тесно связаны с реализацией федеральных программ, примером могут служить такие программы: «Дети России», «Социальное развитие села», «Жилище» и другие.

В своих исследованиях Ж.П. Дорофеева подчеркивает, что в «инвестиции в человека» по каким-то причинам не вошли ни борьба с социальной бедностью, ни превенция административной деликтности несовершеннолетних, ни предупреждение преступности, то есть элементы, которые также формируют «здоровую нацию». Профилактика правонарушений несовершеннолетних, беспризорность и безнадзорность, подростковая преступность, социальная бедность – не столько проблемы социальной сферы и экономики, сколько вопросы национальной безопасности, перспективы демографического развития, имеющие первоочередную политическую важность. Модное в наше время словосочетание «вложение в человека» на самом деле означает инвестицию в будущее державы, в решение вопроса о том, будет ли существовать российское государство, которое и формирует подрастающее поколение. Поэтому полагаем значительным упущением то, что непосредственно проблемы профилактики правонарушений несовершеннолетних не рассматриваются в рамках национальных проектов.

Другим немаловажным документом являются национальные и государственные стратегии. Стратегия – интегрированная модель действий, определенных для достижения целей, квинтэссенцией стратегии служит набор правил принятия решений, применяемый для выбора главных направлений деятельности.

К сегодняшнему дню в России действуют Государственная

стратегия экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения), Национальная стратегия противодействия коррупции, Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации.

Частично затрагивают вопросы предупреждения безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года и Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы, однако определенных суждений, профилактических целей и задач по превенции административных правонарушений и преступлений не достигших совершеннолетия лиц, они, к сожалению, не содержат, отсутствует и отдельная стратегия по рассматриваемому направлению.

Следующим документом, подлежащим рассмотрению, являются концепции. Концепция (от лат. *conceptio* – понимание, система) – это определенный способ осознания, трактовки какого-либо предмета, явления, процесса, основная точка зрения на предмет, явление, руководящая идея их систематического освещения. Термин «концепция» употребляется для обозначения ведущего замысла, конструктивного принципа в политической, юридической и иных видах деятельности.

Отметим функционирующие в России Концепцию демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, Концепцию общественной безопасности в Российской Федерации, Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года.

Заострим внимание и на близкой согласованности стратегий и концепций, так как они в некоторой степени дополняют и издаются во исполнение друг друга. К примеру, Концепция государственной семейной политики на период до 2025 года направлена на развитие Стратегии в интересах детей на 2012–2017 годы и логически развивает данный документ.

Существуют и такие документы, направленные на решение актуальных проблем в обществе и государстве, как основы госу-

дарственной политики Российской Федерации в определенных сферах и доктрины.

Основы государственной политики – документ, содержащий целенаправленную деятельность органов государственной власти по решению социальных проблем, достижению и осуществлению общезначимых целей эволюции общества или его некоторых сфер. Они являются средством, позволяющим государству достичь установленных целей в конкретной зоне, применяя юридические, финансовые, административные методы влияния, базируясь на ресурсах, имеющихся в его распоряжении. Основы государственной политики содержат план административных действий государственных органов для решения социальных проблем, который содержит вытекающие элементы: выработку политической стратегии и целей; оценку расходов по альтернативным программам, их анализ, консультирование; избрание и принятие решения; мониторинг реализации.

На базе комплексного исследования вопросов, учета их специфики и факторов, воздействующих на проблемы, устанавливаются цели и задачи политики, что позволяет избрать курс и выработать совокупность административных мероприятий для решения того или иного вопроса. Синхронно вырабатывается механизм реализации государственной политики, обеспечивающий выполнение определенных целей и задач.

В России действуют Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года, Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу, Основные положения государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации, Основы государственной культурной политики, Основы государственной политики в области обеспечения химической и биологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года и дальнейшую перспективу и другие.

Так как основы государственной политики принимаются для конкретизации отдельных положений стратегий, концепций, доктрин и имеют главную направленность – реализацию отдельных положений иных правовых документов, что для решения вопросов профилактики правонарушений несовершеннолетних, которые по настоящее время не имеют соответствующего правового закрепления, то, на наш взгляд, это не самый приемлемый вариант правовой регламентации превентивных мер, направленных на противодействие правонарушениям несовершеннолетних лиц.

Доктрина (от лат. *doctrina*) – некоторое систематизированное учение, связанная концепция, совокупность принципов. Как политико-юридический документ доктрина не включает в себя конкретных нормативных предписаний (императивных запретов, дозволений, обязываний), а включает основанные на научных теориях и имеющие юридическое содержание целеполагающие и декларативные нормы [2. С. 6–9]. Образцами доктрин в России являются Военная доктрина Российской Федерации, Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, Экологическая доктрина Российской Федерации, Национальная доктрина образования в Российской Федерации, Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, Экологическая доктрина Российской Федерации, Климатическая доктрина Российской Федерации и иные.

Доктрины – это правовые документы весьма обширного спектра (вопросы обороноспособности страны, национальной, продовольственной безопасности), направленные, в основном, на защиту государства от внешних отрицательных воздействий. Между тем, проблемы профилактики подростковых правонарушений представляют собой внутренние проблемы страны и требуют решения в иных правовых актах.

Изучение перечисленных документов позволяет констатировать, что им не хватает единообразия в принятии и правоприменении, а также требуемого уровня определенности в соотношении формы и содержания, в связи с чем считаем необходимым для предупреждения правонарушений несовершеннолетних от-

дать приоритет долгосрочным целевым программам превенции (примером действующих по другим направлениям являются: программа «Культура России (2012–2018 годы)»; программа «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)»; программа «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах»; программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года»). Этот вид правовых актов представляет собой очень эластичный и многогранный документ, интегрирующий многообразные сферы (общественную, экономическую, образовательную), не использующий императивные предписания и установки, а разрешающий варьировать диспозитивные нормы, показательная результативность от использования которых может быть применена законодателем при подготовке соответствующего нормативно-правового акта, посвященного профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дорофеева Ж.П. Превенция административной деликтности несовершеннолетних: научно-практические основы формирования государственных программ и их реализация в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2016. С. 74.

2. Мадаев Е.О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2012. С. 6–9.

Н.Н. Бухаров

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Николай Николаевич Бухаров – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург; **e-mail:russkif@mail.ru**.

Автором проведено изучение новелл законодательства, регулирующего сеть Интернет, исследованы пути профилактики и противодействия преступлениям, совершаемым с использованием компьютера.

***Ключевые слова:** Интернет; оперативно-розыскная деятельность; преступления, совершаемые с использованием компьютера.*

На сегодняшний день достижения современности в области телекоммуникаций и ежедневное внедрение в массы цифровых технологий во все сферы человеческой жизни в конце XX – начале XXI вв. привело к возникновению новых угроз и рисков в обществе.

За последнее десятилетие (с 2007 по 2016 гг.) количество пользователей Интернетом в России выросло приблизительно в 6,5 раз (2007 г. – 11 млн, 2014 г. – 59,7 млн (43% всего населения), 2016 г. – 68,0 млн (48% всего населения) [2]. За период с 2007 г. по 2014 г. количество пользователей увеличилось на 8,3 млн чел., а в 2020 году этот показатель по прогнозам Министерства связи массовых коммуникаций Российской Федерации может достигнуть 80 млн человек [2]. Интернет стал не просто технологией, а уникальным новшеством, изменившим мир.

Не может не настораживать тот факт, что всё чаще такой безграничный ресурс, как Интернет используют для достижения преступных целей.

За последнее десятилетие сеть Интернет превратилась в виртуальную площадку, где люди выражают идеи и занимаются общественной деятельностью и т.д.

В российском законодательстве кроме главы 28 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за преступления в сфере компьютерной информации, нет иных норм, предусматривающих ответственность за незаконные действия в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации, нет, соответственно, и понятий, определяющих либо регламентирующих незаконные преступные деяния, совершаемые с помощью высоких технологий.

В 2016 г. число зарегистрированных преступлений *в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации* составило 10 227 преступлений, что на 28,3% выше показателя 2015 г. (7974 эпизода) [4].

Стоит также упомянуть о носимом данным видом преступлений латентном характере. По оценкам экспертов, латентность «компьютерных» преступлений в США достигает 80%, в Великобритании – до 85%, в ФРГ – 75%, в России – более 90% [4].

Жертвы редко обращаются в полицию. 1/4 пользователей сети утверждают, что не предпримут никаких действий, став жертвами кибератаки [3]. К тому же органы правопорядка вряд ли бы справились с постоянным потоком жалоб, так как на раскрытие одного преступления требуется в среднем 28 дней и 334 доллара [4].

Таким образом, учитывая вышеизложенную ситуацию, можно сделать выводы о существовании необходимости:

- разработки и реализации в приоритетном порядке в рамках уголовной политики целенаправленной на защиту общества и населения от преступности в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации, в том числе путем принятия соответствующих законодательных актов, ужесточающих свободный доступ без регистраций для использования сетей Интернет. На наш взгляд, для эффективного противодействия преступлениям в сфере высоких технологий необходимо ввести регистрационный контроль и учет продаваемой компьютерной техники. Этот учет можно ввести автоматический (данные компьютера могут прописываться автоматически) при использовании личного логина;

- сотрудничества между государствами и частным сектором в борьбе против преступности в сфере компьютерной информации и необходимость защиты законных интересов в сфере использования и развития информационных технологий;

- принятия нового законодательства, регулирующего общественные отношения в сфере компьютерной информации для сдерживания действий, направленных против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных систем, сетей и компьютерных данных;

- обеспечения уголовной наказуемости деяний в сфере компьютерной информации и предоставления полномочий, достаточных для эффективной борьбы с такими уголовными преступлениями, путем содействия выявлению и расследованию таких уголовных преступлений и судебному преследованию за их совершение, как на внутригосударственном, так и на международном уровнях путем разработки договоренностей относительно оперативного и надежного международного сотрудничества.

Также для эффективной борьбы против преступности в сфере компьютерной информации требуется более широкое, оперативное и хорошо отлаженное межведомственное сотрудничество [1. С. 85].

Необходимо отметить, что недостаток комплексных исследований, высокая латентность Интернет-преступности в России приводят к неэффективности выработанных мер ее предупреждения, которые носят фрагментарный и противоречивый характер, предопределяя трудности в противодействии и борьбе с данным видом общественно опасных деяний. В последнее время вызывает особую тревогу бесконтрольные форумы в сетях Интернет, где на конспиративном и зашифрованном «сленге» происходит продажа различного рода препаратов (от сильнодействующих до наркосодержащих) без рецепта. Кроме того, информация о переписке и своих намерениях удаляются «безличностными» аккаунтами в короткий срок. В этом случае продавец и покупатель друг друга могут и не знать, общение на форуме безличностное, а оплата через электронный кошелек или другие платежные системы.

Представляется, что в новых, стремительно изменяющихся современных реалиях необходимы системное и последовательное исследование в России Интернет-преступности как в целом, так и отдельных, наиболее распространенных ее видов, разработка эффективных мер борьбы и предупреждения преступлений в Глобальной сети, что будет способствовать развитию сетевых технологий в нашей стране. Бездействие государства в этой области, в борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий, способствует увеличению уровня виктимности населения от этих преступлений, тем самым вызовет массовое недовольство жителей, пострадавших от киберпреступников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмедов А.Г., Бозиев Т.О., Бухаров Н.Н. [и др.] Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий. СПб.: ВиТ-Принт, 2011.
2. Министерство внутренних дел России. Раздел статистики: [сайт]. <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 21.09.2016).
3. Мирошников Б.Н. Сетевой фактор. Интернет и общество. Взгляд. М.:

Инфорос, 2016. С. 78–79.

4. Сколько в России интернет-пользователей // Research&trend: [сайт]. URL: http://www.r-trends.ru/trends/social/social_531.html (дата обращения: 25.09.2016).

А.С. Виноградов

К ВОПРОСУ О РЕФОРМИРОВАНИИ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Андрей Сергеевич Виноградов – доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, г. Санкт-Петербург; **e-mail: anvin80@inbox.ru**.

В статье рассмотрены основные подходы к одному из актуальных вопросов современной уголовно-процессуальной науки – совершенствованию стадии возбуждения уголовного дела. На основе анализа научных взглядов автор приходит к выводу о необходимости сохранения данной стадии уголовного судопроизводства в качестве самостоятельной, но при условии ее существенного реформирования.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела; стадия; реформирование; совершенствование; Федеральный закон; уголовный процесс.

Одним из важнейших направлений государственной политики в области противодействия преступности в Российской Федерации является уголовное судопроизводство, назначением которого является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. При этом механизм по защите указанных прав начинает действовать уже на начальном этапе уголовного процесса, в стадии возбуждения уголовного дела, а именно – в ходе рассмотрения сообщения о преступлении [12. С. 15].

Как известно, стадия возбуждения уголовного дела традиционно является первоначальной, обязательной стадией уголовного судопроизводства в так называемой советской уголовно-процессуальной модели, которую принял за основу и современный российский законодатель. Содержанием данной стадии является рассмотрение деятельности соответствующих должностных лиц и

органов по установлению наличия или отсутствия предпосылок для возбуждения уголовного дела, что делает данную стадию важной гарантией соблюдения прав и свобод человека и гражданина [7. С. 84].

В то же время существующий долгие годы в практически неизменном виде институт возбуждения уголовного дела в последнее время является объектом острых дискуссий в уголовно-процессуальной науке.

Повышенную актуальность рассматриваемая проблематика приобрела в связи с изменениями, внесенными законодателем в нормы, регламентирующие начальный этап российского уголовного процесса. Так, Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в ст.ст. 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» по-новому изложил редакцию ст. 144 УПК РФ, значительно расширив круг проверочных действий, производство которых допускается до возбуждения уголовного дела.

Несмотря на это, проблемы стадии возбуждения уголовного дела продолжают оставаться наиболее обсуждаемыми в науке уголовного процесса. При этом диапазон высказываемых точек зрения на перспективы существования рассматриваемой стадии весьма обширен.

Наиболее радикальной является позиция о необходимости упразднения стадии возбуждения уголовного дела в силу отсутствия у нее признаков самостоятельности. Так, А.С. Александров, М.В. Лапатников считают недопустимым разделение познания в уголовном процессе на предварительную проверку, являющуюся, по сути, предпредварительным расследованием, и собственно расследование [1. С. 23–28]. Л.М. Володина полагает, что существование стадии возбуждения уголовного дела препятствует оперативному ходу расследования преступления и влечет утрату доказательств [4. С. 84]. С ней солидарны Н.В. Москаленко и К.А. Пахарьков, которые утверждают, что анализируемая стадия значительно замедляет деятельность органов предварительного расследования, снижая общий эффект досудебного производства [11. С. 295–299]. А.В. Синельников считает, что стадия возбуж-

дения уголовного дела создает предпосылки для нарушения закона и ограничивает доступ граждан к правосудию [13. С. 69].

Второй из наиболее распространенных научных подходов состоит в том, что первая стадия российского уголовного процесса, напротив, является самостоятельной, необходимой и должна оставаться в неизменном виде. Такой подход основан на том, что стадия возбуждения уголовного дела «заводит» уголовно-процессуальный механизм, создавая правовую основу для реализации назначения уголовного судопроизводства [8. С. 38–40].

Однако истина, как это часто и бывает, на наш взгляд, находится посередине: стадию не следует упразднить, но и оставлять в существующем виде тоже нецелесообразно. Такой позиции также придерживается целый ряд процессуалистов, признающих, что назрела необходимость внесения конструктивных изменений в правовое регулирование уголовно-процессуальной деятельности по рассмотрению сообщений о преступлениях с целью устранения существующих законодательных пробелов и оптимизации практики применения предписаний закона. Характерной особенностью такого подхода является то, что его представители, в целом, также ратуют за сохранение стадии возбуждения уголовного дела в качестве самостоятельной стадии российского уголовного процесса.

Так, В.В. Будченко, обращая внимание на недопустимо низкую степень разработанности норм гл. 19 УПК РФ, предлагает устранить явные недоработки законодателя [3. С. 201–204]. О недостаточно высокой технике изложения нормативных новелл, регулирующих деятельность по рассмотрению сообщения о преступлении, ведет речь и И.В. Головинская [6. С. 2–4]. По утверждению О.И. Андреевой, первоначальный этап реагирования на сообщение о преступлении также нуждается в более обширной реформе, а не только в точечных изменениях [26. С. 109–112]. Подобное предложение об изменении правовой регламентации стадии возбуждения уголовного дела высказывают В. Исаенко и Е. Папышева [10. С. 82–84].

В 2016 году научные дискуссии относительно будущего стадии возбуждения уголовного дела как самостоятельной стадии

уголовного процесса активизировались с особой силой. К примеру, А.К. Еликбаев в своей работе, опубликованной в текущем году, также указывает на необходимость реформирования модели возбуждения уголовного дела, признавая ее в существующем виде несовершенной [9. С. 739].

Таким образом, можно сделать общий вывод о том, что суждения сторонников сохранения стадии возбуждения дела и дальнейшего ее реформирования более соответствуют реалиям современного российского уголовного процесса. Не вызывает сомнений, что предварительному расследованию должна предшествовать менее формализованная деятельность, дающая возможность компетентным должностным лицам и органам получать информацию о событии, имеющем признаки преступления. При этом для своевременной фильтрации информационного потока немаловажно, чтобы такая деятельность осуществлялась не только следственными, но и другими способами проверочного характера. Существенным в этом отношении является и тот факт, что отказ от стадии возбуждения уголовного дела негативно отразится на состоянии законности при производстве по уголовным делам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров А.С., Лапатников М.В. Старые проблемы доказательственного права в новой уголовно-процессуальной упаковке «сокращенного дознания» // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 23–28.
2. Андреева О.И. О необходимости стадии возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 356. С. 109–112.
3. Будченко В.В. Механизм совершенствования законодательного регулирования стадии возбуждения уголовного дела // Общество и право. 2010. № 5. С. 201–204.
4. Володина Л.М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе. Томск, 1999. С. 84.
5. Головинская И.В. Практические проблемы возбуждения уголовных дел // Российский следователь. 2007. № 10. С. 2–4.
6. Григорьев В.Н., Прохорова Е.А. Возбуждение уголовного дела: старые проблемы, современные материалы, разные варианты решений // Вопросы правоведения. 2015. № 5. С. 84.
7. Дикарев И.С. Стадия возбуждения уголовного дела – причина неоп-

равданных проблем расследования // Российская юстиция. 2011. № 11. С. 38–40.

8. Еликбаев А.К. Проблема возбуждения уголовного дела: анализ теоретико-правовых оснований // Молодой ученый. 2016. № 8. С. 739.

9. Исаенко В., Папышева Е. О системе уголовно-процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное право. 2009. № 6. С. 82–84.

10. Москаленко Н.В., Пахарьков К.А. Перспективы существования стадии возбуждения уголовного дела в отечественном уголовном судопроизводстве в условиях реформирования структуры органов предварительного следствия // Проблемы борьбы с преступностью на современном этапе: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (16 ноября 2012 г.). Хабаровск: ДВЮИ МВД РФ, 2013. С. 295–299.

11. Сиверская Л.А. Рассмотрение сообщений о преступлениях: правовое регулирование и процессуальный порядок: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 15.

12. Синельников А.В. Уголовная ответственность за уклонение от осуществления уголовного преследования и принятия мер к его обеспечению: проблемы законодательной регламентации и дифференциации: монография. Волгоград, 2010. С. 69.

Т.И. Егорова

ДИАЛЕКТИКА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ

Татьяна Игоревна Егорова – старший преподаватель кафедры уголовного права, Академия ФСИН России, кандидат юридических наук, г. Рязань; e-mail: madamti62@yandex.ru.

В статье рассмотрены основные направления развития уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков. Проанализировано соотношение понятий «наркотические средства», «психотропные вещества», «аналоги наркотических средств или психотропных веществ», «растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества», «потенциально опасные психоактивные вещества», констатируется отсутствие системного подхода к закреплению предмета рассматриваемых преступлений.

Ключевые слова: *незаконный оборот наркотиков; предмет преступления; аналоги; новые потенциально опасные психоактивные вещества.*

Развитие законодательства тесно связано с изменением общественных отношений. В современных весьма динамичных усло-

виях возрастают количество и темпы формирования социальных связей, изменяется их характер и содержание.

Требование актуальности правовых предписаний обуславливает необходимость постоянного совершенствования закона. С момента принятия УК РФ нормы об уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков претерпели наибольшие изменения. В УК РФ Федеральным Законом от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ была, например, изменена редакция ст. 228, введены новые ст.ст. 228.1, 228.2. Изменения, внесенные Федеральным Законом от 01.03.2012 г. № 18-ФЗ, вновь затронули ст.ст. 228, 228.1, 228.2, привели к появлению новых ст.ст. 228.3, 228.4 УК РФ. На дифференциацию и ужесточение ответственности за незаконный оборот наркотиков было направлено принятие ряда других изменений, коснувшихся квалифицирующих признаков и санкций уголовно-правовых норм, регулирующих общественные отношения в рассматриваемой сфере.

Одним из наиболее актуальных направлений совершенствования уголовного закона является систематизация положений об уголовной ответственности за незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ (ст. 234.1 УК РФ). Также в соответствии с Федеральным Законом от 03.07.2016 г. № 328-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части конкретизации понятия «состояние опьянения», понятия «наркотические средства», «психотропные вещества», «их аналоги», «новые потенциально опасные психоактивные вещества» распространены на содержание Общей части УК РФ.

В этой связи можно констатировать наличие тенденции к расширению сферы правовой охраны здоровья населения от немедицинского потребления наркотиков. Относительная новизна проблемы широкого распространения наркомании как угрозы национальной безопасности диктует необходимость формирования стройной системы знаний о сфере регулируемых отношений. Их характер определяется предметом преступного посягательства.

Развитие представлений о наркотиках через историческую призму изменчивости человеческого сознания привело к публицизации наркотических средств. Изначальное древнее отношение к наркосодержащим растениям в условиях мифологического сознания как анимизма или фетишизма уступило место религиозно-

му табу. Распространение медицинских знаний способствовало фармакологическому изучению наркотиков как лечебных препаратов с ядовитыми свойствами.

В середине XIX вв. наркотики приобрели значение для парадигмы цивилизационного развития общества. Известные всемирной истории «Опиумные войны» являются дескриптивным примером успешного включения немедицинского потребления наркотиков в культуру народа.

Однако современный период наркотизации населения характеризуется еще большей агрессивностью наркоэкспансии, демонстрирующей не только нарастающие количественные темпы незаконного оборота наркотиков, но и качественные изменения психоактивных веществ, приобретающих все более концентрированный вид. В этой связи уголовное законодательство в своем стремлении охватить максимально возможный круг проявлений наркотизма весьма непоследовательного определяет предметную сферу регулирования.

Эксессивное апеллирование уголовным законом различными терминологическими категориями, обозначающими наркотики, нарушает объективную связь между рассматриваемыми предметами преступлений.

В действительности фармакологический смысл терминов «наркотические средства» и «психотропные вещества» не всегда соответствует юридическому понятию, отраженному в списках перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства РФ от 30.06.1998 № 681. Так, ряд, с точки зрения медицинской науки, психотропных веществ в настоящее время не отнесен к таковым ни международным, ни национальным правом (например, хлорпромазин – ларгоктил, аминазин) [1. С. 51].

Следует заметить, что аналоги наркотических средств и психотропных веществ относятся к наркотикам как особенное к единичному, а растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, – как часть к целому, единому. До сих пор не уяснено использованное законодателем понятие «новые потенциально опасные психоактивные вещества». Несмотря на наличие определенной правовой базы, регламентирующей статус рассматриваемых предметов преступлений, фармакологическая

составляющая данных веществ остается дискуссионной. Большинство авторов отмечают сходство новых потенциально опасных психоактивных веществ с наркотическими средствами, психотропными веществами, сильнодействующими и ядовитыми веществами [2. С. 80; 3. С. 8].

Структурное расположение ст. 234.1 в главе 25 УК РФ дает основание полагать, что новые потенциально опасные психоактивные вещества имеют отношение к сильнодействующим или ядовитым веществам. Вместе с тем, согласно пояснительной записке к проекту Федерального Закона № 638953-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» законопроект «направлен на противодействие обороту новых психоактивных веществ, воспроизводящих основную химическую структуру наркотических средств или психотропных веществ и схожих с ними по физиологическому воздействию на организм человека (так называемых спайсов)». Однако общеизвестно, что спайсы относятся к группе синтетических наркотиков: JWH, AM, MN, O, URB, CP, HU, HC, A, АКВ, JTE, PTS, STS, PN, адамантан и т.д.

Так, постановлением по делу об административном правонарушении Мирового судьи судебного участка № 2 Приволжского судебного района в Ивановской области от 27 сентября 2016 г. Чернов признан виновным в потреблении нового потенциально опасного психоактивного вещества «Спайс» (каннабиноида JWH-018), включенного в перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в РФ, утвержденный Постановлением Правительства РФ и отнесены к наркотическим средствам, оборот которых в РФ запрещен (ч. 1 ст. 6.9 КоАП РФ).

Таким образом, под новыми психоактивными веществами ошибочно понимаются аналоги наркотических средств и психотропных веществ, относящихся к категории синтетических каннабиноидов. Очевидно, что ст. 234.1 предусматривает более мягкие санкции по сравнению со ст.ст. 228–228.1 УК РФ и не может быть применена при квалификации незаконного оборота аналогов наркотических средств и психотропных веществ.

Как представляется, задача законодателя в части уточнения предметов преступлений в ст.ст. 228–232 и ст. 234.1 УК РФ состоит в использовании средств юридической техники, позволяю-

щих донести лицам, обязанным соблюдать закон, содержание правовых предписаний. Однако перечисление в диспозициях статей различных по уровню соотношения друг между другом предметов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, приводит к выхолащиванию духа уголовно-правовых запретов, носящих всеобщий охранительный характер. В то же время соблюдение требования лапидарности изложения правовой нормы не должно препятствовать уяснению ее содержания.

Использование законодателем терминов «средства», «вещества» наряду с понятием «аналоги» создает впечатление материальной подобности данных предметов, характеризующихся определенными физическими состояниями: жидким, порошкообразным и т.д. Однако в соответствии с Федеральным Законом от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» аналогия между средствами устанавливается на основании внутренних характеристик: схожести химической структуры и психоактивных свойств (ст. 1).

Отсутствие в УК РФ доступного понятия средств, представляющих угрозу для здоровья населения, изъятых из свободного гражданского оборота создает трудности в уяснении общественной опасности незаконного оборота наркотиков для здоровья населения. Терминологическое перенасыщение ст.ст. 228–232 и ст. 234.1 УК РФ создает дополнительные трудности в уяснении рассматриваемых уголовно-правовых норм, приводит к смешению различных по уровню познания предметов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пуклич Т.И. уголовная ответственность за незаконные изготовление, приобретение, хранение, перевозку, пересылку либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. 233 с.

2. Свистильников А.Б., Новоселов Н.Г., Моисеев Н.А. Теоретические и прикладные аспекты противодействия преступности органами внутренних дел проблемы борьбы с новыми потенциально опасными психоактивными веществами // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 4. С. 77–82.

3. Фёдоров А.В. Вопросы криминализации и квалификации оборота потенциально опасных психоактивных веществ // Антинаркотическая безопасность. 2016. № 1(6). С. 5–14.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗЦОВ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Елена Сергеевна Иванова – преподаватель кафедры криминалистических экспертиз и исследований Санкт-Петербургского университета МВД России, г. Санкт-Петербург; **e-mail: ivas-1977@mail.ru**.

Альбина Владимировна Бачиева – доцент кафедры криминалистических экспертиз и исследований Санкт-Петербургского университета МВД России, г. Санкт-Петербург; **e-mail: albinab07@mail.ru**.

В статье рассматриваются проблемные вопросы получения образцов для сравнительного исследования в ходе следственных действий и в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий.

***Ключевые слова:** образцы для сравнительного исследования; принудительное получение образцов; получение образцов в ходе ОРМ; участники уголовного процесса.*

Криминалистической и уголовно-процессуальной наукой до сих пор не решен вопрос принудительного получения образцов для сравнительного исследования. Многие практикующие юристы поддерживают мнение Е.Р. Россинской, которая утверждает, что в исключительных случаях при отказе предоставить образцы, те из них, характер которых это допускает, могут быть получены принудительно [8]. При этом процедура принудительного получения образцов ни одним нормативно-правовым документом не регламентируется. И нет единого подхода к толкованию принудительного получения образцов, так что зачастую практические работники, преодолевая активное или пассивное сопротивление их принудительным действиям, применяют физическую силу. А это, в свою очередь, может привести к нарушению положений ч. 4 ст. 164 УПК РФ.

Многие ученые пытались сформулировать и определить возможные пределы принуждения в части получения образцов для сравнительного исследования и саму процедуру их получения. Так, Д.К. Брагер и А.И. Погореленко полагают, что получение сравнительных образцов вопреки воле заинтересованного лица (когда характер образцов позволяет осуществить их получение

без добровольного согласия последнего) возможно в крайних случаях и при соблюдении следующих дополнительных требований: вынесения мотивированного постановления; уведомления суда / получения его санкции; обеспечения присутствия понятых; оформления процесса получения образцов соответствующим протоколом; получения консультации и справки медицинского учреждения о безопасности для здоровья конкретного лица процедуры получения у него образцов [1]. В.А. Жбанков, который подробно исследовал проблематику получения образцов, придерживается четкой позиции, что их нельзя изымать принудительно в связи с тем, что не установлена ответственность за отказ от дачи образцов [3. С. 15]. Н.И. Долженко, напротив, указала на возможность принудительного получения образцов, так как право на их получение следователем отражено в уголовно-процессуальном законе, следовательно, у граждан появляется обязанность предоставить образцы [2. С. 23]. Согласимся с такой позицией, потому как недобросовестные участники уголовного процесса, естественно, заинтересованы в противодействии следствию.

В целях исправления сложившейся ситуации некоторые ученые-криминалисты неоднократно высказывали предложения о внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и предлагают дополнить ст. 202 УПК РФ пунктом, предусматривающим после получения судебного решения принудительное изъятие образцов для сравнительного исследования у лиц, которые отказываются добровольно их предоставить. Часть 2 ст. 29 УПК РФ полагают необходимым дополнить пунктом, дающим право суду принимать решения о производстве принудительного получения образцов для сравнительного исследования при отказе лица, в отношении которого вынесено постановление, предоставить образцы добровольно [1. С. 16; 4. С. 46]. Тем самым процедура принудительного получения образцов для сравнительного исследования будет четко урегулирована.

Такой же неоднозначный подход в юридической науке существует и к результатам оперативно-розыскной деятельности в части касающейся образцов, сбор которых осуществлялся в ходе оперативно-розыскного мероприятия «Сбор образцов для сравни-

тельного исследования». Так, Ю.А. Кудрявцева и некоторые другие ученые исследовали порядок сбора образцов для сравнительного исследования в ходе производства оперативно-розыскных мероприятий и вопросы получения образцов для сравнительного исследования в решениях Европейского суда по правам человека и высших судебных органов России. Проанализировав, они пришли к выводу, что полученные образцы в ходе оперативно-розыскных мероприятий, проведенных по поручению следователя и переданные с соблюдением требований Инструкции о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, утвержденной Приказом МВД России от 27 сентября 2013 года № 776, могут быть использованы для формирования доказательственной базы [6]. Но указанные образцы должны соответствовать требованиям, предъявляемым к ним. А именно:

- несомненность происхождения (в некоторых решениях высших судебных органов России указано, что именно из-за отсутствия указанного свойства у образцов, полученных в ходе ОРМ, делают их невозможными для уголовно-процессуального доказывания);

- репрезентативность, то есть достаточное количество;
- сопоставимость.

Соблюдение перечисленных требований в данном случае обеспечит специалист-криминалист, которого целесообразно привлечь к подготовке и проведению ОРМ [5. С. 93].

Необходимо указать, что сотрудники следственных органов и оперативных подразделений, планируя получение образцов для сравнительного исследования в ходе ОРМ, должны принимать во внимание решение Конституционного Суда РФ от 24 января 2008 г. №104-О-О, в котором отмечено, что оперативно-розыскные мероприятия, проводимые в рамках предварительного расследования по уголовному делу, не должны «подменять процессуальные действия, для осуществления которых уголовно-процессуальным законом, в частности ст. 202 УПК РФ установлена специальная процедура» [7]. В настоящее время в Федеральные суды города Санкт-Петербурга направлено несколько уголовных дел, в

ходе предварительного расследования которых проводились ОРМ с целью получить образцы голоса и почерка от лиц, находящихся в местах содержания под стражей и отказавшихся предоставить их. В связи с невозможностью получить их добровольно из-за активного противодействия следствию (в данных случаях принудительно получить не представляется возможным), следователями были приняты решения поручить проведение ОРМ оперативным подразделениям, осуществляющим оперативное сопровождение данных уголовных дел. Оперативные подразделения, учитывая вышеуказанное решение Конституционного Суда РФ, в случае получения образцов голоса, провели ОРМ «Наблюдение», санкционированное судом, в ходе которого осуществлялся контроль с фиксацией на аудионосители. В результате проведения данного ОРМ были получены свободные образцы голоса. На наш взгляд, в данном конкретном случае был соблюден весь процессуальный порядок, и полученные образцы голоса возможно использовать в качестве образцов для сравнительного исследования в процессе проведения фоноскопической экспертизы, результаты которой являются допустимыми доказательствами по уголовному делу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагер Д.К., Погореленко А.И. Проблемы получения образцов для сравнительного исследования в правоприменительной практике // Белгород: Вестник Белгородского юридического института 2010. № 1/15. С. 13–16.
2. Долженко Н.И. Образцы для сравнительного исследования и тактика получения экспериментальных образцов. М.: Юрлитинформ, 2003. 112 с.
3. Жданков В.А. Получение образцов для сравнительного исследования: учеб. пособие. М.: УМЦ при ГУК МВД России, 1992. 55 с.
4. Иванова Е.С., Бачиева А.В. Криминалистические аспекты использования образцов для сравнительного исследования // Журнал правовых и экономических исследований. 2016. № 1. С. 42–47.
5. Иванова Е.С., Дубовик Е.С. Некоторые аспекты получения образцов для сравнительного исследования // Актуальные проблемы юриспруденции и пути решения. 2016. № 1. С. 92–94.
6. Кудрявцева А.В., Кудрявцева Ю.А. Получение образцов для сравнительного исследования в уголовном судопроизводстве России (процессуальная природа, порядок, доказательственное значение): монография М.: Юрлитинформ, 2014. 208 с.

7. Определение Конституционного Суда РФ от 24 января 2008 г. № 104-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бухрова Дмитрия Юрьевича в нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 84, 86, 89 УПК РФ и ст.2 и 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». М.: Статут, 2002. 133 с.

А.Е.Козлов

НЕУПЛАТА СРЕДСТВ НА СОДЕРЖАНИЕ ДЕТЕЙ ИЛИ НЕТРУДОСПОСОБНЫХ РОДИТЕЛЕЙ В НОВЕЛЛАХ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 2016 ГОДА

Александр Евгеньевич Козлов – доцент кафедры уголовного права и криминологии Федерального Государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации», кандидат юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург; **e-mail: ask-a.e.kozlov@yandex.ru**.

В статье рассмотрены основные подходы к пониманию регулирования неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей в новеллах уголовного законодательства 2016 года.

Ключевые слова: алиментные обязательства; неуплата; ст. 157 УК РФ; неисполнение обязанности; обвинительный приговор; административное наказание; уголовная ответственность.

Действующий Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) предусматривает различные виды алиментных обязательств в семье, наиболее распространенными из которых выступают алиментные обязательства между родителями и детьми. В зависимости от субъектного состава различаются алиментные обязательства по содержанию несовершеннолетних детей (ст. 80 СК РФ); алиментные обязательства по содержанию совершеннолетних нетрудоспособных детей (ст. 85 СК РФ); алиментные обязательства по содержанию нетрудоспособных и нуждающихся в помощи родителей (ст. 87 СК РФ). Данные обязательства, в отличие от обязательств между другими членами семьи, имеют значительное «моральное отягощение», поскольку речь идет о необхо-

димости принудительного предоставления средств на содержание самых близких родственников.

К сожалению, многие плательщики алиментов, будучи обязанными не только предоставлять средства на содержание соответствующих получателей, но и исполнять судебные акты о взыскании алиментов, не делают этого добровольно. И лишь применение мер административной и уголовной ответственности может способствовать выплате алиментных платежей.

По данным пресс-службы Федеральной службы судебных приставов России, только благодаря принятию мер уголовно-правового характера в виде предупреждения об уголовной ответственности по ст. 157 УК РФ, возбуждения уголовного дела, вынесения обвинительного приговора в 2013 году погашена задолженность на сумму 224,3 млн руб., в 2014 году – 327,1 млн руб., за 2015 год – 549 млн рублей. Принимаемые меры воздействия на должников позволили снизить количество исполнительных производств, по которым должники не приступили к выполнению обязательств по выплате алиментных платежей. По состоянию на 01.06.2016 г. количество таких исполнительных производств составило 225,8 тыс., что на 41 тыс. производств меньше, чем на 01.06.2015 г. (266,8 тыс. исполнительных производств) [1. С. 25].

В июле 2016 г. были приняты федеральные законы, которые существенным образом изменили механизм уголовной ответственности за непредоставление средств на содержание детей и родителей. В частности, из соответствующей нормы исключено понятие «злостное уклонение от уплаты алиментов», но при этом оно осталось в ст. 69 СК РФ. Изменился и подход законодателя к определению оснований для применения мер и административной, и уголовной ответственности за неуплату алиментов. Нельзя оставить без внимания и некоторые расхождения в определении субъектов алиментных обязательств и потерпевших при совершении административного правонарушения или преступления.

В связи с этим актуален вопрос конгруэнтности норм семейного, административного и уголовного законодательства, в том числе используемых законодателем категорий и понятий.

Итак, согласно указанным федеральным законам, ст. 5.35.1.

Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях теперь именуется как «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей». При этом состав соответствующего правонарушения определен следующим образом: «Неуплата родителем без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание несовершеннолетних детей либо нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, в течение двух или более месяцев со дня возбуждения исполнительного производства, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния».

Аналогичным образом определен состав правонарушения и при неуплате средств на содержание родителей.

Уголовно же наказуемое деяние обозначено в ст. 157 Уголовного кодекса РФ. «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей». Признаком, определяющим уголовную наказуемость, является неоднократность совершенного деяния.

Обратившись к примечанию ст. 157 УК РФ, можно проследить предусмотренное законодателем условие – неуплата средств на содержание приобретает характер преступления, если:

- во-первых, плательщик алиментов был подвергнут административному наказанию за аналогичное деяние;
- во-вторых, неуплата средств имеет место в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию.

Из этого следует, что ныне действующее законодательство предусматривает так называемую административную преюдицию как условие для назначения неплательщику алиментов уголовного наказания.

Необходимо обратить внимание на то, что из лексикона законодателя при характеристике соответствующего правонарушения исключено понятие «злостное уклонение» [2. С. 20].

Критерии оценивания «злостности» достаточно часто выступали предметом обсуждения ученых и правоприменителей. И. Козаченко и В. Курченко; они, анализируя материалы правоприменительной практики, отмечали отсутствие единой позиции по

вопросу о количестве предупреждений и о сроках уклонения от исполнения обязанностей. Так, в отдельных субъектах РФ органы прокуратуры для привлечения должника к уголовной ответственности требовали наличия не менее двух предупреждений должника и не менее 4 месяцев уклонения его от уплаты задолженности, в других – достаточно трех предупреждений и уклонения от погашения задолженности в течение 3–12 месяцев.

Заметим, что понятие «злостное уклонение» по-прежнему присутствует в редакции ст.69 СК РФ, а соответствующее деяние выступает самостоятельным основанием для лишения родителей (одного из них) родительских прав. Однако признаки, позволяющие определить уклонение от уплаты алиментов как злостное, в названной статье СК РФ не указаны. Отсутствуют какие-либо разъяснения и в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей».

В отличие от прежней, новая редакция ст. 157 УК РФ предусматривает дополнительное условие, квалифицирующее деяние как преступление, – отсутствие у плательщика уважительных причин для неуплаты средств. Безусловно, правоприменитель имеет широкие возможности, оценивая причины различного характера как уважительные или, наоборот, неуважительные в каждой конкретной ситуации [3. С. 46].

Обращает на себя внимание и изменение акцента законодателя. Согласимся, «злостность» предполагала явный умысел плательщика на создание неблагоприятных материальных условий для получателя алиментов. В то время как конструкция «без уважительных причин», с одной стороны, не предполагает наличие умысла плательщика, но, тем самым ухудшает его положение, поскольку данная оценочная категория потенциально более объемна, нежели «злостное уклонение».

Итак, что может быть учтено правоприменителем в качестве уважительных причин, исключающих административную и, возможно, последующую уголовную ответственность плательщика при неуплате алиментов?

Если обратиться к разъяснениям Пленума Верховного суда РФ

в постановлении № 10, можно предположить аналогию. В частности, в п. 12 данного постановления указывается: «Исходя из ст. 69, 73 СК РФ не могут быть лишены родительских прав лица, не выполняющие свои родительские обязанности вследствие стечения тяжелых обстоятельств и по другим причинам, от них не зависящим (например, психического расстройства или иного хронического заболевания)». Напомним, что это относится и к такому основанию для лишения родительских прав, как злостное уклонение от уплаты алиментов.

По мнению Е.А. Усачевой, «Неисполнение алиментной обязанности в отсутствие соглашения есть нарушение закона и неисполнение решения суда, за что уголовная ответственность при определенных условиях вполне адекватна. В то же время распространение норм ст. 157 УК РФ на уклонение от уплаты алиментов по соглашению являло бы собой уголовную ответственность за неисполнение договорных обязательств, что нельзя, по нашему мнению, признать приемлемым» [3. С. 81].

Какие бы ни высказывались мнения ученых и практиков, действующая редакция ст. 157 УК РФ включает в состав преступления и неуплату средств на содержание «в нарушение нотариально удостоверенного соглашения».

Выражая солидарность со многими учеными, заметим, что действующее гражданское и семейное законодательство, устанавливая правила регулирования договорных отношений, допускает и применение соответствующих общих и специальных санкций. В частности, ст. 115 СК РФ допускает взыскание неустойки и иные последствия, определенные соглашением об уплате алиментов; в ст. 113 СК РФ установлен порядок определения задолженности по алиментам, в том числе при наличии соглашения об уплате алиментов.

Как известно, алименты на содержание несовершеннолетних детей могут взыскиваться на основании судебного приказа. Данный документ представляет собой самостоятельное судебное постановление, вынесенное судьей единолично на основании заявления о взыскании денежных сумм (ст. 121 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ)).

Представляется недопустимым полное отождествление судебного решения и судебного приказа о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей с точки зрения применения ст. 157 УК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козаченко И., Курченко В. Спорные вопросы понятия злостного уклонения от уплаты алиментов // Уголовное право. 2014. № 6. С. 25–29

2. Макеева О.А. Ответственность в алиментных обязательствах – основные особенности и порядок реализации // Семейное и жилищное право. 2010. № 1. С. 17–20.

3. Рубченко А.Н. О совершенствовании уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 35. С. 45–49.

4. Усачева Е.А. К вопросу о целесообразности введения уголовной ответственности за злостное уклонение от уплаты алиментов по алиментному соглашению // Вестник Воронежского института ФСИИ России. 2015. № 3. С. 78–81.

Л.Ю. Ларина

ОБРАТНАЯ СТОРОНА НОВЕЛЛ УК РФ (НА ПРИМЕРЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ АДВОКАТОВ)

Любовь Юрьевна Ларина – доцент кафедры уголовного права и процесса, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, кандидат юридических наук, доцент, г. Рязань; **e-mail: larina1708@yandex.ru.**

В статье на основе некоторых изменений, внесенных в УК РФ в июле 2016 г., проанализированы негативные последствия нововведений на примере уголовной ответственности адвокатов. Автор акцентирует внимание на недопустимости изменений УК РФ без тщательной их проработки на научном уровне.

Ключевые слова: новеллы; УК РФ; адвокат; преступления; уголовная ответственность; изменения.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) был принят двадцать лет назад, однако постоянно подвергается изменениям и дополнениям. Коррективы в УК РФ были внесены 196 федеральными законами, которые затронули большую часть его норм. Не отрицая необходимости изменения норм УК РФ,

следует отметить их несистемный характер, отсутствие криминологической обоснованности и детальной проработки. Все это, порой, показывает «обратную сторону» таких новелл, когда, как минимум, законодательные решения оказываются неприменимыми к отдельным ситуациям и, как максимум, влекут негативные последствия их применения.

В числе последних изменений следует отметить «массовое» изменение целого ряда статей УК РФ несколькими федеральными законами в июле 2016 г. Попробуем проиллюстрировать их обратную сторону на примере уголовной ответственности адвокатов.

Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» были существенно изменены нормы о коррупционных преступлениях. К числу достоинств данного закона следует отнести введение в санкции статей исчисления штрафа не только в кратном размере, но и в денежном выражении, а также в размере дохода осужденного и попытку расширения составов коррупционных преступлений.

Стремление к совершенствованию уголовно-правовых норм, направленных на борьбу с коррупцией, законодатель демонстрирует довольно регулярно, подтверждением чему служат постоянные изменения коррупционных преступлений в УК РФ. Причем, вносимые изменения демонстрируют желание законодателя дифференцировать уголовную ответственность за коррупционные преступления не только исходя из размера предмета такого преступления, но и в зависимости от выполняемых коррупционером профессиональных функций. Адвокат не указан ни в одной статье УК РФ в качестве специального субъекта преступления, однако судебная практика показывает, что именно адвокаты оказываются часто вовлеченными в рассматриваемые преступления. Подтверждают это и исследования других авторов [1. С. 81]. При этом адвоката нельзя признать ни должностным лицом, ни лицом, использующим свое служебное положение, в силу специфики статуса адвоката, закрепленного в Федеральном

законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Вместе с тем на практике встречаются случаи, когда адвокаты в ходе осуществления своих профессиональных обязанностей совершают посредничество во взяточничестве либо мошенничество. В этом случае они несут ответственность на общих основаниях, без учета использования ими своего профессионального положения. Этот вывод подтверждается и судебной практикой, когда при совершении преступлений квалифицирующий признак «с использованием своего служебного положения» адвокатам не вменяется [2; 3]. Получается, что законодатель не признает повышение общественной опасности при совершении таких деяний адвокатами, что представляется необоснованным.

Более того, в случае, если адвокат получит незаконное вознаграждение за осуществляемые в рамках профессиональной деятельности действия или бездействие (как законные, так и незаконные), то содеянное вообще не будет влечь уголовной ответственности (исключение составят случаи мошенничества). Такой подход законодателя, как минимум, вызывает сомнения в обоснованности, особенно с учетом наличия ответственности за получение спортсменами незаконного вознаграждения (ст. 184 УК РФ в редакции от 3 июля 2016 г.). Общественная опасность последнего деяния не выше общественной опасности аналогичного деяния, совершенного адвокатом. Любые преступления, совершенные адвокатом в сфере своей профессиональной деятельности, безусловно, создают угрозу для реализации конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи и способны причинить ущерб отношениям в сфере правосудия, однако уголовной ответственности в соответствии с УК РФ такие действия не влекут.

С учетом изложенного можно рекомендовать законодателю сосредоточиться не на введении новых составов, построенных не по казуальному принципу, а на формулировании более общего состава, применимого к коррупционным проявлениям в самых разнообразных сферах общественной жизни. Кроме того, необходимо расширить понятие «совершение преступления с использованием служебного положения», включив в него любых лиц, ис-

пользующих при совершении преступления свой профессиональный статус.

Федеральным законом от 6 июля 2016 № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» были внесены существенные изменения в главу 24 УК РФ. Одним из изменений стало введение в УК РФ статьи 205⁶, в которой предусмотрена ответственность за несообщение в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ. Тем самым законодатель ввел уголовную ответственность за недонесение о преступлении, о необходимости которой в науке уголовного права высказывались неоднократно [4. С. 10; 5. С. 334].

В примечании к данной статье содержится правило, в соответствии с которым лицо не подлежит уголовной ответственности за несообщение о подготовке или совершении преступления его супругом или близким родственником. Тем самым ограничен круг субъектов рассматриваемого преступления, что вполне соотносится с закрепленным в ч. 1 ст. 51 Конституции РФ положением о том, что никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников. При этом возникает вопрос, в связи с чем из субъектов данного преступления не исключены адвокаты, которые обязаны хранить адвокатскую тайну.

Парадокс рассматриваемой ситуации заключается в том, что сообщить о лице, совершившем террористическое преступление, адвокат обязан, однако в силу ч. 3 ст. 56 УПК РФ он не подлежит допросу в качестве свидетелей об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи. Кроме того, в силу УК РФ адвокат под страхом уголовной ответственности обязан сообщить о преступлении, о котором ему стало из-

вестно в связи с оказанием юридической помощи. Однако за эти же действия, которые с точки зрения ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» будут являться разглашением адвокатской тайны, адвокат несет ответственность в виде лишения статуса адвоката.

Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» был изменен ряд статей Особенной части УК РФ и введена новая мера уголовно-правового характера – судебный штраф, применяемый при освобождении от уголовной ответственности. В качестве условий его применения законодатель в соответствии со ст. 76² УК РФ указывает совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести и заглаживание причиненного преступлением вреда. В случае совершения преступления адвокатом (например, посредничества во взяточничестве по ч. 1 ст. 291¹ УК РФ или фальсификации доказательств по ч. 1 или ч. 2 ст. 303 УК РФ), он может быть освобожден от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, а, значит, сможет продолжить осуществлять адвокатскую деятельность. Обращает на себя внимание тот факт, что законодатель не ввел никаких специальных критериев применения судебного штрафа. Получается, что в каждом случае, если будет установлено заглаживание причиненного вреда по впервые совершенным преступлениям небольшой или средней тяжести, суд обязан освободить от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Такой подход представляется недопустимым и противоречащим принципам уголовного закона.

Рассмотренные нами некоторые особенности применения новелл УК РФ позволяют констатировать, что недопустимо вносить изменения в УК РФ без тщательной их проработки на научном уровне, предполагающем моделирование возможных последствий практического применения. Кроме того, необходимо рассчитывать и учитывать криминологический эффект от вносимых в УК РФ изменений. Отсутствие учета указанных обстоятельств

способствует появлению «обратной стороны» законопроектов, принимающихся с самыми благими целями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козьякин Н.Я. Свойства личности адвокатов, совершивших преступление в сфере своей профессиональной деятельности // Правовая культура. 2014. № 3 (18). С. 80–84.

2. Приговор Симоновского районного суда г. Москвы от 28 января 2011 года по уголовному делу № 1-44/2011 // Симоновский районный суд города Москвы: [сайт]. URL: http://simonovsky.msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=155244206&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 10.09.2016).

3. Приговор Энгельсского районного суда Саратовской области от 7 февраля 2013 года по уголовному делу №1-9/2013 // Энгельсский районный суд Саратовской области: [сайт]. URL: http://engelsky.sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=29708&delo_id=1540006&new=0 (дата обращения: 10.09.2016).

4. Сережкина К.Н. Прикосновенность к преступлению в уголовном праве России: оптимизация норм и практики их применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. 24 с.

5. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. IX. Соучастие в преступлении / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. 528 с.

А.Л. Лебедь

НОВЕЛЛЫ НОРМ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КРАЖУ В РОССИИ

Анна Леонидовна Лебедь – старший преподаватель кафедры уголовного права, Российский государственный педагогический университет им. И.А. Герцена, г. Санкт-Петербург; **e-mail:aleo.varlamova@gmail.com**.

Статья посвящена июльским новеллам норм уголовной ответственности за кражу в России. Новеллы увеличили сумму хищения, при которой наступает уголовная ответственность с 1 000 рублей до 2 500 рублей. Статья освещает новеллы уголовного и административного права России.

Ключевые слова: кража; мелкое хищение; статистика; новелла; деятельность федеральных судов; уголовное законодательство.

Статья 158 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) определяет кражу как тайное хищение чужого имущества. Верховный Суд

РФ в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» кражу, грабеж и разбой называет наиболее распространенными преступлениями против собственности. Согласно сводным статистическим данным о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2013–2015 годы («Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции»), составленным Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, кража по количеству поступивших и рассмотренных дел занимает первое место среди всех преступлений против собственности. За первое полугодие 2016 года остаток неоконченных дел на начало отчетного периода – 24 762, поступило дел в отчетном периоде – 138 692, окончено 130 956 дел, рассмотрено по существу с вынесением приговора 96 366, осуждено 109 056 человек, оправдано – 52. В соответствии с Отчетом о судимости за 2011–2015 годы Судебного департамента Верховного Суда РФ «Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2011–2015 годы» прослеживается следующая динамика осужденных по приговорам, вступившим в законную силу по ст.158 УК РФ (число осужденных): 2011 год – 237 640 человек, 2012 год – 224 268, 2013 год – 213 848, 2014 – 198 989 и 2015 год – 209 611, из них осужденных, совершивших преступления в возрасте 14–17 лет (число осужденных): 2011 год – 17 414 человек, 2012 год – 15 710, 2013 год – 14 381, 2014 год – 10 329 и 2015 год – 10 243.

Одновременно правоприменительная практика ст. 7.27 «Мелкое хищение» Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) за первое полугодие 2016 года указывает на ее лидирующую позицию среди иных составов гл. 7 «Административные правонарушения в области охраны собственности»: остаток неоконченных дел на начало года – 892, всего поступило дел за отчетный период – 62 240, всего рассмотрено дел – 61 836, всего лиц, подвергнутых наказанию – 55 278 человек [7]. Как указывает МВД РФ в отчете о состоянии преступности за период январь-июль 2016 года почти половину всех зарегистрированных преступлений (43,7%) составляют хищения чужого имущества;

каждая четвертая кража сопряжена с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище; каждое тридцать второе зарегистрированное преступление – квартирная кража (в январе–июле 2016 года их число сократилось на 7,5% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года) [3]. Приведенная статистика указывает на необходимость усиления правовой защиты института собственности. Важно отметить, что судебная статистика в связи с введением исследуемой новеллы (второй квартал 2016 года) на сегодня еще не представлена, что дополнительно указывает на необходимость проведения самостоятельного исследования ее правоприменения.

Федеральным законом № 323-ФЗ от 03.07.2016 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности», п.п. 2 и 4 примечаний ст. 158 УК РФ изложены в новой редакции, а также п.8 дополнена ст.158¹ УК РФ «Мелкое хищение». Статья 158¹ УК РФ предусматривает уголовную ответственность за мелкое хищение чужого имущества, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренному ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ. В соответствии со ст. 7.27 КоАП РФ (в ред. Федерального закона от 03.07.2016 г. № 326-ФЗ) административной ответственности подлежит мелкое хищение чужого имущества, стоимость которого не превышает одну тысячу рублей (ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ), а также мелкое хищение чужого имущества стоимостью более одной тысячи рублей, но не более двух тысяч пятисот рублей (ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ). Таким образом, новеллы ст.158 УК РФ и 7.27 КоАП РФ выражаются в уголовной ответственности за мелкое хищение чужого имущества лица, ранее подвергнутому административному наказанию за мелкое хищение по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ (профилактика рецидива мелких хищений). При квалификации деяния как преступления или административного правонарушения определяющим является размер ущерба, составляющего с 03.07.2016 г. две тысячи пятьсот рублей. Новелла не распространяется на квалифицированные виды кражи.

Полемику в научно-практической правовой сфере, кроме иных новелл уголовного права и уголовного процесса, вызывало увеличение суммы хищения, при которой наступает уголовная ответственность, с 1 000 руб. до 2 500 руб. Указанная новелла принята по инициативе Верховного Суда РФ (первоначальная инициатива – 5 000 руб.) в целях дальнейшей гуманизации и либерализации уголовного законодательства РФ в связи с постоянным снижением количества уголовных дел, поступающих на рассмотрение в суды, и сокращением общего числа лиц, осуждаемых за совершение преступлений с указанием на увеличение в общей структуре судимости доли лиц, осужденных за совершение преступлений небольшой тяжести и характеризуя современное состояние структуры судимости осуждением каждого второго лица за преступление небольшой тяжести [5].

Декриминализация кражи достаточно часто является предметом обсуждения, однако говорить о декриминализации кражи в традиционном смысле нельзя, поскольку институт кражи, зафиксированный еще в договорах Руси с Византией, изначально подразумевавший самостоятельный способ хищения и указывающий на общественно опасный характер преступных посягательств на институт собственности, не может быть декриминализован, как, например, клевета, оскорбление, мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, контрабанда, обман потребителей, оставление места ДТП и другие составы. Н.Г. Кадников, Б.Н. Кадников и Б.Н. Коробец, ссылаясь на неразрывную связь криминализации и декриминализации с уголовной политикой, определяют криминализацию как процесс выявления общественно опасных форм индивидуального поведения, признания допустимости, возможности и целесообразности уголовно-правового противодействия и фиксации их в законе в качестве преступных и уголовно-наказуемых. Декриминализация определяется как процесс установления оснований отпадения общественной опасности деяний, признания нецелесообразности уголовно-правового противодействия и отмены их уголовной наказуемости (признание деяния не общественно опасным или неправомерным либо перевод в разряд административного, дисциплинарного или

гражданско-правового деликта) [1]. П.А. Скобликов со ссылкой на постулаты отечественной криминологии о том, что своевременное и последовательное пресечение нетяжких преступлений эффективно предупреждает совершение тяжких и что преступления, остающиеся безнаказанными, укрепляют почву для самосуда, скептически относится к нововведению, полагая, что указанные новеллы направлены на создание комфортных условий судам, а не законопослушным гражданам [6. С. 52–55]. К.В. Муравьев, считая изменения способными оказать позитивное влияние на социальную структуру общества за счет значительного сокращения числа лиц, имеющих судимость и не способность в большинстве случаев органов предварительного расследования и судов обеспечить привлечение к уголовной ответственности лиц, нарушающих уголовно-правовые запреты, указывает на способность новеллы оптимизировать процессуальную нагрузку судей и органов предварительного расследования, одновременно полагая, что увеличение верхнего предела стоимости имущества, хищение которого признается административно наказуемым, неминуемо усилят нагрузку на перезагруженные органы, осуществляющие производство по административным правонарушениям [4. С. 61–67]. Указывая, что действующая система права не позволяет полностью и всегда правильно оценить вредные либо опасные действия лица для общества, или вовсе помогает лицу избежать любой юридической ответственности за совершенное деяние, Д.Ю. Корсун пишет, что полноценное решение проблемы в данной сфере возможно лишь в случае подробного анализа и совершенствования как административного, так и уголовного законодательства, а также посредством введения в законодательство РФ категории уголовных проступков [2. С. 88–94].

По мнению автора, право реагирует на изменения общественных отношений, оценивая противоправные деяния и в экономическом контексте. Характеризуя российскую экономику как нестабильную на фоне роста геополитической напряженности, введения санкций, падения цен на нефть и девальвации рубля, можно утверждать об обесценивании размера хищения в размере одна тысяча рублей (введена в действие 01.07.2002 г.) для наступ-

ления уголовной ответственности. Институт частной собственности находится под уголовно-правовой защитой, однако сумма хищения в размере одной тысячи рублей не соответствует современным экономическим реалиям и хищение на сумму 1 000 руб. не является общественно опасным деянием. Оценка новелл норм уголовной ответственности за кражу возможна в контексте суровости и исполнимости санкции за ее совершение, а также уменьшения количества совершенных противоправных деяний. Целесообразность введения исследуемых новелл будет ясна через определенное время, в том числе посредством изучения соответствующей статистики рассмотрения уголовных и административных дел.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кадников Н.Г., Кадников Б.Н., Коробец Б.Н. К вопросу о новеллах уголовного закона в свете теории криминализации и декриминализации // Общество и права. 2015. № 3(53). С. 60–62.

2. Корсун Д.Ю. О законопроекте Верховного Суда РФ, связанного с декриминализацией ряда преступлений небольшой тяжести, а также предложение по введению в правовую систему РФ категории «уголовный проступок» // Юридическая наука. 2016. № 2. С.88–94.

3. Министерство внутренних дел РФ: [сайт]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/item/8306504/> (дата обращения: 03.11.2016).

4. Муравьев К.В. Способы снижения процессуальной нагрузки, альтернативные декриминализации // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 1(30). С. 61–67.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.07.2015 г. № 37 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проектов федеральных законов «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности"». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Скобликов П.А. Законодательная инициатива Верховного Суда РФ: еще ближе к «гуманности», еще дальше от справедливости // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4(39). С. 52–63.

7. Судебный департамент при Верховном Суде РФ: [сайт]. URL: www.cdep.ru (дата обращения: 04.11.2016).

МЕХАНИЗМ ВНЕСУДЕБНОГО ОГРАНИЧЕНИЯ ДОСТУПА К ЗАПРЕЩЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»: ИЗМЕНЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ

Виталий Владимирович Николаев – аспирант, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва; **e-mail: 12.00.13@mail.ru.**

Статья посвящена исследованию проблем использования механизма внесудебного ограничения доступа к запрещенной к распространению информации в сети «Интернет», что позволяет оперативно реагировать на современные угрозы. Проведенный обзор изменений информационного законодательства показал, что в Российской Федерации ежегодно предпринимаются попытки расширения перечня запрещённой к распространению информации в Сети. Автор полагает, что необходимо проводить правовые исследования в отношении формирования доверенных информационных ресурсов в Сети, поскольку развитие информационное общество невозможно без комплекса мер по противодействию угрозе недостоверности информации.

Ключевые слова: *информационная свобода; информационная культура; информационная безопасность; Интернет; информационные права и свободы; запрещенная информация.*

Идея информационной свободы, нашедшая своё выражение во Всеобщей декларации прав человека 1948 года, не могла в полной мере учитывать развитие информационных технологий и потенциал сети «Интернет». Экстерриториальность всемирной паутины поставила под сомнение эффективность мер правового регулирования при распространении «информации и идей любыми средствами и независимо от государственных границ» (ст. 19 Всеобщей декларации прав человека). В дальнейшем, Международный пакт о гражданских и политических правах 1976 года учёл это, и в ст.19 ограничил информационные права и свободы, равно как и Конституция Российской Федерации 1993 года. В данном контексте заслуживает внимания справедливое мнение П.У. Кузнецова, что общее дозволение п. 4 ст. 29 Конституции РФ, неоправданно завысило уровень информационной свободы [4. С. 41–42], причем состоянию информационной культуры гра-

ждан не уделялось значимого внимания.

Не оставляет сомнения, что процесс создания новых правовых норм в сфере информационного права непрерывен [1. С. 14–16; 3. С. 17]. Между тем, останавливаясь более подробно на заявленной теме, именно период с 2010–2012 годы, ознаменовал собою начало выработки адекватных механизмов пресечения распространения запрещённой информации в Сети. В рамках затронутой темы остановимся более конкретно на единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети "Интернет" и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети "Интернет"» (Единый реестр) и наметившейся тенденции по расширению перечня запрещенной к распространению информации. Напомним, что под реестром обычно предлагают понимать: «информационную систему, содержащую перечень учитываемых объектов или действий в нормативно установленной форме, используемую в целях учета и порядка использования этой информации в процессе организации деятельности органов исполнительной власти, граждан и организаций» [2. С. 138].

Единый реестр начал функционировать с 1 ноября 2012 года после вступления в силу Федерального закона от 28.07.2012 г. № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Основной целью стало пресечение распространения в Сети (в первоначальной редакции ст. 15.1 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» – Закон об информации): материалов с порнографией несовершеннолетних и (или) объявлений о привлечении несовершеннолетних в указанные мероприятия; информация о способах, методах разработки и использования наркотических средств; информация о способах и призывы к совершению самоубийства. На тот момент ответственными за включение в Единый реестр ряда информационных ресурсов (указателя страницы, доменного имени или сетевого адреса) с обозначенной выше информацией были следующие государст-

венные органы: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Федеральная служба РФ по контролю за оборотом наркотиков, Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека.

Расширение перечня запрещенной к распространению информации и изменения в информационном законодательстве:

- К 2016 году произошли изменения как в рамках ст.15.1 Закона об информации, так и по составу ответственных ведомств. Под запрет к распространению в Сети стала подпадать: 1) информация о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия) (пп. «в» п. 1 ч. 5 – с 2013 г.); 2) информация, нарушающая требования законодательства по проведению и организации азартных игр и лотерей с использованием сети «Интернет» (пп. «г» п. 1 ч. 5 – с 2014 г.).

В соответствии с постановлением Правительства РФ от 12.10.2015 г. № 1095 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 26 октября 2012 г. № 1101», Федеральная налоговая служба является уполномоченным органом, принимающим решения о включении в Единый реестр информации, нарушающей требования пп. «г» п. 1 ч. 5 ст. 15.1 Закона об информации. Указом Президента РФ от 05.04.2016 № 156 функции и полномочия упраздненной ФСКН были переданы Министерству внутренних дел Российской Федерации.

- В связи с произошедшими изменениями назрела также и необходимость уточнения и конкретизации критериев оценки материалов и (или) информации, позволяющих определять сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено. Общественные обсуждения по данному вопросу прошли с 4 по 18 августа 2016 года. Проведя сравнительный анализ проекта и действующего совместного Приказа Роскомнадзора № 1022, ФСКН России № 368, Роспотребнадзора № 666 от 11.09.2013 г., можно заключить отсутствие существенных изменений в критериях. Касаясь оценки материалов с порнографическим изображением несовершеннолетних, в новом проекте подошли к этой проблеме несколько

шире, и вместо формулировок «Фото-, видео-, аудио- и (или) текстовая информация» используется универсальная категория «информация», которая, с одной стороны, способствует расширительному толкованию и соответственно, большим ограничениям, но, с другой стороны, учитывая «характер проблемы», вполне адекватна.

- В текущем году изменения претерпели и рекомендации по ограничению доступа к сайтам в сети «Интернет», содержащим запрещенную к распространению информацию. Среди новшеств, согласно Распоряжению Роскомнадзора от 07.07.2016 г. № 8, установлена последовательность действий для операторов, использующих глубокий анализ трафика (DPI), и рекомендация по ограничению доступа к указателю страницы сайта в сети «Интернет», поддерживающего протокол шифрования (HTTPS). Не останавливаясь развернуто на процедуре ограничения доступа к информации, запрещенной к распространению в сети «Интернет» [5. С. 226–230], подчеркнем, что в случае удаления запрещенной информации владельцем сайта, в отношении которого применена мера принуждения [6. С. 167–173], доступ к заблокированному ресурсу возобновляется после соответствующего обращения в надзорное ведомство.

В публикациях автора уже поднимался вопрос относительно целесообразности расширения перечня запрещенной к распространению информации в рамках действия Единого реестра, приводились и анализировались нереализованные в данном аспекте законопроекты. Учитывая характер Ежегодной международной научно-практической конференции «Новеллы права и политики 2016», обозначим лишь несколько, на наш взгляд, перспективных инициатив, проявивших себя в уходящем году.

1. Проектом Федерального закона № 1051548-6 (от 21.04.2016 г.) предлагается в новой редакции изложить подпункт «б» пункта 1 части 5 статьи 15.1 Закона об информации. Напомним, что 19 октября настоящего года законопроект был принят в первом чтении. Из пояснительной записки следует, что угрозу жизни граждан Российской Федерации приобретают новые потенциально опасные психоактивные вещества. Данный шаг в русле принятия

Федерального закона от 03.02.2015 г. № 7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», является гармоничным подходом к реализации положений о пресечении распространения новых потенциально опасных психоактивных веществ в информационном пространстве.

2. Законопроект № 449133-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу распространения заведомо недостоверной информации о банках и публичных организациях» (от 11.02.2014 г.) представляет интерес общей проблематикой противодействия распространения недостоверной информации в Сети, в том числе о кредитных и некредитных финансовых организациях. В 2016 году работа над ним вновь возобновилась (назначение ответственного комитета произошло 06.10.2016 г.). Первоначальная редакция предлагала очень «сырые» изменения в информационное законодательство. В числе прочего, Закон РФ от 27.12.1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» подразумевалось дополнить понятием «недостоверная информация». Авторы предлагали вести речь о «заведомо недостоверной информации, подрывающей репутацию и экономическую стабильность деятельности банков и публичных организаций». Как правильно может быть замечено, буквальная трактовка понятия «недостоверная информация» выходит за границы действия законопроекта.

Предусматривались и изменения в ст.15.1 Закона об информации, однако говорить о каких-либо существенных изменениях с точки зрения курса государственной информационной политики не приходится.

Завершая настоящий обзор изменений информационного законодательства 2016 года в части расширения перечня запрещенной к распространению информации, приходим к выводу о необходимости правовых исследований в отношении формирования реестра с доверенными сайтами в сети «Интернет» (носящего рекомендательный характер), способствующего, с одной стороны, предоставлению пользователям Рунета достоверных сведений об отображаемых объектах или явлениях действительности, а с другой, – соблюдению баланса интересов личности, общества и го-

сударства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бачило И.Л., Лапина М.А. Актуальные проблемы информационного права. М.: Юстиция, 2016. 532 с.
2. Бачило И.Л. Систематизация и электронное кодирование функций и полномочий в системе публичного управления. М: Юстиция, 2016. 210 с.
3. Голубева Л.А. Система права и систематизация законодательства // Проблемы и перспективы развития современной юриспруденции: сб. научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Вып. II (8 декабря 2015 г., Воронеж). Воронеж, 2015. С. 16–19.
4. Кузнецов П.У., Полякова Т.А., Бачило И.Л., Наумов В.Б. Конституционные ценности в информационной сфере // Новые вызовы и угрозы информационной безопасности: правовые проблемы: сб. науч. работ. М.: ИГП РАН Канон+, РООИ «Реабилитация», 2016. С. 32–52.
5. Кузнецов П.У. Информационное право: учебник. М.: Юстиция, 2017. 336 с.
6. Остроушко А.В. Ограничение доступа к сайтам в сети «Интернет» как самостоятельная мера принуждения // Финансовое право и управление. 2015. № 2. С. 167–173.

Я.М. Плошкина

НОВЕЛЛЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ УСТАНОВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕВЫПЛАТУ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

Яна Михайловна Плошкина – консультант юридического отдела экспертно-правового управления Законодательного Собрания Красноярского края, кандидат юридических наук, г. Красноярск; **e-mail: jurist1357@mail.ru.**

В статье рассмотрены новеллы федерального законодателя в сфере установления административной ответственности за невыплату зарплаты, а также вопрос о проведении индексации заработной платы работодателями, которые не получают бюджетного финансирования.

Ключевые слова: административная ответственность; невыплата зарплаты; нарушение трудового законодательства; федеральный законодатель.

Прежде всего, следует определиться с терминологией. Согласно словарю В.И. Даля, невыплата означает «неуплата, недоп-

лата, неплата в срок» [2]. Исходя из легального определения в абз. 1 ст. 129 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ) заработной платы под ее невыплатой следует понимать неуплату работнику в срок вознаграждения за труд, компенсационных и стимулирующих выплат, предусмотренных трудовым договором, заключенным между работником и работодателем в соответствии с действующим трудовым законодательством. Следовательно, невыплата заработной платы включает в себя как полную, так и частичную невыплату заработной платы в установленный срок, а также нарушение сроков выплаты заработной платы, ее задержку.

С целью повышения ответственности работодателей за нарушение законодательства РФ в части оплаты труда работников был принят Федеральный закон от 3.07.2016 г. № 272-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам повышения ответственности работодателей за нарушения законодательства в части, касающейся оплаты труда» (далее – Федеральный закон № 272-ФЗ), которым вносятся изменения в федеральные законы, в том числе в Кодекс РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), в Трудовой кодекс РФ в части ужесточения материальной и административной ответственности работодателей за невыплату заработной платы. Данные изменения вступили в силу с 3 октября 2016 года (ст. 4 Федерального закона № 272-ФЗ).

В результате принятия Федерального закона № 272-ФЗ появились специальные составы административных правонарушений, устанавливающие административную ответственность за невыплату или неполную выплату в установленный срок заработной платы, других выплат, осуществляемых в рамках трудовых отношений, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, либо установление заработной платы в размере менее размера, предусмотренного трудовым законодательством (ч. 6 ст. 5.27 КоАП РФ); а также за совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 6 настоящей статьи, лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное правонарушение, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния (ч. 7 ст. 5.27 КоАП РФ).

Федеральный закон № 272-ФЗ конкретизировал сроки выдачи заработной платы. Согласно ст. 136 ТК РФ в редакции, действующей до 03.10.2016 г., заработная плата выплачивается не реже чем каждые полмесяца в день, установленный правилами внутреннего трудового распорядка, коллективным договором, трудовым договором. Действующая редакция ст. 136 ТК РФ предусматривает, что заработная плата выплачивается не реже чем каждые полмесяца. Конкретная дата выплаты заработной платы устанавливается правилами внутреннего трудового распорядка, коллективным договором или трудовым договором не позднее 15 календарных дней со дня окончания периода, за который она начислена. Таким образом, федеральный законодатель установил 15 календарных дней – максимальный срок, в течение которого нужно оплатить труд работникам, и указал равнозначные документы, в которых могут быть зафиксированы даты выплаты заработной платы, и они могут быть закреплены лишь в одном из предусмотренных в ст. 136 ТК РФ документах (например, в правилах внутреннего трудового распорядка) [5. С. 53]. Аналогичную позицию занимает Роструд: работодатель вправе выбрать любой документ из перечисленных в ст. 136 ТК РФ для закрепления дат выплаты заработка (Письма от 24.01.2012 г. № ПГ/484-6-1, от 06.03.2012 г. № ПГ/1004-6-1).

Появление отдельных составов административных правонарушений, устанавливающих административную ответственность за невыплату заработной платы, позволило решить многие проблемы, в частности проблему с квалификацией. До принятия Федерального закона № 272-ФЗ за невыплату заработной платы работодатели привлекались к ответственности по ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ и по ч. 4 ст. 5.27 КоАП РФ, устанавливающей ответственность лицу, ранее подвергнутому административному наказанию за аналогичное административное правонарушение. Однако диспозиция ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ – «нарушение трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права», носит бланкетный характер и не конкретизирована. Объективная сторона данного административного правонарушения выражается в разнообразных действиях (бездей-

ствии), нарушающих нормы трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права [1. С. 265]. Из-за бланкетного способа формулирования правовой нормы, предусмотренной в ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ, на практике возникали проблемы, связанные с квалификацией, когда в ходе проверки государственной инспекцией труда были выявлены несколько видов нарушений трудового законодательства РФ, например: несвоевременная выплата сумм, причитающихся работнику при увольнении; несвоевременная оплата отпуска; нарушение сроков ознакомления с приказами об отпуске работников и др. Формулировка данной статьи не позволяла определить, возможно ли привлечь к административной ответственности за каждое правонарушение в отдельности или ответственность устанавливалась за все нарушения трудового законодательства в совокупности [3. С. 13]. Судебная практика по рассматриваемому вопросу была неоднозначной (например, решения Нижегородского областного суда от 28.04.2011 г. по делу № 7-288/11, Ленинградского областного суда от 20.11.2012 г. № 7-691/2012, постановления Верховного Суда РФ от 15.08.2014 г. № 60-АД14-12, № 60-АД14-11).

Кроме того, выделение в самостоятельный состав административного правонарушения невыплату заработной платы позволило учесть высокую степень общественной опасности данного деяния в сравнении с другими нарушениями трудового законодательства [4. С. 38].

В связи с принятием Федерального закона № 272-ФЗ остались нерешенными некоторые вопросы, в частности, о проведении индексации заработной платы работодателями, которые не получают бюджетного финансирования. Согласно одной позиции, если организация не относится к организациям, финансируемым из соответствующих бюджетов, такая организация не обязана проводить индексацию, если индексация не предусмотрена коллективным договором организации (апелляционные определения Московского городского суда от 20.06.2013 г. № 11-19001/2013, от 04.07.2012 г. № 11-9132; Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 10.06.2012 г. № 33-

8880/2012). В соответствии со ст. 134 ТК РФ обеспечение повышения уровня реального содержания заработной платы включает индексацию заработной платы в связи с ростом потребительских цен на товары и услуги. Государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения производят индексацию заработной платы в порядке, установленном трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, другие работодатели – в порядке, установленном коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами. «Действующее трудовое законодательство не содержит императивных правил в отношении обязанностей работодателей, не финансируемых из соответствующих бюджетов, производить индексацию заработной платы, в том числе основываясь на индексе потребительских цен» (Апелляционное определение Верховного Суда республики Саха (Якутия) от 18.09.2013 г. № 33-3674/13). Поэтому если организация-работодатель не относится к организациям, финансируемым из бюджетов, и «условия об индексации заработной платы не оговорены в коллективном и трудовом договоре, то на работодателе не лежит обязанность индексации заработной платы» (Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 10.07.2012 г. № 33-8880/2012). По мнению суда, иной вывод вступает в противоречие с положениями ст. 134 ТК РФ.

Однако данная позиция, на наш взгляд, не согласуется с действующим трудовым законодательством и не учитывает позицию Конституционного Суда РФ. В силу ст. 130 ТК РФ индексация заработной платы направлена на обеспечение повышения уровня реального содержания заработной платы, ее покупательной способности и по своей правовой природе представляет собой государственную гарантию по оплате труда работников. Требование индексировать зарплату закреплено в ст. 134 ТК РФ. Обязательность проведения индексации заработной платы для всех работодателей, независимо от организационно-правовой формы, закреплена в п. 2 Определения Конституционного Суда РФ от 17.06.2010 г. № 913-О-О, в котором указано, что «в силу предписаний ст. 2, 130 и

134 ТК РФ индексация заработной платы должна обеспечиваться всем лицам, работающим по трудовому договору», т.е. индексация обязательна не только для бюджетных, но и для коммерческих организаций в силу требований ТК РФ. Дальнейшее развитие данной позиции нашло отражение в п. 2 Определения Конституционного Суда РФ от 17.07.2014 г. № 1707-О. Аналогичную позицию занимает Роструд. Как следует из Письма Роструда от 19.04.2010 г. № 1073-6-1, «действующим законодательством порядок индексации не установлен. Законодатель устанавливает лишь обязанность работодателя осуществлять индексацию. В том случае, если в локальных нормативных актах организации не предусмотрен такой порядок, учитывая, что индексация заработной платы является обязанностью работодателя, полагаем, что необходимо внести соответствующие изменения (дополнения) в действующие в организации локальные нормативные акты».

Таким образом, в соответствии со ст. 134 ТК и разъяснениями судебных и контролирующих органов на работодателя возложена обязанность по индексации зарплаты, и отсутствие в коллективном договоре, соглашениях и локальных нормативных актах организации-работодателя порядка индексации зарплаты (обеспечения повышения уровня реального содержания заработной платы) является нарушением трудового законодательства. Данная позиция нашла отражение в судебной практике (Апелляционное определение Мурманского областного суда от 26.11.2014 г. № 33-3697-2014; Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 05.07.2012 г. № 33-6662/12; Апелляционное определение Суда Чукотского автономного округа от 12.07.2012 г. № 33-116/12).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс РФ об административных правонарушениях. Главы 1–10. Постатейный научно-практический комментарий / под общ. ред. Б.В. Россинского. М.: Библиотечка «Российской газеты», 2014. С. 798.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка // Словарь Даля: [сайт]. URL: <http://slovar-dalja.ru/slovar-dalya/nevyplata/19203/> (дата обращения: 02.11.2016).
3. Егоров В. За семь бед каков ответ? // эж-ЮРИСТ. 2016. № 35. С. 13.
4. Зобова Е. Задержка выплаты заработной платы: ответственность ра-

ботодателя и налогообложение компенсаций работникам // Казенные учреждения: бухгалтерский учет и налогообложение. 2016. № 9. С. 36–41.

5. Комиссарова Т.Ю. Новое о зарплате // Отдел кадров государственного (муниципального) учреждения. 2016. № 9. С. 51–56.

М.Л. Родичев, Т.О. Бозиев

К ВОПРОСУ О ПРИВЛЕЧЕНИИ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Максим Леонидович Родичев – старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности в органах внутренних дел, Санкт-Петербургский университет МВД России; кандидат юридических наук, г. Санкт-Петербург; **e-mail: petrogradets@bk.ru**.

Таулан Османович Бозиев – зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат юридических наук, доцент, г. Гатчина; **e-mail: boziev1975@yandex.ru**.

Авторами рассмотрены некоторые аспекты привлечения к уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности.

***Ключевые слова:** преступления в сфере предпринимательской деятельности; уголовная ответственность; Верховный Суд РФ; должностные лица.*

Действующим законодательством установлены особенности уголовного судопроизводства по делам преступлений, предусмотренных ст.ст. 159–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 УК РФ, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также ст.ст. 170.2, 171–174, 174.1, 176–178, 180–183, 185–185.4, ч. 1 ст. 185.6, ст.ст. 190–199.2 УК РФ, касающимися порядка рассмотрения сообщения о преступлении (ч.ч. 7–9 ст. 144 УПК РФ), возбуждения уголовного дела (ч. 3 ст. 20, ч. 1.2 ст. 140 УПК РФ), признания предметов и документов вещественными доказательствами (ст. 81.1 УПК РФ), применения меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ), а также особенности освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования (статья 76.1 УК РФ, статья 28.1 УПК РФ).

Указанные нормы введены в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство России преимущественно в период 2013–2014 гг., в настоящее время формируется определённая практика их применения.

15 ноября 2016 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации издал Постановление № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» (далее – Постановление), направленное на обеспечение единства судебной практики при применении законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в указанных сферах.

В Постановлении содержатся разъяснения по многим вопросам, вызывающим наибольшие проблемы при правоприменении.

Так, например, в п. 7 Постановления содержится критерий признания совершения преступлений в сфере предпринимательской деятельности. Ими признаются преступления, совершенные индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, а также членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо при осуществлении коммерческой организацией предпринимательской деятельности.

При этом к членам органа управления коммерческой организации относятся, в частности, член совета директоров (наблюдательного совета) или член коллегиального исполнительного органа коммерческой организации (например, правления акционерного общества), лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа (директор, генеральный директор, председатель производственного кооператива и т.п.).

В п. 3. Постановления Пленум Верховного Суда Российской Федерации констатировал, что по смыслу уголовно-процессуального закона в случаях, предусмотренных в ч. 3 ст. 20 УПК РФ, когда потерпевшим является коммерческая организация, уголов-

ные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 159–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 УК РФ, возбуждаются по заявлению лица, являющегося в соответствии с уставом организации ее единоличным руководителем (лицом, выполняющим функции единоличного исполнительного органа) или руководителем коллегиального исполнительного органа (например, председатель правления акционерного общества), либо лица, уполномоченного руководителем коммерческой организации представлять ее интересы в уголовном судопроизводстве в соответствии с частью 9 статьи 42 УПК РФ. Если в совершении указанных преступлений подозревается руководитель коммерческой организации, уголовное дело может быть возбуждено по заявлению органа управления организации, в компетенцию которого в соответствии с уставом входит избрание, назначение руководителя и (или) прекращение его полномочий (например, совета директоров), либо лица, уполномоченного этим органом обратиться с таким заявлением.

Следует отметить, что в п. 5. Постановления содержится рекомендация для судов при рассмотрении жалоб на постановление о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица о преступлении в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности проверять законность и обоснованность процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий, проведенных указанными органами и их должностными лицами в ходе проверки сообщения о преступлении, обращая особое внимание на действия и мероприятия, связанные с ограничением имущественных и иных прав и свобод предпринимателей и (или) лиц, состоящих с ними в трудовых отношениях (например, назначение документальных проверок и ревизий, получение образцов для сравнительного исследования, истребование или изъятие документов и предметов, принадлежащих индивидуальному предпринимателю или коммерческой организации, включая электронные носители информации, обследование принадлежащих им производственных помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств). В случае выявления нарушений закона, влекущих признание полученных доказательств недопустимыми, суд должен оценить достаточность данных, указы-

вающих на признаки преступления, без учета результатов таких действий и мероприятий.

Наряду с разъяснением некоторых, ранее не урегулированных вопросов, Верховный Суд закрепил позицию, что ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ устанавливает запрет на применение меры пресечения в виде заключения под стражу при отсутствии обстоятельств, указанных в пунктах 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ, в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных статьями 171–174, 174.1, 176–178, 180–183, 185–185.4, 190–199.2 УК РФ, без каких-либо других условий, а в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных статьями 159–159.3, 159.5, 159.6, 160 и 165 УК РФ, – при условии, что эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности.

В результате подобной позиции судов становится невозможным избрание меры пресечения в виде заключения под стражу лицам, обвиняемым, в частности, в совершении преступлений, предусмотренных ст. 171.2 УК РФ «Незаконные организация и проведение азартных игр», ст. 172 УК РФ «Незаконная банковская деятельность», статьей 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем», ст. 183 УК РФ «Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну».

На наш взгляд, указанная позиция Верховного Суда РФ представляется несколько странной.

Так, не вполне понятно, почему лицо, осуществившее легализацию преступных доходов (полученных, например, от незаконного сбыта наркотических средств) не может быть заключено под стражу. В соответствии с диспозициями статей 174 и 174.1 УК РФ легализацией преступных доходов признается однократная сделка или финансовая операция, имеющая целью придать правомерный вид владению, пользованию или распоряжению имуществом, приобретенным преступным путем. Таким образом, лицо, осуществляющее легализацию преступных доходов, может не являться предпринимателем, права которого призваны охранять

рассматриваемые правовые институты [1. С. 45].

Довольно странным является запрет избрания меры пресечения в виде заключения под стражу лиц, обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного статьей 183 УК РФ «Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну». Так, например, незаконное получение и разглашение сведений, составляющих налоговую тайну, также может быть не связано с осуществлением предпринимательской деятельности.

Указанные, а также некоторые другие положения рассматриваемого Постановления позволяют сделать вывод о его частичном несоответствии реальным условиям противодействия преступности в настоящее время и необходимости корректировки действующего законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бозиев Т.О. Проблемы квалификации должностных преступлений в сфере экономической деятельности // Журнал правовых и экономических исследований. 2008. № 1. С. 43–48.

**ПОНЯТИЕ СУЩЕСТВЕННОГО НАРУШЕНИЯ ПРАВ
И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН
ИЛИ ОРГАНИЗАЦИЙ ЛИБО ОХРАНЯЕМЫХ ЗАКОНОМ
ИНТЕРЕСОВ ОБЩЕСТВА ИЛИ ГОСУДАРСТВА
В СОСТАВЕ ПРЕСТУПНОЙ ХАЛАТНОСТИ,
СОВЕРШАЕМОЙ СОТРУДНИКОМ ОРГАНА ДОЗНАНИЯ**

Юлия Сергеевна Рубцова – адъюнкт кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург; **e-mail:** rubtsova.juli@mail.ru.

В статье рассматривается один из элементов объективной стороны халатности – общественно опасное последствие в форме существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства; обосновывается необходимость их установления в случае квалификации действий виновного по ст. 293 УК РФ; разработаны рекомендации по совершенствованию законодательства в данной сфере.

***Ключевые слова:** дознание; законные интересы; общественно опасные последствия; права; сотрудник органа дознания; существенное нарушение; халатность.*

Состав халатности по своей конструкции материален, из чего следует, что обязательным элементом рассматриваемого состава преступления является наступление указанных в законе последствий. При отсутствии последствий вследствие халатного отношения к службе действия сотрудника органа дознания образуют дисциплинарный проступок и не должны квалифицироваться как халатность [3. С. 130; 5. С. 158].

Одно из последствий, предусмотренных ст. 293 УК РФ, – «существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства». Это понятие является оценочным.

Мы солидарны с мнением П.С. Яни и считаем, что существенный вред, наступивший в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения сотрудником органа дознания обязанностей должен быть реальным. Не достижение вредом степени сущест-

венности не может повлечь уголовную ответственность, даже если такой вред не наступил «по счастливому стечению» обстоятельств. Так как халатность является неосторожным преступлением, то и покушение на него невозможно [6. С. 17].

В соответствии с разъяснениями абз. 2 п. 18 Постановления Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 существенным нарушением прав граждан или организаций является нарушение прав и свобод физических и юридических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией РФ [1].

Под нарушением законных интересов граждан или организаций, в частности, понимается создание препятствий в удовлетворении гражданами или организациями своих потребностей, не противоречащих нормам права и общественной нравственности.

При оценке существенности вреда Верховный суд рекомендует принимать во внимание степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда и т.п.

Данные судебные рекомендации относятся к составам преступлений, предусмотренных ст.ст. 285 и 286 УК РФ. С точки зрения автора, эти разъяснения могут быть учтены также при применении и толковании других статей УК РФ о должностных преступлениях, содержащих в диспозициях термин «существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства» (в том числе и ст. 293 УК РФ). Такое расширение сферы действия Постановления Пленума Верховного Суда допустимо с поправками на объект, форму вины, другие признаки ст. 293 УК РФ.

Мы солидарны с мнением Й.Й. Прапестис и считаем, что отсутствие условий (при наличии реальной возможности их создать) гражданам или гражданину пользоваться конституционными правами является существенным вредом законным интересам личности [4. С. 91]. В случае, если такие ущемления конституционных прав граждан вызваны неосторожными упущениями

должностных лиц, то есть основания для применения ст. 293 УК РФ. Отсутствие таких дел следует признать существенным пробелом в работе следственных и судебных органов.

Выборочное изучение практики применения ст. 293 УК РФ в отношении сотрудников органов дознания показало, что существенным нарушением прав и законных интересов граждан или организаций признается: нарушение конституционных прав граждан (ст. 22, 27, 35, 45, 46, 50, 52 Конституции РФ), прав, предусмотренных УПК РФ (ст. 6), выразившиеся в незаконном задержании, необоснованном избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, умалении принципа справедливости в уголовном процессе, несвоевременном возбуждении уголовных дел, неустановлении лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых, несвоевременном привлечении виновного к уголовной ответственности.

Существенным нарушением охраняемых законом интересов общества или государства – дискредитация в глазах общественности и отдельных граждан ОВД РФ, подрыв авторитета государственной службы, формирование негативного отношения членов общества к государственной власти в целом, дезорганизация нормальной деятельности правоохранительных органов.

Примером может служить приговор Кировского районного суда Калужской области от 26.05.2016 года, вынесенный в отношении участкового уполномоченного полиции С. по ч. 1 ст. 293 УК РФ. Из приговора следует, что С., не надлежаще исполняя свои должностные обязанности, вследствие небрежного отношения к службе и своим обязанностям по должности, в нарушение законодательства и своей должностной инструкции не принял мер к предотвращению и пресечению административного правонарушения. Своим противоправным бездействием участковый уполномоченный С. существенно нарушил права и законные интересы граждан, выразившиеся в лишении возможности реализовать конституционные права, регламентированные ст. 52 Конституции РФ. Кроме того, существенно нарушены охраняемые интересы общества и государства, направленные на защиту прав и законных интересов лиц, выразившиеся в подрыве авторитета ор-

гана власти [2].

Из приведенного примера видно, что суды, решая вопрос о существенности нарушенных интересов государства, ориентируются на значительность нарушенных прав человека и авторитет органов внутренних дел. Данная особенность прослеживается в 90% случаев изученных уголовных дел, возбужденных по ст. 293 УК РФ в отношении сотрудников дознания.

Таким образом, под существенным нарушением прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества и государства следует понимать всю совокупность обстоятельств: число потерпевших, права которых нарушены; размер и характер физического, морального и имущественного вреда, его существенность для потерпевшего; нарушение конституционных прав и свобод граждан; наличие убытков и упущенной выгоды для гражданина, государственной либо коммерческой организации; создание обстановки, затрудняющей деятельность организации; срыв рабочего процесса, подрыв авторитета государственной службы, формирование негативного отношения членов общества к государственной власти и т.д. Считаем целесообразным закрепить понятие существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства в примечании ст. 293 УК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Вестник Следственного комитета при прокуратуре РФ. 2009. № 4.
2. Приговор № 1-27/2016 от 26 мая 2016 г. // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: http://sudact.ru/regular/doc/xcvyLOmAwGx1/?regular-txt=ст+293+ук+пф®ular-case_doc=®ular-doc_type=1008®ular-date_from=01.01.2016®ular-date_to=13.11.2016®ular-workflow_stage=10®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=1479046372851&snippet_pos=11282#snippet (дата обращения 09.11.2016).
3. Волженкин Б.В. Служебные преступления. М.: Юристъ, 2000. 368 с.
4. Прапестис Й.Й. Уголовно-правовая борьба с халатностью: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982.
5. Сахаров А.Б. Ответственность за должностные злоупотребления по

советскому уголовному праву. М.: Госюриздат. 1956. 211 с.

6. Яни П.С. Сложности квалификации халатности // Законность. 2011. № 8. С. 14–19.

С.А. Серебряков, Л.А. Голубева

СОБЛЮДЕНИЕ ПРИНЦИПА НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В СУДЕ

Лада Анатольевна Голубева – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат юридических наук, доцент, г. Гатчина; **e-mail: golubeva.gieft@yandex.ru.**

Сергей Альбертович Серебряков – адвокат, Санкт-Петербургская Объединённая коллегия адвокатов, г. Санкт-Петербург; **e-mail: 89500074030@mail.ru.**

В статье рассмотрено пилотное постановление Европейского суда по правам человека, выявившее пробел в российском законодательстве, законодательстве, регулирующем процесс рассмотрения административного правонарушения.

***Ключевые слова:** Европейский суд по правам человека; ЕСПЧ; административное правонарушение; органы прокуратуры; устное слушание.*

Конституция Российской Федерации предоставила гражданам РФ право обращения в международные суды для защиты нарушенных прав, если в рамках внутригосударственной системы защиты прав гражданину не удалось добиться справедливости. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) неоднократно рассматривал жалобы против России за время, прошедшее с момента присоединения Российской Федерации к Конвенции о защите прав и основных свобод.

20 сентября 2016 года Европейский суд по правам человека вынес пилотное постановление по делу *Karelin vs. Russia* (№ 926/08) [1]. В данном постановлении ЕСПЧ признает нарушение права лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, на беспристрастное судебное разбирательство в рамках Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с отсутствием

стороны обвинения в процессах об административных правонарушениях.

Суть дела *Karelin vs. Russia* заключается в следующем: в 2012 году юрист Михаил Карелин был задержан за мелкое хулиганство и оштрафован судом на 500 рублей за использование ненормативной лексики.

В результате Михаил Карелин подал жалобу в ЕСПЧ, в которой утверждал, что «В отсутствие какого-либо органа уголовного преследования или должностного лица (в административном процессе), бремя доказывания обвинения лежит исключительно на судьбе, который не имеет никакого выбора, кроме как искать, по собственной инициативе, аргументы, опровергающие доводы заявителя. Этот факт не может не нарушить баланс в оценке доказательств, а также практическую реализацию принципа равенства сторон и состязательности процесса».

Третья секция Европейского суда по правам человека, рассмотрев дело постановила: «Суд считает, что Россия должна, прежде всего, путем принятия соответствующих законодательных и/или иных мер, принять в своей внутренней правовой системе механизм, который обеспечивает достаточные гарантии для обеспечения беспристрастности судов, рассматривающих подобные дела, путем введения органов прокуратуры (представитель прокуратуры или другого государственного органа), в те процессы, где есть устное слушание». Таким образом, ЕСПЧ указал на обязательность присутствия в суде двух сторон по делу с целью сохранения элемента состязательности в ходе рассмотрения дел об административных правонарушениях.

Таким образом, действительный пробел в российском законодательстве, не учитывающий принцип состязательности на уровне судебного рассмотрения дел об административных правонарушениях, фактически, в связи с вынесенным решением ЕСПЧ, требует от Российской Федерации не только пересмотра действующего законодательства и изменения судебных процедур, но и реформирование полномочий органов государственной власти, которые будут (если будут) наделены соответствующими функциями.

Решение ЕСПЧ принято, осталось дело за исполнением. Однако решение о возможности или невозможности исполнения решений ЕСПЧ в России принимает Конституционный суд РФ, который уже высказывался по данному вопросу в 2014 году. В своем постановлении от 25.09.2014 г. КС РФ определил отказать в принятии к рассмотрению жалобы Астаховой Александры Юрьевны, Виноградова Дмитрия Валерьевича и других на нарушение их конституционных прав пунктами 2 и 4 части 1 статьи 29.7 кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях мотивируя тем, что «само по себе отсутствие должностного лица, составившего протокол об административном правонарушении, в числе участников производства по делу об административном правонарушении (глава 25) не означает возложение на суд обвинительной функции».

Надежды, что КС РФ изменит свое мнение по данному вопросу, конечно же, мало, но даже если случится чудо и решение ЕСПЧ будет исполнено, то само по себе наличие обвинителя в процессах по делам об административных правонарушениях вряд ли приведет к резкому росту оправдательных постановлений. Данный вывод можно сделать из анализа статистических данных по оправдательным приговорам по уголовным делам, в которых участие государственного обвинителя обязательно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление ЕСПЧ от 20.09.2016 г. «Дело “Карелин (Karelin) против Российской Федерации”» (жалоба № 926/08). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ТЕРМИНОЛОГИЯ ИНСТИТУТА МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ЕЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Майя Николаевна Сипягина – преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий; г. Гатчина; аспирант кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург; **e-mail: mayya12@yandex.ru.**

В статье рассмотрены некоторые термины множественности, которые в последнее время получили широкое распространение в уголовном законодательстве, в том числе в результате реконструкции уголовного закона в июле 2016 г. Автором изучено правовое значение понятий: «имеющим судимость», «впервые», сделаны выводы о необходимости внесения новых изменений в уголовный закон с учетом правил юридической техники и принципов уголовного права.

Ключевые слова: *квалифицированный состав; имеющим судимость; рецидив; впервые; содеянное в пределах санкции; общие правила назначения наказания.*

Ныне действующий уголовный закон выделяет две формы множественности преступлений: «совокупность» и «рецидив» (ст.ст. 17, 18 УК РФ). Однако в последние годы наблюдается активная тенденция появления новых формулировок, таких как: «имеющим судимость», «впервые», которые приобретают самостоятельное уголовно-правовое значение и заслуживают отдельного внимания.

Квалифицированные составы, ужесточающие наказание при совершении преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное тождественное или однородное преступление (см., например, ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 2 ст. 204², ч. 2 ст. 291² УК РФ и др.) стремительно распространяются, дополняя все новые статьи УК РФ. Отчасти права здесь Г.С. Досаева, указывая, что эти поправки ликвидируют ранее допущенные ошибки законодателя по смягчению правил назначения наказания за рецидив [З. С. 152]. Действительно, ужесточения наказания при рецидиве пре-

ступлений по общим правилам (ч. 2 ст. 68 УК РФ) в случае, например, п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ вообще не происходит. При расчете санкции минимальный срок лишения свободы при рецидиве должен составить не менее 6 лет и 7 месяцев лишения свободы, что меньше нижнего предела самой санкции почти в два раза (!). Квалифицированный состав, ужесточая санкцию непосредственно в самой статье, «реально» увеличивает наказание и не для всех рецидивистов, а только для тех, кто уже совершал преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. Лежащий в основе нормы принцип гуманизма, который призывает обеспечивать безопасность человека (ч. 1 ст. 7 УК РФ), конкурирует с принципом справедливости (ч. 2 ст. 6 УК РФ), согласно которому «никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление».

Такие квалифицированные составы уже были в уголовном законе (см., напр., ч. 6 ст. 158 «Уголовного кодекса Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ в ред. от 07.07.2003), но, вызвав многочисленные споры в юридической литературе, были удалены из УК РФ Федеральным законом № 162-ФЗ от 8 декабря 2003 г. Так, Б.В. Волженкин отмечал: «Когда судимость предусмотрена в качестве квалифицирующего признака, лицо отвечает не только за содеянное в пределах санкции, установленной за деяние, но по существу еще раз за прошлое преступление, чем нарушается принцип справедливости» [2. С. 4].

В настоящее время законодатель вновь возвращается к им самим же отторгнутой идее, допуская те же самые ошибки. Кроме того, формулировка «имеющим судимость» отличается от рецидива тем, что не содержит тех специфических признаков судимости, которые свойственны последнему (ч. 4 ст. 18 УК РФ), то есть образует, на наш взгляд, новую форму множественности [5. С. 230], специально не обозначенную законодателем. Ликвидировав пробел в назначении наказания при повторности преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, законодатель по-прежнему оставляет без внимания иные статьи Особенной части (ч. 1 и ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 126, ч. 2 ст. 127, ч. 3 ст. 127.1, части 1, 2, 3, 4 ст. 131, части 1, 2, 3, 4 ст. 132, ч. 1 и ч. 2 ст.

151 УК РФ и др.), в которых наблюдаются аналогичные проблемы назначения наказания при рецидиве. Складывается впечатление, что их законодатель считает менее важными. По нашему мнению, необходимы кардинальные меры по пересмотру *общих* правил назначения наказания при рецидиве с учетом его классификации по видам, что позволит избежать казуистических решений и назначать справедливые меры наказания при рецидиве в рамках существующей санкции [1. С. 50–51].

Следующий термин, которым оперирует законодатель – «впервые». Сам термин не нов для уголовного закона, применяется достаточно широко и в Общей, и в Особенной части, в основном, в вопросах освобождения от уголовной ответственности или смягчения наказания (см. напр. ст.ст. 56, 61, 75, 76, 88, 134, 198 УК РФ и др.). Тем не менее, особенно актуальным он является последнее время в рамках поправок, которые были внесены в уголовный закон в июле 2016 года.

Во-первых, речь идет о появлении ст. 76², регламентирующей порядок освобождения от уголовной ответственности лиц, *впервые* совершивших преступление небольшой или средней степени тяжести посредством компенсации вреда потерпевшему и выплаты судебного штрафа.

Во-вторых, термином «впервые» был дополнен ряд статей Особенной части УК РФ по вопросу об освобождении от уголовной ответственности лиц, совершающих преступления террористической и экстремистской направленности (ст.ст. 205⁵, 208, 282¹, 282², 282³).

Прежде всего следует отметить, что само понятие «впервые» согласно разъяснению Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» означает отсутствие у лица действующей судимости, что позволяет распространять нормы ст. 76² в том числе на лиц, ранее освобожденных от уголовной ответственности и наказания, что, на наш взгляд, является ошибочным. Положительно здесь то, что в рамках Общей части уголовного закона нормы об освобождении от уголовной ответственности являются

факультативным правом, а не обязанностью суда, чего нельзя сказать об Особенной части, в которой нормы, дополненные термином «впервые», сконструированы иначе. Причем, формулировка «лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей...» позволяет предположить, что эта действующая судимость должна быть только за тождественное преступление, в то время как все преступления террористической и экстремистской направленности обладают высокой степенью общественной опасности. Такой шаблонный подход, прообразом которого, видимо, являются примечания к ст.ст. 134, 198, 199 УК РФ и др. крайне условно ограничивают рамки освобождения от уголовной ответственности для лиц, осуществляющих террористическую и экстремистскую деятельность на территории РФ.

В связи с вышеуказанным, необходимо в примечаниях к статьям 205⁵, 208, 282¹, 282², 282³ УК РФ формулировку «впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей» заменить на «впервые совершившее преступление террористической и экстремистской направленности», тем самым четко обозначив перечень данных преступлений. Кроме того, необходимо дополнить примечания в статьях Особенной части закона, предусматривающие термин «впервые» поправками, запрещающими повторное освобождение от уголовной ответственности. В вышеупомянутое Постановление Пленума Верховного Суда РФ необходимо внести разъяснение, в каких случаях нормы Общей части УК РФ об освобождении от уголовной ответственности не должны применяться.

Дополнение и изменение уголовного закона в области института множественности преступлений является необходимой мерой с учетом современных проблем преступности. Однако нельзя забывать, что любые изменения должны не только устранять пробелы законодателя в рамках защиты тех или иных общественных отношений, но и соответствовать правилам юридической техники.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бозиев Т.О., Сипягина М.Н. Уголовно-правовая классификация ре-

цидива и ее влияние на назначение уголовного наказания // Журнал правовых и экономических исследований. 2015. № 2. С. 45–52.

2. Волженкин Б.В. Принцип справедливости и проблемы множественности преступлений по УК РФ // Законность. 1998. № 12. С. 4–8.

3. Досаева Г.С. Множественность преступлений: генезис и перспективы развития уголовно-правового института: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 245 с.

4. Жевлаков Э.Н. Обновленное уголовное законодательство и проблемы его применения // Уголовное право. 2004. № 3. С. 29–31.

5. Сипягина М.Н. Реформирование системы множественности преступлений в российском уголовном праве // Актуальные проблемы юридической науки и практики: Гатчинские чтения – 2016: сб. научных трудов по материалам Ежегодной международной научно-практической конференции (г. Гатчина, 19-20 мая 2016 г.). Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ, 2016. С. 228–234.

А.А. Сливний

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

Алексей Артурович Сливний – заместитель начальника отдела экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД России по Всеволожскому району, адъюнкт кафедры оперативно-разыскной деятельности в ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России, г. Санкт-Петербург; **e-mail: ORD.SPB@yandex.ru.**

В статье рассмотрен основной способ организации незаконной миграции, характерный для Российской Федерации в настоящее время, а также некоторые правовые меры противодействия незаконной миграции.

Ключевые слова: *незаконная миграция; организация незаконной миграции; противодействие незаконной миграции; правоприменение миграционного законодательства.*

В 2016 году в Российской Федерации был принят ряд правовых актов, в результате чего система противодействия незаконной миграции претерпела значительные изменения.

Важнейшим из них, на наш взгляд, является Указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 года № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции», в соответствии с которым бы-

ло принято решение об упразднении Федеральной миграционной службы и передачи ее полномочий Министерству внутренних дел Российской Федерации. Следует отметить, что указанный правовой акт является далеко не единственным в рассматриваемой сфере.

Так, например, 03.07.2016 г. были внесены изменения в Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», вступившие в силу с 31.07.2016 г.

Следует отметить, что 31 марта 2016 года состоялось Заседание Совета Безопасности Российской Федерации, посвященное вопросам совершенствования государственной миграционной политики в интересах обеспечения национальной безопасности.

Миграция, особенно незаконная, оказывает негативное влияние на состояние правопорядка. Для России этот вопрос является особенно актуальным, так как миграция, особенно нелегальная, влияет на многие стороны жизнедеятельности общества, в том числе, на национальную безопасность Российской Федерации [1. С. 18].

Для выработки мер профилактического характера нами было произведено изучение уголовных дел, возбужденных по ст. 322.1 УК РФ, для определения основного способа организации незаконной миграции, характерной для Российской Федерации в настоящее время.

На первоначальном этапе преступники создают легально действующий хозяйствующий субъект, для чего образуют (приобретают) юридическое лицо (несколько юридических лиц), либо регистрируются в органах Федеральной налоговой службы РФ в качестве индивидуального предпринимателя. Это делается для того, чтобы у преступников появилась возможность аренды офисного помещения, приема на работу лиц, не осведомленных о преступном характере осуществляемой деятельности, для размещения рекламы, а также в некоторых иных целях.

Следует отметить, что в большинстве случаев (72%), учредителями (участника) и (или) руководителями органов управления указанных юридических лиц, а также лиц, зарегистрированных в

качестве индивидуальных предпринимателей, являются подставные лица, под которыми, в соответствии с примечанием к статье 173.1 УК РФ понимаются лица, которые являются учредителями (участниками) юридического лица или органами управления юридического лица и путем введения в заблуждение либо без ведома которых были внесены данные о них в единый государственный реестр юридических лиц, а также лица, которые являются органами управления юридического лица, у которых отсутствует цель управления юридическим лицом.

Характерно, что образованному или приобретенному преступниками для организации незаконной миграции юридическому лицу зачастую придается вид солидной, внушающей доверие, коммерческой организации, созданной для оказания специализированной правовой помощи в области миграционных процессов, что следует и из ее названия (58%).

Следует отметить, что офисные помещения используемых преступниками юридических лиц располагаются, как правило, в центральной части городов, при этом, зачастую, неподалеку от зданий органов государственной власти, в том числе, занимаемых подразделениями МВД России, осуществляющими правоприменение миграционного законодательства.

Указанные действия совершаются преступниками для того, чтобы ввести в заблуждение потерпевших и создать у последних представление о том, что ими будут получены легальные миграционные документы.

Организатором подбираются иные соучастники, функциональные обязанности которых описаны ниже, а также приобретается необходимая для осуществления преступной деятельности оргтехника и канцелярские принадлежности для изготовления поддельных штампов, печатей и их оттисков, поддельных чеков «Почты Россия» и иных документов.

Реклама об услугах, предоставляемых образованным преступниками юридическим лицом, осуществляется посредством размещения объявлений в метрополитене, вокзалах, в иных общественных местах, в том числе с использованием граждан, специально нанятых для этой работы и не осведомленных о преступ-

ной деятельности (так называемых «бутербродов»). Реклама может размещаться в сети «Интернет», в том числе, в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники» и в некоторых других. В современном обществе бытует мнение, что во Всемирной паутине возможно найти и купить все, что угодно [2. С. 276].

С учетом того, что значительное количество незаконных мигрантов не являются пользователями сети «Интернет», реклама, как правило, размещается в виде листовок, распространяемых в общественных местах. На последующем этапе реализации преступного умысла соучастники организации незаконной миграции, находящиеся в офисных помещениях, принимают от обращающихся к ним иностранных граждан документы, в том числе паспорта и миграционные карты, сроки регистрации которых на территории РФ истекли, при необходимости убеждают последних в легальности совершаемых действий, а также получают от мигрантов денежные средства в качестве оплаты услуг по их легализации на территории Российской Федерации.

Полученные от иностранных граждан документы передаются соучастникам преступной деятельности, осуществляющим их подделку и иные неправомерные действия, направленные на легализацию нахождения незаконного мигранта на территории Российской Федерации. К числу указанных действий, в частности, могут относиться:

- постановка фиктивных отметок подразделений пограничного контроля в паспортах и миграционных картах мигрантов о пересечении границы Российской Федерации в определенное время;
- оформление уведомлений в органы, осуществляющие миграционный учет иностранных граждан в Российской Федерации, содержащие заведомо ложные сведения о прибытии и нахождении иностранных граждан;
- изготовление подложных трудовых договоров с постановкой на них оттисков печатей для оформления иностранным гражданам разрешения на работу сроком на 1 год;
- изготовление поддельного разрешения на работу;
- изготовление поддельной медицинской справки об отсутствии ВИЧ и некоторых других опасных инфекционных заболева-

ний;

- изготовление от имени иностранных граждан без ведома и согласия последних подложных доверенностей на право подачи документов в компетентные государственные органы для оформления разрешений на работу и фактическая подача указанных документов.

Необходимо отметить, что изготовление поддельных документов и иные незаконные действия, носящие явный криминальный характер, производятся не в офисных помещениях, занимаемых используемым преступником юридическим лицом, а в иных, специально подобранных для указанных целей помещениях, зачастую, жилых.

Заключительным этапом преступной деятельности является незаконное получение мигрантами документов, подтверждающих их легальный статус нахождения или работы на территории Российской Федерации.

Анализируя указанный выше способ совершения организации незаконной миграции, возможно определить признаки организации незаконной миграции, которыми являются:

- реклама в общественных местах или в сети «Интернет» информации об оказании услуг официальной регистрации иногородних и иностранных граждан, помощи в оформлении разрешения на работу (патента) и других документов без явки иностранного гражданина в компетентные органы государственной власти и (или) медицинские учреждения;

- регистрация в одном адресе жилого помещения большого количества иностранных граждан;

- регистрация большого количества иностранных граждан в разных адресах жилых помещений, но принадлежащих одному физическому лицу – гражданину РФ;

- наличие у иностранного гражданина разрешения на работу, обладающего признаками квалифицированной подделки;

- фактическое нахождение иностранного гражданина на территории Российской Федерации длительный период (более установленного законом срока действия патента).

С учетом того, что преступники, используют, как правило, для

организации незаконной миграции юридическое лицо, образованное с использованием подставных лиц, одним из направлений работы для сотрудников оперативных подразделений должно быть отработка проверяемых (разрабатываемых) лиц на причастность к совершению преступлений, предусмотренных статьей 173.1. УК РФ и статьей УК РФ 173.2.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агаев Г.А., Бозиев Т.О. К вопросу об уголовной ответственности за фиктивную постановку на миграционный учет иностранного гражданина или лица без гражданства // Журнал правовых и экономических исследований. 2016. № 2. С. 17–23.

2. Бордюговская А.А., Бозиев Т.О. К вопросу о современных информационных угрозах // Современное общество: наука, техника, образование: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием в 4-х томах. Т. 1 (г. Нефтекамск, 15 декабря 2016 года). Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. С. 274–282.

Ф.С. Сосенков

ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СЕПАРАТИЗМУ В НОВОЙ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Федор Сергеевич Сосенков – преподаватель кафедры конституционного и международного права, Нижегородская академия МВД России, кандидат юридических наук, доцент, г. Нижний Новгород; **e-mail:** fss2005@rambler.ru.

В статье рассмотрены вопросы обеспечения территориальной целостности, поднятые в новой Стратегии национальной безопасности России. Особое внимание уделено аспектам профилактики сепаратизма. Отмечено, что документ позволяет разделить сепаратизм как идеологию от соответствующей практической деятельности, а также классифицировать меры противодействия данному деструктивному явлению.

Ключевые слова: национальная безопасность; государственное единство; территориальная целостность; сепаратизм; профилактика; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации.

Указ Президента России от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»

(далее – Стратегия), явившийся ответом на актуальные внутренние и внешние угрозы, стал знаменательным событием в правовой и политической жизни 2016 года. Как и ранее действовавшая Стратегия национальной безопасности 2009 года, документ призван обеспечить стабильное развитие в области экономики [4. С. 49–57], транспорта [1. С. 79–85], социального обеспечения [11. С. 353–357; 7. С. 107–110], науки и образования [10. С. 14–31; 9. С. 133–138] и других сфер. Одной из центральных задач в рамках обеспечения национальной безопасности является сохранение территориальной целостности России [2. С. 139, 299; 8. С. 22; 5. С. 175; 3. С. 182].

Преодоление угроз территориальной целостности Российской Федерации – одна из центральных тем документа. Сама национальная безопасность Российской Федерации (пункт 6 Стратегии) понимается как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются ... государственная и территориальная целостность...». Укрепление территориальной целостности называется первым в ряду российских национальных интересов на долгосрочную перспективу (пункт 30), обеспечение целостности России рассматривается как стратегическая цель государственной и общественной безопасности (пункт 42).

Нарушение территориальной целостности государства нередко является следствием и логическим завершением действия сепаратистских сил [6. С. 21–23]. В научной литературе под сепаратизмом принято понимать движение за отделение части страны и образование нового самостоятельного государства. Стратегия отводит значительное место мерам противодействия, главным образом, посредством профилактики, сепаратизму.

В этой связи сепаратизм рассматривается в качестве угрозы и как идеология («...деятельность, связанная с использованием информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии...сепаратизма...» (пункт 43); «...размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации..., пропаганды вседозволенности и наси-

лия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости... (пункт 79), и как соответствующая практика («...деятельность радикальных общественных объединений и группировок, ..., а также частных лиц, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации» (пункт 43).

Профилактику соответствующей идеологии предполагается осуществлять ещё «на дальних подступах», силами системы образования и культуры: «повышение роли школы в воспитании молодежи как ответственных граждан России на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, а также в профилактике экстремизма и радикальной идеологии» (пункт 70); «сохранение и развитие общероссийской идентичности народов Российской Федерации, единого культурного пространства страны» (пункт 76); «... приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, обеспечение национальной, религиозной, расовой терпимости, ...воспитание взаимного уважения народов Российской Федерации, а также ... развитие межнациональных и межрегиональных культурных связей» (пункт 80); «...проведение государственной политики по реализации функции русского языка как государственного языка Российской Федерации, средства обеспечения государственной целостности страны и межнационального общения народов Российской Федерации (пункт 81)».

На противодействие же современным стремлениям нарушения территориальной целостности России направлены самые различные ресурсы государственного аппарата: «...совершенствуется структура и деятельность федеральных органов исполнительной власти, развивается система выявления, предупреждения и пресечения ... актов ... сепаратизма...» (пункт 47).

Как можно отметить, предупредительные меры в документе выходят на передний план. Угрозы территориальной целостности видятся также в социальном и экономическом развитии России. Центробежные силы могут «подогреваться» состоянием социальной нестабильности, а также недовольством населения регионов по отношению к федеральному центру и иным самостоятельным субъектам. Данный аспект также раскрыт в документе: «Главны-

ми стратегическими угрозами национальной безопасности в области экономики являются ... неравномерное развитие регионов» (пункт 56). Исправление сложившейся ситуации, «...создание механизма сокращения уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации путем сбалансированного территориального развития страны» (пункт 65) рассматривается в качестве одного из главных направлений национальной безопасности. В перспективе предполагается «...устранить угрозы национальной безопасности, связанные с диспропорцией развития регионов России, целесообразно путем стимулирования самостоятельного экономического развития субъектов Российской Федерации и их кооперации, повышения инвестиционной и предпринимательской активности, укрепления бюджетной обеспеченности, совершенствования межбюджетных отношений, расширения количества центров экономического роста, в том числе территорий опережающего социально-экономического развития» (пункт 66).

Проблемы противодействия сепаратизму, обеспечения территориальной целостности при самом неблагоприятном развитии обстановки могут быть связаны с боевыми действиями. В этой связи предотвращение военных конфликтов (в том числе и тех, которые потенциально могут возникать и на почве сепаратизма) является одним из центральных направлений обеспечения национальной безопасности: «...разрабатываются и реализуются взаимосвязанные политические, военные, военно-технические, дипломатические, экономические, информационные и иные меры, направленные на предотвращение применения военной силы в отношении России, защиту ее суверенитета и территориальной целостности».

Таким образом, следует заключить, что действующая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации представляет собой документ, определяющий цели и задачи органов государственной власти, их связи с институтами гражданского общества по различным направлениям противодействия сепаратизму. Являясь одновременно планом-ориентиром правотворческой работы, документ обладает значительным потенциалом ук-

репления государственного единства России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кожевников С.Н., Сосенков Ф.С. К вопросу о нормативно-правовом обеспечении модернизации транспортной системы Российской Федерации // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. 2013. № 36. С. 79–85.

2. Мазаева Е.С., Петрянина О.А., Торопкин С.А., Трусов Н.А. Основы теории национальной безопасности: курс лекций. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2016. 386 с.

3. Миловидова А.С. Новая стратегия национальной безопасности России: технико-юридическое сравнительно-правовое исследование // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 179–185.

4. Михайлов А.И. Национальная безопасность в контексте эволюции экономического пространства и пространственного моделирования мировой экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 26. С. 49–57.

5. Петрянин А.В., Петрянина О.А. Понятие безопасности: законодательно-доктринальные подходы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. С. 173–176.

6. Сосенков Ф.С., Коломейченко Е.А. О деструктивном воздействии сепаратизма на государственность // История государства и права. 2013. № 22. С. 21–23.

7. Торопкин С.А. Международные гарантии пенсионных прав сотрудников органов внутренних дел // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3(35). С. 107–110.

8. Трусов Н.А. Система национальной безопасности России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 20–25.

9. Цветков В.В. Роль локальных нормативных актов образовательных организаций системы МВД России в образовательном законодательстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3(35). С. 133–138.

10. Чошанов М.А. Образование и национальная безопасность: системные ошибки в математическом образовании России и США // Образование и наука. 2013. № 8(107). С. 14–31

11. Чумак И.А. Методологические ориентиры исследования социальной безопасности как составляющей обеспечения национальной безопасности России // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. № 4. С. 353–357.

**НОВЕЛЛЫ РОССИЙСКОГО
АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ПРАВА И ПОЛИТИКИ 2016
ГОДА: ТЕРРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЕТЕВОЙ МОДЕЛИ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Зуфар Ильдарович Тагиров – адъюнкт кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях, Академия управления МВД России, г. Москва; **e-mail: 89683757331@mail.ru.**

В статье освещаются актуальные политико-правые изменения в сфере противодействия терроризму в Российской Федерации, на основе зарубежного опыта предлагаются к внедрению новые организационные механизмы правоохранительной деятельности.

***Ключевые слова:** террор; терроризм; противодействие терроризму; правоохранительная деятельность.*

2016 год для отечественных юристов-исследователей и специалистов антитеррористического профиля запомнится знаменательным периодом в генезисе правовых и организационных механизмов противодействия террористической деятельности.

Кратко напомним, что в 2016 году в России проводилась масштабная реформа правоохранительных органов: ФМС и ФСКН возвращены в структуру МВД России, на базе внутренних войск и спецподразделений МВД создана Федеральная служба войск национальной гвардии (Росгвардия или Нацгвардия). В связи с этим перераспределены полномочия по пресечению террористических актов между МВД и Нацгвардией, последняя стала «суперсиловой» службой.

Бурная общественная дискуссия была открыта вокруг «пакета законов Яровой» (Федеральные законы от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ и № 375-ФЗ), расширяющих полномочия правоохранительных органов, утверждающих новые требования к операторам связи, новые требования к перевозчикам-экспедиторам и операторам почтовой связи, дополнительно регламентирующих религиозно-миссионерскую деятельность.

Описанные политико-правовые новации, тесно связанные с балансом прав человека и интересов общества, расширяют имеющиеся и открывают новые отечественные правоохранные возможности для противодействия террористической деятельности. Подобные новации в международной практике зачастую обосновываются борьбой с терроризмом и транснациональной организованной преступностью [3. С.162], в этой связи отечественная практика подчиняется общемировым закономерностям развития.

Мировая тенденция расширения правоохранных механизмов, по-нашему мнению, имеет следующее объяснение. С развитием информационно-телекоммуникационных технологий и сетей общество рассматривается как совокупность самоорганизующихся на основе информационных коммуникаций горизонтальных (неформальных) социальных групп. Такие гуманитарные сети формируются вокруг общих ценностей и интересов, обладают устойчивыми социальными связями, характеризуются высокой внутренней лояльностью и солидарностью. Сетевые механизмы управления в социально-экономических и политических явлениях и процессах приобретают институциональный характер и объективно формируют современную общественную структуру [2. С. 69]. Типичными гуманитарными сетями являются современные транснациональные криминальные сообщества и террористические организации сетевого типа.

В связи с трансформациями в общественной деятельности и социальных структурах, очевидно, что и правоохранный деятельность должна быть адаптирована к новым условиям институциональной среды ответными мерами, соответствующими современным угрозам. В качестве адаптивных механизмов правоохранный деятельности следует рассматривать расширение информационных коммуникаций правоохранных органов. Идеальными механизмами противодействия преступности, с точки зрения теории сетевого общества, по-нашему, были бы такие коммуникации в информационно-правоохранный среде, которые бы позволяли своевременно пресекать и упреждать преступность в современных условиях сетевой общественной струк-

туры. Расширение механизмов легального сбора информации правоохрнительными органами при этом является необходимым условием формирования концептуально новой – сетевой – модели правоохрнительной деятельности.

Под сетевой правоохрнительной деятельностью нами понимаются совместные действия нескольких субъектов государственного управления в среде правоохрнительной коммуникации, направленные на получение общего результата. В процессе сетевой правоохрнительной деятельности создается, дополняется и используется общая для всех субъектов значимая информация, используются общие стандарты (правила) деятельности, совершаются общественно значимые действия. Участники сетевой правоохрнительной деятельности объединены общими объектами информации, в отношении которых они совершают осуществляют свои полномочия.

Практическая потребность развития описанной модели основывается на проведенной в 2016 году реформе правоохрнительных органов, в ходе которой пока не получили достаточной правовой регламентации вопросы взаимодействия между государственными органами, не урегулированы вопросы межведомственной передачи информации и организации совместного пользования ею. Налаживание межведомственного взаимодействия правоохрнительных органов с учётом возможного продолжения реформ [1. С. 1] в ближайшей перспективе потребует разработки стратегически нового концептуального подхода.

В этой связи нами предлагается организовать сотрудничество отечественных правоохрнительных органов на сетевых принципах. Для координации отечественной правоохрнительной деятельности в условиях современной сетевой общественной структуры необходимо создать правоохрнительную организацию сетевого типа.

В отечественной правоохрнительной деятельности необходимо формировать собственные межведомственные правоохрнительные сети по экстерриториальному принципу.

Целесообразным полагаем ведение совместных баз данных информации с организацией распределенного доступа к ней

субъектов правоохранительной деятельности. Результатом такого подхода к организации правоохранительной деятельности должна стать единая для всех субъектов информационно-правоохранительная среда.

Описанные авторские концептуальные предложения по организации правоохранительной деятельности являются закономерными адаптационными механизмами и связаны с общемировыми закономерностями трансформации социальных структур в информационную эпоху развития глобальной цивилизации. Следует признать вариативность организации предложенной модели и необходимость глубокой научной разработки данной проблематики. На данном историческом этапе считаем обоснованным привлечение внимания к сетевым формам организации правоохранительной деятельности и дальнейшее развитие научной дискуссии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Оперов С., Сафронов И. Министерство чрезвычайных полномочий. Готовится реформа правоохранительных и силовых структур // Газета «Коммерсантъ». 2016. 19 сентября. № 172. С. 1.

2. Тагиров З.И. Модель сетевой правоохранительной деятельности как вариант организации сотрудничества правоохранительных органов Российской Федерации в условиях сетевой общественной структуры // Актуальные вопросы обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности в Крымском федеральном округе: материалы Всероссийской науч.-практ. конф., 16 июня 2016 г. / под общ. ред. С.А. Буткевича. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. С. 69–72.

3. Тагиров З.И. Сетевые правоохранительные коммуникации Европейского союза в сфере борьбы с терроризмом // Новеллы права и политики: сб. научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции (г. Гатчина, 28 февраля 2016 г.). Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ, 2016. С. 162–167.

КОРРУПЦИЯ И КРЕДИТНО-БАНКОВСКАЯ СФЕРА

Александр Владимирович Тимофеев – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности в органах внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, г. Санкт-Петербург; **e-mail: a.timofeev@biostar.ru**.

В статье представлено исследование новелл ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», Гражданского кодекса, рассмотрены некоторые преступные схемы вывода активов банка за границу путем их хищения владельцами и топ-менеджерами банков и пути пресечения преступлений данного вида.

***Ключевые слова:** Центральный Банк России; коррупция; преступные схемы хищения денежных средств банка; обналичивание денежных средств.*

Большинство граждан нашей страны слово «коррупция» связывает, прежде всего, со взяточничеством. Однако это не совсем верно, и между этими двумя понятиями нельзя ставить знак тождества.

Коррупция (от латинского слова *Corruptio* – подкуп, порча, растление, продажность, разложение) – термин, обозначающий обычно использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав, а также связанных с этим официальным статусом авторитета, возможностей, связей в целях личной выгоды, противоречащее законодательству и моральным установкам. Коррупцией называют также подкуп должностных лиц, их продажность [3].

Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» дает следующее определение. «Коррупция – это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих

лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [4].

Современная кредитно-финансовая система Российской Федерации – это совокупность методов финансирования и кредитования, применяемых финансово-кредитными институтами для аккумуляции свободных средств и предоставления кредитов [2. С. 195]. Она имеет два уровня. Верхний уровень системы представлен Центральным Банком Российской Федерации (Банк России). На нижнем уровне действуют коммерческие банки и небанковские кредитно-финансовые институты.

Структурно система имеет следующий вид:

- 1) Центральный Банк Российской Федерации (Банк России);
- 2) банковская система, это коммерческие, сберегательные, инвестиционные, ипотечные и другие специализированные банки;
- 3) специальные кредитно-финансовые институты, представляющие собой пенсионные, инвестиционные и благотворительные фонды, а также страховые, финансовые и финансово-строительные компании.

Центральный Банк Российской Федерации (Банк России) возглавляет кредитную систему страны, имеет монопольное право эмиссии банкнот и осуществляет кредитно-денежную политику в интересах национальной экономики. Он – главный координатор всей кредитно-финансовой системы страны. В его обязанности входит эмиссия средств, защита устойчивости рубля, контроль деятельности учреждений, выдача лицензий на участие в банковских операциях.

Центральный Банк осуществляет надзор за деятельностью кредитных организаций и банковских групп (банковский надзор). Банк России не может участвовать в конкурентной борьбе банков на денежном рынке внутри страны, так как его деятельность должна быть направлена исключительно на достижение общегосударственных целей.

Банк России кредитует (рефинансирует) национальные банки и кредитные учреждения, работающие на территории России путём предоставления им краткосрочных кредитов в целях воздействия на ликвидность банковской системы. Центробанк сам уста-

навливает ставку рефинансирования и определяет условия предоставления кредитов под залог различных активов [5].

На первый взгляд, возникает вопрос: какое отношение имеет коррупция к кредитно-финансовой системе России? Давайте попробуем в этом разобраться.

Новое руководство Центрального Банка России в лице Э.С. Набиуллиной активно взялось за оздоровление банковского сектора кредитно-финансовой системы. Из средств массовой информации мы постоянно слышим о том, что у такого-то банка отозвана лицензия, а в такой-то кредитной организации введено внешнее управление. И действительно, статистика говорит сама за себя. Только за 2016 год Центральный Банк России отозвал лицензии у 75 кредитных организаций (по состоянию на 01.10.2016 г.) [6].

В первом полугодии 2016 года завершены ликвидационные процедуры в 11 кредитных организациях, из них в отношении 6 банков (ООО КБ «Универсал», ОАО КБ «СПБР», КБ «ЕВРОСОЮЗ» (ООО), АКБ «Первый Капитал» (ЗАО), АКБ «Онлайн Банк» (ЗАО), НКО ЗАО «Межрегион Клиринг Центр») осуществлялось конкурсное производство. В отношении 5 банков (НКО «Первый земельный РЦ» (ООО) АКБ «Адам Интернэшнл» АО, КБ «Совинком» (ООО), КБ «Старый Кремль», РНКО «ЦМР» (ООО)) – принудительная ликвидация [7].

По информации того же Центрального Банка, в 2016 году судами вынесены обвинительные приговоры в отношении 12 руководителей банков. К уголовной ответственности привлечены: заместитель председателя правления ООО КБ «Судостроительный банк» В.В. Мельников, председатель правления ООО КБ «Арт-Банк» В.Э. Тибилев, член совета директоров ООО КБ «Огни Москвы» М.Ю. Росляк, председатель правления АКБ «КОДЕКС» Д.Б. Мирвелов, председатель правления ПАО АКБ «ОБПИ» А.А. Одинцов и т.д. [7].

На первый взгляд, налицо активная работа руководства Центрального Банка по оздоровлению кредитно-финансовой системы. Но вызывают тревогу и непонимание некая, мягко говоря, медлительность в действиях регулятора по отзыву лицензии у

проштрафившихся банков. Как правило, отзыв лицензии происходит только после того, как владельцы этих банков благополучно успевают вывести все активы своих учреждений за границу.

Преступные действия владельцев банков либо их топ-менеджеров по преднамеренному банкротству банка можно представить как последовательность заранее продуманных и тщательно отработанных действий, состоящих из нескольких этапов. На первоначальном этапе владелец банка формирует его активы. После их создания разрабатываются различные преступные схемы по выводу активов за границу. В соответствии с выбранной схемой капитал банка уходит за пределы нашей страны.

После успешного выполнения первого этапа владелец банка приступает к реализации второй части своего преступного замысла, т.е. получения надежного места жительства за границей. На этом этапе не только приобретаются объекты недвижимости, но юридически оформляются основания пребывания в той или иной стране (получение гражданства либо вида на жительство). Второй этап заканчивается переездом собственника банка за границу.

Третий этап. Банк продолжает работать, но активов и денег в банке уже нет. Это длится некоторое время (может год или более), и вдруг Центральный Банк прозревает. Видит отсутствие активов и отзывает лицензию у банка.

Анализируя представленную выше преступную схему по преднамеренному банкротству банка, можно сделать вывод о, мягко говоря, странном подходе регулятора к деятельности таких банков. Безусловно, в действиях сотрудников Центрального Банка усматривается коррупционная составляющая [1]. Поясним сказанное.

Центральный Банк через свои надзорные службы достаточно оперативно и эффективно отслеживает ситуацию в коммерческих банках. В рамках банковского надзора ЦБ проводит оценку регулярно предоставляемой коммерческим банком финансовой и иной отчетности. Небольшие, мелкие злоупотребления коммерческого банка остаются без особого внимания со стороны ЦБ. Иное дело, если регулятор выявляет неоднократное нарушение

банками требования закона о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем либо проведение высокорискованных банковских операций. По мнению ЦБ высокорискованные операции это:

- ссуды, выданные юридическим лицам на предоставление займов третьим лицам либо погашение собственных долгов перед третьими лицами (кроме рефинансирования кредитов в других банках);

- покупку ценных бумаг и недвижимости;

- кредиты, выданные оффшорным компаниям, страховщикам и перестраховщикам.

Помимо этого, Банк России относит к высокорискованным операциям:

- выдачу корпоративных кредитов, если они впоследствии переведены на расчетные счета в другие банки;

- аналогичные кредиты физическим лицам, если их сумма более 50 млн руб.

Такие операции не могут быть не замечены регулятором, и он должен принять соответствующие меры. Наиболее негативными для коммерческого банка решениями со стороны ЦБ являются приостановка деятельности банка и отзыв лицензии. Вот здесь и наступает коррупционная составляющая деятельности сотрудников Центрального Банка России. Руководители и сотрудники инспекторских и надзорных подразделений ЦБ обычно готовы, за хорошее вознаграждение, не применять крайние меры к прощтрафившемуся банку.

Анализируя сложившуюся ситуацию в кредитно-банковской сфере, можно сделать вывод о том, что коррупция просто разъедает ее. Иначе чем объяснить то, что Банк России проводит серьезную проверку достоверности информации, которая распространяется в сети Интернет и отдельных СМИ. Речь идет о якобы наличии у руководителя Главного управления Банка России по Центральному федеральному округу Поляковой Ольги Васильевны и ее заместителя Свердлов Анастасии Сергеевны незадекларированных крупных денежных средств на счетах зарубежных банков.

«Имеющиеся в распоряжении Банка России сведения не дают оснований сомневаться в порядочности и честности его сотрудников. Обращаем внимание, что достоверная информация о доходах руководителей Банка России, его структурных подразделений и территориальных учреждений раскрывается на сайте Банка России в соответствии с законодательством РФ. Информлируем, что Банк России обратился к регуляторам тех юрисдикций, где расположены банки, упоминаемые в публикациях, с запросом о предоставлении всей необходимой информации о якобы имеющихся крупных денежных средствах на счетах иностранных кредитных организаций. Аналогичный запрос Банк России направил также непосредственно в иностранные банки на основании согласия О.В. Поляковой и А.С. Свердель на получение такого рода информации. Полученные данные будут тщательно изучены и проверены» [8].

Как следует из обнародованных документов, на личном счете у Ольги Поляковой в швейцарском банке Credit Suisse по состоянию на 18.05.2016 года припасено 3 128 254,97 евро (три миллиона сто двадцать восемь тысяч евро). Из этих же документов видно, что у Анастасии Свердель на ее счетах в Banco L.J. Carregosa S.A. лежат 3 793 973,58 евро (три миллиона семьсот девяносто три тысячи евро). При этом известно, что счет открыт в апреле 2014 года. А на счетах принадлежащей ей совместно с супругом компании Matherick Group Limited, зарегистрированной на территории офшорной зоны Белиз, еще 6 531 139,27 евро. Счет компании открыт в июне 2013 года. При этом на счету супруга в Credit Suisse хранятся 3 709 011,55 евро [9].

В декларации о доходах Поляковой Ольги Васильевны про вышеуказанные средства ни слова не сказано. На сайте Центрального Банка имеется информация об имуществе Поляковой О.В. за 2015 год. По ее официальному отчету, она заработала 12,7 миллиона рублей и сменила автомобиль Митсубиши Аутлэндер на Инфинити QX60. В отличие от Поляковой О.В. официальных данных об имуществе ее заместителя Анастасии Свердель на сайте ЦБ РФ не содержится [10].

Вот ещё один факт в подтверждение наличия коррупции в

Центральном банке России.

Представители «Межрегиональной общественной организации защиты вкладчиков в сфере банковских услуг» обратились к руководителю ЦБ РФ Э.С. Набиуллиной с заявлением о возможных противоправных, коррупционных действиях сотрудников данного ведомства, ее заместителей и других высокопоставленных чиновников.

Вышеуказанная общественная организация представляет интересы обманутых вкладчиков, не получивших свои деньги после объявления банков банкротами и отзыва у них лицензии. Речь идет, прежде всего, о таких банках как: АМТ Банк, Витас Банк, Коммерческий Банк «Холдинг-Кредит», Акционерный банк «ПУШКИНО», Коммерческий банк «Мастер-Банк», Банк Проектного Финансирования, Акционерный коммерческий банк «Инвестбанк», ОАО «Смоленский Банк», ООО «Мой банк», ОАО «Западный» Банк.

В своем обращении обманутые вкладчики требуют провести служебное расследование для выяснения причины задержек на год и более отзывов лицензий во всех упомянутых банках. Вкладчики обратили внимание руководства ЦБ на тот факт, что лицензии у банков были отозваны лишь после того, как их владельцы благополучно успели вывести все активы своих учреждений в зарубежные оффшоры [11].

Все вышесказанное подтверждается и последними инициативами руководства Центрального Банка. Так, Председатель ЦБ Эльвира Набиуллина выступила с инициативой о законодательном запрете выезда за границу банкиров, которые нарушили закон. С соответствующим предложением глава регулятора обратилась к президенту РФ Владимиру Путину в ходе встречи, состоявшейся с ним 13 сентября 2016 года. Обосновывая свое предложение, Эльвира Набиуллина привела примеры, когда за неуплату небольших штрафов (за ЖКХ или ГИБДД) граждан не выпускают за границу. Она отметила, что неотвратимость наказания – это ключевой фактор в предотвращении вывода активов из банков и бегства самих недобросовестных банкиров. Президент РФ со своей стороны пообещал дать соответствующее поручение

правительству и правоохранительным органам [12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бозиев Т.О. Пресечение преступлений в кредитно-банковской сфере. // Журнал правовых и экономических исследований. 2007. № 1. С. 68.

2. Шахматов А.В., Бозиев Т.О., Бухаров Н.Н. Теоретические основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. СПб., 2010. С. 195.

3. Википедия: свободная энциклопедия: [сайт]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D1%80%D1%80%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 15.08.2016).

4. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

5. Федеральный закон РФ от 10 июля 2002 г. N 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Ликвидация кредитных организаций // Центральный банк Российской Федерации (Банк России): [сайт]. URL: <http://www.cbr.ru/credit/likvidbase/LikvidBase.aspx> (дата обращения: 15.08.2016).

7. <http://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fwww.asv.org.ru%2Fagency%2Fannual%2F2016%2F2016-I-II.docx&name=2016-I-II.docx&lang=ru&c=580747375685> (дата обращения: 17.08.2016).

8. О достоверности информации в публикациях в сети Интернет и отдельных СМИ // Центральный банк Российской Федерации (Банк России). Пресс-служба: [сайт]. URL: http://www.cbr.ru/press/PR.aspx?file=24062016_151303if2016-06-24T15_12_19.htm (дата обращения: 15.08.2016).

9. Кто в ЦБ крысы? // Политика.ru: [сайт]. URL: <http://polytika.ru/info/63954.html> (дата обращения: 15.08.2016).

10. Сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера // Центральный банк Российской Федерации (Банк России): [сайт]. URL: <http://www.cbr.ru/anticor/?PrtId=profit> (дата обращения: 15.08.2016).

11. <http://rbcdaily.ru/society/562949991783167#xtor=AL> (дата обращения: 15.08.2016).

12. Набиуллина предложила запретить недобросовестным банкирам выезд из РФ // Banki.ru: [сайт]. URL: <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=9220687> (дата обращения: 15.08.2016).

**АНАЛИЗ ИЗМЕНЕНИЙ И ДОПОЛНЕНИЙ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В ЧАСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ МЕР
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ
РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА
ОТ 6 ИЮНЯ 2016 Г. №374-ФЗ (ЗАКОНА И.А. ЯРОВОЙ)**

Ильгиз Миншакирович Усманов – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности, Казанский юридический институт МВД России, кандидат юридических наук, г. Казань; **e-mail: ilgiz-kgs@mail.ru**.

В статье рассмотрены изменения отечественного законодательства в части установления дополнительных мер противодействия религиозному экстремизму и терроризму.

***Ключевые слова:** экстремизм; религиозные организации; миссионерская деятельность; Конституция РФ; «Закон И.А. Яровой».*

Изменения законодательства в свете принятия Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» (далее Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ) во многом определили перспективные направления криминологической превенции религиозного экстремизма и терроризма в стране, позволили переосмыслить ключевые подходы в определении вектора правового воздействия на данную проблему.

Принятие Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ обусловлено ростом угроз со стороны террористических организаций, за которыми стоят огромные ресурсы. Соответствующие организации используют современные средства коммуникации как инструмент в осуществлении своей преступной деятельности: экстремистская пропаганда, связь, финансирование, вербовка и организация террористических актов.

Вместе с тем, принятый пакет «антитеррористических» поправок в законодательство, получивший известность как «закон Яровой», вызвал немало спорных вопросов среди авторитетных российских экспертов в области права и религии, а также известных священнослужителей.

Одной из главных новелл является статья 205.6 УК РФ «Несообщение о преступлении», которой вводится уголовная ответственность за несообщение о людях, которые «по достоверно известным сведениям» готовят, совершают или совершили преступление. На первый взгляд, все понятно. Вместе с тем возникает целый ряд вопросов. Определение понятия «приготовление к преступлению» хотя и имеется в Уголовном кодексе (ст. 30 УК РФ), достаточно зыбкое и тяжело доказуемое. Понятие же «достоверно известные сведения» можно трактовать по-разному, каких-либо пояснений в законе к нему нет. В силу этого у следствия могут возникнуть проблемы в доказывании достоверности сведений и не сообщении о них.

Другими словами, в Уголовный кодекс возвращается норма о недонесении о преступлении, не включение которой в УК РФ 1996 г. было принципиальным решением его разработчиков. Бездействие уголовно наказуемо в случае, если на лицо возлагается юридическая обязанность действовать, но в российском праве эта обязанность имеет лишь моральный характер. По сути, эта криминализация представляет собой перевод моральных обязанностей в плоскость уголовного права. Предлагаемая норма станет единственной нормой в Уголовном кодексе Российской Федерации, криминализирующей свое нарушение.

Кроме того, в соответствии с УК РФ 1996 г. не является наказуемым даже не оказание помощи лицу в опасном для жизни состоянии – ст. 125 УК РФ, в отличие от УК РСФСР 1960 г., предполагает юридическую обязанность человека оказывать такую помощь. Теперь «законом Яровой» устанавливается ответственность за не оказание помощи органам власти. При этом возраст уголовной ответственности снижен до 14 лет.

Представляется необоснованным расширение перечня преступлений с 22 до 32, за совершение которых ответственность на-

ступает с 14 лет. Иными словами, лица в возрасте от 14 до 16 лет, участвующие в подготовке и совершении террористического акта, несут уголовную ответственность за убийство и иные преступления, ответственность за которые все-таки наступает с 14-летнего возраста (ч. 2 ст. 20 УК РФ в действующей редакции).

По нашему мнению, несовершеннолетние в возрасте от 14 до 16 лет еще не способны в полной мере осознать и разделить те ценности, взгляды и установки, которые преследуют взрослые экстремисты-террористы. Они могут и должны отвечать в этом случае лишь за убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и т.п., но не подлежат уголовной ответственности за терроризм, так как не постигают его смысла и значения. Рассматривая же уголовную ответственность подростков за недонесение (ст. 205^б УК РФ) и участие в незаконных вооруженных формированиях (ст. 208 УК РФ) необходимо говорить скорее о реабилитации, чем о наказании.

Кроме того, с точки зрения положений главы 14 УК РФ, расширение круга преступлений в ч. 2 ст. 20 УК РФ также лишено значимого смысла в большинстве ситуаций: в любом случае максимально возможным наказанием для такого лица будет 10 лет лишения свободы, что и сейчас составляет возможный максимум по ст. 105 УК РФ.

В УК РФ введен новый состав преступления – Акт международного терроризма. Руководствуясь правовой логикой непонятным представляется то, что акт терроризма, совершенный за границей, наказывается значительно суровей, чем совершенный на территории России. В некоторых случаях за ненасильственные «экстремистские» деяния наказание в два с лишним раза выше, например, чем за убийство (умышленное причинение смерти) в состоянии аффекта (максимальный срок лишения свободы – 3 года).

К обсуждению данного закона не были привлечены религиозные деятели и экспертное сообщество, в связи с чем возникает много вопросов к определению понятия «миссионерская деятельность». Следует согласиться с А.Е. Себенцовым, по мнению которого на лицо нарушение конституционных прав граждан на по-

иск и распространение информации, прав каждого иметь и распространять религиозные и иные убеждения (ст. 28-30 Конституции РФ). В данном случае необходимо руководствоваться ч. 2 ст. 55 Конституции РФ, согласно которой запрещается принятие законов, которые отменяют или умаляют права человека и гражданина. Публичные интересы, перечисленные в ч. 3 ст. 55 Конституции, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей [1]. Выходя за пределы Основного Закона государства, законодатель способствует увеличению критической массы недовольства властью и протестным его проявлениям, в том числе в самой радикальной форме.

Одобрения в законе заслуживает то, что в зону правового внимания внесены сферы деятельности религиозных организаций, зачастую скрытые от государственного контроля и надзора. Этому способствовали такие факторы, как рост преступлений экстремистской направленности (с 2010 г. по 2015 г. зарегистрировано 5233 преступления экстремистской направленности), увеличение количества религиозных организаций (количество зарегистрированных религиозных организаций в 2016 г. составило 28465). Стоит также приветствовать регулирование процесса религиозно-миссионерской деятельности дополнением Федерального закона от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» главой III.1 «Миссионерская деятельность». Законодатель дополнил п. 3 ст. 17 данного закона требованием по маркировке литературных, печатных, аудио- и видеоматериалов, выпускаемых религиозной организацией. Однако согласно положению, ст. 12 Закона РФ от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации», государственной регистрации не подлежат периодические издания, тираж которых не превышает 1000 экземпляров, а также аудио- и видеопрограммы, распространяемые в записи тиражом не более десяти экземпляров.

По нашему мнению, в целях обеспечения государственного

контроля тиражируемой печатной продукции религиозными организациями, необходимо внести изменения в ст. 12 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», установив максимальный порог тиражируемой печатной продукции в 100 экземпляров.

В ходе анализа изменений и дополнений законодательства Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности в условиях реализации Федерального закона от 6 июня 2016 г. № 374-ФЗ («Закона И.А. Яровой») мы пришли к следующим выводам. Анализируемый «Закон И.А. Яровой» принимался не только в интересах общества, но и в интересах силовых ведомств с целью усиления спецслужб, что должно привести к снижению уровня преступности экстремистской направленности. Очевидно, что принятие законодателем жестких мер для предотвращения экстремистской деятельности на территории Российской Федерации, сопряженных с ограничением прав и свобод человека и гражданина, должно в максимальной степени соответствовать нормам Конституции Российской Федерации. Пакет антитеррористических мер в нашей стране необходим и должен разрабатываться и реализовываться при комплексном подходе, одновременном взаимодействии и функционировании наиболее важных институтов власти, демократии, политики, права и религии. Только при соблюдении данных условий возможно полноценное функционирование демократического правового государства, а также гражданского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Себенцов А.Е. Поводы для очередных гонений на религиозные меньшинства расширяются // СОВА: Информационно-аналитический центр: [сайт]. URL: <http://www.sova-center.ru/religion/publications/2016/06/d34845/> (дата обращения: 20.10.2016).

НОВЕЛЛЫ ПРАВА И ПОЛИТИКИ 2016

*Материалы
Международной научно-практической конференции*

г. Гатчина
23 ноября 2016 года

Том 1

Ответственный редактор В. Андронатий
Корректор Ю. Чиркова
Компьютерная верстка И. Иванова
Дизайн обложки О. Зуев

Подписано в печать 29.12.2016 г.

Формат 60x84¹/₁₆

Усл.печ.л. 17,6

Тираж 550 экз.

Заказ 1137

Издательство Государственного института экономики, финансов, права и технологий
Лицензия ЛП № 000123 от 01.04.99 г.
188300 Ленинградская обл., г. Гатчина, ул. Рощинская, д. 5

Цена свободная

ISBN 978-5-94895-105-8

9 785948 951058